

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2013

№ 3 (118)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2013

№ 3 (118)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. УрО РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. СО РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. УрО РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутич**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Н. В. Сулов
- Заместитель главного редактора
по международным связям
А. С. Меньшиков
- Ответственный секретарь
Е. С. Ковалева
- Члены редколлегии
- Е. В. Грунт**
- В. Д. Камынин**
- А. Г. Кислов**
- Н. А. Комлева**
- Т. А. Круглова**
- Н. С. Минаева**
- А. В. Меренков**
- В. И. Михайленко**
- Л. Г. Попова**
- О. Ф. Русакова**
- Л. Л. Рыбцова**
- Е. Г. Трубина**
- Д. М. Федяев** (Омск)
- А. Ю. Цофнас**
(Одесса, Украина)
- Е. С. Черепанова**

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

<i>Ивашов Л. Г.</i> Состояние системы международной безопасности на современном этапе 6	российской региональной политико-административной элиты (по результатам социологического исследования 2012 г.) 115
<i>Комлева Н. А.</i> Поствестфальский мировой порядок как системная угроза национальной безопасности современных государств 19	<i>Керимов А. А.</i> Проблемы развития парламентаризма в трансформирующихся обществах 123
<i>Манойло А. В.</i> Специфика цветных революций «арабской весны» 30	<i>Гуторов В. А.</i> СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (Часть 1) 130
<i>Майтдинова Г. М.</i> Геополитическая динамика в постсоветской Центральной Евразии в начале второго десятилетия XXI века 36	<i>Simons G.</i> The Death of the Fourth Estate: Corporate Media and News Production 145
<i>Фаткулин Б. Г.</i> Языковая политика в государствах Центральной Азии на современном этапе в контексте цивилизационной гетерогенности 46	ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ
<i>Русакова О. Ф.</i> Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии 52	<i>Брянник Н. В.</i> Феноменология — «теневой кабинет» философии науки? 158
<i>Мухаметов Р. С.</i> Украина между Евро-союзом и Россией: опыт геополитического анализа 62	СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ
<i>Баранов Н. А.</i> Формирование новых институциональных правил в российской политике 70	<i>Яковлева Е. Л., Гайнуллина Л. Ф.</i> Технологии манипуляции сознанием и современное мифотворчество 172
<i>Радиков И. В.</i> Гражданское участие в политике и политическая стабильность в России: новые тенденции 80	ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
<i>Дьякова Е. Г.</i> «Сфера трансфера»: технологии электронного правительства в национальном контексте 94	<i>Емельянов Б. В.</i> История царской цензуры 179
<i>Трахтенберг А. Д.</i> Электронное правительство: стимул для трансформации государства или институциональный миф? 101	<i>Мирошников Ю. И.</i> «Мы посмотрим, кто сильнее — власть или мысль» (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена) 187
<i>Наронская А. Г.</i> Применение неинституционального подхода в исследовании развития политической элиты 109	УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ
<i>Попова О. В.</i> Системные противоречия профессиональной деятельности	<i>Ионайтис О. Б.</i> Философия истории в средневековой Руси (XI–XVII вв.) . 196

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Пьянков И. В.</i> О книге Макробия «Сатурналии» 212
<i>Вершинин С. Е.</i> Непонятый мыслитель .. 214
Некролог..... 218
Авторы номера..... 219

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В данном разделе журнала мы представляем некоторые результаты научной деятельности кафедры теории и истории политической науки нашего университета и ее ключевых партнеров по образовательному процессу и научным исследованиям. Эта деятельность осуществляется по двум основным направлениям — «Специфика современного геополитического процесса» и «Политические институты, процессы и технологии». Главными партнерами кафедры являются факультет политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета, факультет Евразии и Востока Челябинского государственного университета, Академия геополитических проблем (Москва), Центр геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе), Центр евразийских исследований университета г. Упсала (Швеция), Институт философии и права Уральского регионального отделения Российской академии наук.

УДК 327.2 + 327.7 + 355.2

Л. Г. Ивашов

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются современная геополитическая картина мира и те угрозы, которые испытывает система безопасности России. Эти угрозы оказываются напрямую связанными с задачами национальной стратегии США, а также с планами по развертыванию системы противоракетной обороны США. Автор приходит к выводу о том, что столпом российской внешней политики должна стать «безопасность через сотрудничество».

Ключевые слова: международная безопасность, противоракетная оборона, преемственная война, геополитические центры, цивилизации, СБ ООН.

Система послевоенной международной безопасности стала закладываться еще в ходе первого этапа Великой Отечественной войны и окончательно оформилась на ее завершающем этапе. Послевоенный миропорядок носил четко выраженный биполярный характер. После войны возник и развивался третий фактор международной безопасности — постколониальный, или развивающийся, мир. Слабо организованный, находящийся под влиянием двух полюсов, он тем не менее играл определенную роль в системе международной безопасности. Движение неприсоединения (действует по сей день и включает более 100 стран) обрело планетарный масштаб и своей деятельностью способствовало укреплению международной безопасности. Тенденцией стало и формирование региональных подсистем безопасности, таких как СБСЕ (ОБСЕ), ОИК, АСЕАН и др. Проявлялась и другая тенденция, продвигаемая англосаксонской элитой и поддерживаемая крупным западным капиталом, — создание военных блоков. Наряду с образованием в апреле 1949 г. Североатлантического альянса (НАТО) были созданы блоковые организации «Багдадский пакт», СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС. Укреплялись двусторонние военные союзы США с Японией, Южной Кореей, Ираном, Турцией и т. д. В ответ на создание НАТО Москва заключила военно-политический союз с КНР, а в мае 1955 г. СССР инициировал создание Варшавского пакта, после того как провалились все попытки сформировать совместную с западными странами систему коллективной безопасности в Европе.

Таким образом, система международной безопасности, сложившаяся по результатам Второй мировой войны, носила всеобъемлющий комплексный характер, охватывала все планетарное пространство и базировалась на принципе сложившегося баланса сил.

Деформация системы международной безопасности в результате развала Советского Союза

Деформация послевоенной системы международной безопасности началась с приходом к руководству Советским Союзом М. Горбачева. Не обладавший

геополитическим кругозором и глубоким пониманием сложных мировых процессов, новый советский руководитель довольно быстро стал объектом манипулирования Западом, отказался от поддержания баланса сил в мировом пространстве, стал сдавать стратегические позиции СССР. Доходило до того, что в ходе переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений (чему автор был свидетелем) Горбачев и Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) играли за спиной советских генералов и дипломатов на стороне американцев. Горбачев и его ближайшее окружение не имели четкой внешнеполитической концепции, стратегии национальной и международной безопасности, не видели перспективной модели развития советского государства и мировой системы социализма. Провозглашенное Горбачевым геополитически совершенно бессодержательное «новое политическое мышление» и выход из холодной войны на самом деле означали идеологическую капитуляцию перед Западом и разрушение баланса сил в мировом пространстве, на основе которого формировалась система международной безопасности. Деятельность Горбачева и его команды подпадает под определение цивилизационного или геополитического предательства. Позднее, после развала СССР, помощник президента СССР Г. Шахназаров признавался, что они в аппарате Горбачева о геополитике ничего не знали, а о геополитических законах, закономерностях, теориях и концепциях вообще никогда не слышали.

Развал Советского Союза и мировой социалистической системы коренным образом изменил геополитическую структуру мира и расстановку сил в мировом политическом пространстве. Рухнул один из полюсов биполярной миро-конструкции. Резко ослаб третий полюс — движение неприсоединения. США остались единственной сверхдержавой и, по сути, единственным полюсом силы. Уже в начале 1992 г. Пентагон представил конгрессу и президенту доклад о стратегии национальной безопасности США, в котором говорилось: «Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял Советский Союз. Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального глобального соперника» [4]. Это была заявка на единоличное управление мировыми процессами и одновременно указание России (и Китаю) не пытаться соперничать с Америкой.

Госсекретарь США М. Олбрайт, обращаясь к американским генералам, четко определила главный инструмент внешней политики Вашингтона: «Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?» [7, 22]. То же самое подчеркнул в январе 1998 г. президент США Б. Клинтон, выступая в Национальном оборонном университете: «Дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты» [Там же]. Итак, Соединенные Штаты сразу после исчезновения Советского Союза объявили нормативную базу системы международной безопасности «утратившей силу». Наступила эпоха международного беззакония, насилия и разбоя. И это не стало новым явлением в истории человечества. Еще великий Гегель, анализируя геополитическое поведение континентальных

и морских народов, утверждал, что «море призывает к разбою». Изменение геополитической ситуации в 1991 г. только укрепило элиту США и Великобритании в следовании прежнему многовековому курсу на мировое владычество.

Развал СССР способствовал воплощению этой мечты и даже придал ей некий мистифицированный смысл и соответствующий обряд. И в решении этой задачи наличие силовых возможностей, по мнению ряда американских политических экспертов, «открыло перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная — и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики» [8, 5]. А вот резюме американского политолога Т. Фридмена: «...мир поддерживается присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем» [9, 5]. В этом изречении мы уже наблюдаем тесную взаимосвязь военной силы с «невидимой» рукой рынка, то бишь с крупным олигархическим капиталом.

Напомню, что еще в 1907 г. на одном из островов вблизи США состоялось тайное совещание крупнейших мультимиллионеров мира. На нем была принята следующая формула (план Марбурга), закрепившая приоритет в деятельности родившейся мировой финансовой элиты: «Власть — это товар. Пусть и самый дорогой. Поэтому мировая власть должна принадлежать международным финансистам». С ликвидацией мировой системы социализма эта формула обрела реальные очертания. Но первое, что следовало предпринять, это завоевать реальную власть в Соединенных Штатах Америки. Как это осуществлялось, подробно исследовал член-корреспондент Академии геополитических проблем, доктор политических наук В. Б. Павленко в своей объемной монографии [5]. Последним американским президентом, кто пытался отнять власть у Федеральной резервной системы, превратившей обесцененный доллар одновременно и в товар, и в инструмент власти, был Дж. Кеннеди, за что он и поплатился жизнью.

Состояние международной безопасности в начале XXI столетия

Итак, развал Советского Союза и разрушение биполярной мироконструкции создали для человечества ситуацию исторической неопределенности, но одновременно «высветили» для США и транснационального капитала историческую возможность установления однополярного (монополярного) миропорядка. На первом этапе ставка была сделана на превосходство военной силы. Именно в этот период были резко увеличены военные расходы, совершен качественный военно-технологический отрыв от всех других стран мира. НАТО был придан статус мирового жандарма, не подчиняющегося международным нормам и правилам, зона его «ответственности» распространена на все планетарное пространство (решения саммита глав государств НАТО, апрель 1999 г., Вашингтон). Были усилены экспедиционные группировки американских воору-

женных сил, созданы новые зоны ответственности в различных регионах мира, включая постсоветское пространство, сформированы командования этих зон, отработаны варианты придания американским военным авантюрам характера международных операций (СРЮ, Ирак, Афганистан, Ливия).

В эти же годы активно расширялось американское военное присутствие в мировом пространстве, и сегодня Соединенные Штаты имеют около 400 крупных военных баз и сотни военных объектов за рубежом. Средством информационного прикрытия вооруженной агрессии стали так называемые «гуманитарные» интервенции, а провоцирующим ситуацию инструментарием — получившие динамичное развитие частные военные корпорации и создаваемые спецслужбами террористические организации. Особое внимание Вашингтон обратил на развитие сил специальных операций, и не только в системе ЦРУ, разведуправления Пентагона (РУМО), Агентства национальной безопасности (АНБ). Свой спецназ имеют Министерство финансов, Министерство энергетики и другие государственные ведомства. В рамках Национального совета по разведке действуют 16 разведведомств, которые занимаются не только разведкой, но и мощной аналитикой, прогнозированием, планированием развития ситуации и, конечно, проведением соответствующих операций. Мощные спецслужбы действуют в финансово-банковской сфере. Особые функции получил Госдеп США (внешнеполитическое ведомство): координацию подрывной деятельности, организацию хаоса и нестабильности, революций и переворотов в назначенных Соединенными Штатами странах, а также обеспечение тотального контроля за внутренней и внешней политикой стран-сателлитов и подконтрольных властвующим элит.

В качестве глобальных объектов, контроль над которыми обеспечивает однопольярный миропорядок, Стратегия национальной безопасности США определяет ключевые районы мира, стратегические коммуникации и глобальные ресурсы планеты. При решении этих задач важным направлением определено установление контроля над властвующими элитами государств. Свержение антиамериканских режимов или режимов, стремящихся проводить независимую от США политику, приведение к власти «пятых колонн» и постоянный контроль над ними стали стержнем американской внешней политики в 90-е гг. прошлого столетия. Такая стратегия предполагает разрушение баланса сил, установление решающего превосходства, а также необходимость «освобождения» от международных норм и правил, выработанных человечеством в условиях биполярной модели, и прежде всего от основополагающего принципа Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела государств. Тяжеловес американской внешней политики Г. Киссинджер в 1994 г., говоря об Америке как об империи, утверждал: «У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии» [3, 21].

Ему вторит К. Райс: «Соединенные Штаты играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне» [10, 34]. Этот подход был официально закреплен в американской доктрине превентивной войны, а затем

и в стратегических концепциях НАТО. В марте 1999 г. эта доктрина стала основанием для агрессии против Союзной Республики Югославии. Совет безопасности ООН был проигнорирован, в системе международной безопасности была пробита опасная брешь. Окончательный крах системы наступил в результате операции 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты в одностороннем порядке и даже при поддержке России присвоили себе право вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, в дела любого государства и распоряжаться судьбами всего человечества. Принцип Устава ООН (ст. 2, п. 7), запрещающий вмешательство во внутренние дела суверенных государств, был попросту проигнорирован. Последовало вторжение в Афганистан, в 2003 г. наголовской коалицией была уничтожена Иракская Республика, в 2011-м — Ливийская Джамахирия.

Новые угрозы в адрес России

Разрушается система двусторонних договоренностей, обеспечивавших стратегический баланс: в 2002 г. США в одностороннем порядке выходят из Договора 1972 г. об ограничении систем ПРО; по инициативе США перестает работать Договор между Россией и НАТО об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ); уже в 90-е гг. американская сторона стала открыто нарушать положения Договора СНВ-2, в том числе по сокрытию возвратного потенциала, препятствовать исполнению российскими инспекторами функции по контролю над сокращением стратегических вооружений. Полным ходом прокладывается путь к мировому беззаконию.

Однако помехой на этом пути являются сохранившаяся часть российского стратегического ядерного потенциала и потенциальные ядерные возможности Китая, что ставит под сомнение американскую стратегию мирового господства. В 1999–2000 гг. в США активно обсуждается так называемый «ядерный обзор». В результате эксперты и политики приходят к выводам: стратегический американо-российский ядерный паритет, как фактор сдерживания, не отвечает интересам США. К тому же американские стратегические ядерные силы (СЯС) стимулируют Россию и Китай поддерживать (развивать) потенциал ответного удара. Утверждается новая ядерная доктрина, суть которой в следующем: понижение роли ядерных вооружений в военно-политической стратегии США, ограничение развития национальных СЯС, запуск российско-американского процесса сокращения ядерных вооружений (с возможным вовлечением в него в будущем Китая). Одновременно принимается ряд стратегических решений, должных обеспечить Соединенным Штатам решающее военное превосходство. Это прежде всего наращивание высокотехнологичных обычных средств вооруженной борьбы, создание новых видов оружия, разработка новой теории войны и развитие тактики ведения боевых действий.

18 января 2003 г. Дж. Буш подписывает директиву о концепции «Быстрого глобального удара» (БГУ). Создается соответствующее командование БГУ, выделяются силы и средства, закладываются разработки новых, прежде всего высокоточных, средств поражения. Из состава стратегических ядерных сил вы-

водится ряд носителей ядерного оружия, которые переоборудуются под перспективные крылатые ракеты. Так, из состава морских ядерных сил выведены четыре самые мощные атомные подводные лодки типа «Огайо», с них сняты по 24 межконтинентальные баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и поставлены на каждую по 158 крылатых ракет — модернизированный «Томагавк». То же — с подлодками класса «Вирджиния». Для этих же целей переоснащаются и закладываются несколько надводных кораблей — носителей сотен крылатых ракет каждый. Сегодня ВМС США уже располагают 4 тыс. высокоточных крылатых ракет. Задана к разработке новая крылатая ракета, имеющая сверхзвуковую скорость полета и дальность свыше 5 тыс. километров. Средств защиты от таковой ни у кого сегодня нет.

Сущностью концепции «Быстрого глобального удара» является внезапное нанесение удара несколькими тысячами крылатых ракет по объектам стратегических ядерных сил противника, важнейшим элементам систем управления, объектам экономики и инфраструктуры. После чего стране предъявляется ультиматум о капитуляции. Если страна — объект удара — не капитулирует, удар повторяется. В случае с Россией для нейтрализации возможности ответного удара сохранившими боеспособность силами стратегического сдерживания США развертывают глобальную систему ПРО и средства радиоэлектронного подавления систем управления. Американская ПРО базируется на наземном, морском, авиационном и космическом эшелонах системы. Задачи ПРО — средствами подавления систем управления воспрепятствовать старту сохранившихся ракет, перехватить стартовавшие ракеты на разгонном и орбитальном участках траектории, уничтожить прорвавшиеся боеголовки средствами наземной и корабельной ПРО. По сути дела, речь идет о лишении России и Китая возможности ответного удара, а значит, устранении фактора стратегического сдерживания.

На мой взгляд, наиболее опасным для российских сил ответного удара являются корабельные системы ПРО, оснащенные современными радаром и перехватчиками баллистических ракет малой, средней и большой дальности. Напомню, что именно ракета «Стандарт-3», запущенная с корабля в 2008 г., поразила американский спутник на высоте 247 км. А евроПРО — лишь один из элементов глобальной ПРО, а также информационное прикрытие и козырь в российско-американских отношениях, который в любой удобный момент Вашингтон может обменять на более важные уступки Москвы. По имеющейся информации, США в 2013 г. будут иметь 32 корабля ПРО, всего в американских планах к 2021 г. — 93 таких корабля. Именно они способны выйти в наиболее удобные для перехвата районы, к основному пучку траекторий российских ракет. Пентагон уже отрабатывает варианты развертывания группировок кораблей с системами ПРО «Иджис» и крылатыми ракетами в акваториях Балтийского, Баренцева, Охотского и Японского морей. В августе 2008 г. американский крейсер «Монтерей» осуществил заход в Черное море. Динамично создается глобальная информационная система наблюдения и атаки, включающая в себя космическую, наземную, корабельную и авиационную группировки. Целевые задачи — непрерывное наблюдение за системами управления стратегическими

силами и другими объектами вероятного противника и подавление их в случае необходимости.

В обновленной ядерной доктрине США 2010 г. производится корректировка роли ядерного оружия: речь идет о готовности США к превентивному применению ядерных боеприпасов. В структуру быстрого глобального удара введены элементы тактического ядерного оружия, разрабатываются стратегические ядерные средства, не подпадающие под ограничения договора СНВ-3, как, например, гиперзвуковой летательный аппарат с дальностью более 4 тыс. километров, запускаемый с подводных лодок и кораблей. Это вызвано, видимо, тем обстоятельством, что Россия в развитии наземных ядерных сил отдает предпочтение ракетным комплексам шахтного базирования. А, по мнению американских специалистов, удар обычными средствами поражения по шахтам не будет эффективным: необходимо на каждую шахту нацелить не менее двух ядерных боеголовок. В феврале 2012 г. заместитель главы стратегического командования США Грег Уивер заявил, что «сегодня невозможно заменить ядерное оружие обычным, так как обычное оружие не поражает цель так, как ядерное» [8]. Поэтому не исключено, что Вашингтон будет активно развивать ядерную программу нестратегического характера (крылатые ракеты морского, воздушного базирования, планирующие авиабомбы, средства ПРО), одновременно подталкивая Москву к сокращению тактических ядерных боеприпасов. Это уже прочитывается в ряде публикаций российских «либералов-разоруженцев», включая некоторых генералов, предваривших, как обычно, инициативу Б. Обамы об очередном российско-американском сокращении ядерного оружия (до 1000 боезарядов).

Развивают Соединенные Штаты и новые виды средств глобального поражения. Так, в управлении перспективных вооружений Пентагона действуют два новых, строго засекреченных отдела: «С» (климатический) и «Р» (психологический). Первому были подчинены объект «Харп» на Аляске, восемь других подобных объектов, метеорологическая служба и несколько кораблей из состава ВМС во главе с крейсером «Вирджиния», на котором был смонтирован комплекс специального оборудования. Место базирования штаба отдела — база на Бермудах, задачи — создание и отработка геофизического оружия, в том числе волнового климатического и средств подавления систем управления. По результатам проведенных испытаний волнового оружия его эффективность была признана весьма высокой. Пентагону было рекомендовано продолжить эти исследования, а отдел «С» получил еще несколько боевых кораблей.

Есть сведения, что отдел занимается созданием плазмоидных облаков над пучками траекторий баллистических ракет противника. Направление исследований отдела «Р» — воздействие волновых процессов на психику и сознание человека. Вызывая искусственные магнитные бури и воздействуя на человека рассеянным или целенаправленным излучением волн различной длины и частотного диапазона, можно затормозить и расстроить работу головного мозга. В секретных задачах этого департамента значится разработка методов влияния на большие массы людей в широком диапазоне расстояний с целью психоэмоционального воздействия, вызывающего страх, апатию, подавленность или же,

наоборот, возбудимость, агрессию, состояние аффекта, т. е. управления поведением огромных масс людей на любой территории земного шара. Отделу «Р» передан и оборудованный соответствующей аппаратурой новейший крейсер «Висконсин». Работа этой аппаратуры фиксировалась в 2003 г. в ходе операции против Ирака и в 2005 г. в качестве поддержки «оранжевой революции» на Украине.

Динамично модернизируют американцы практически весь диапазон обычных видов оружия, делая акцент на роботизированные системы военного назначения.

В сентябре 2002 г. Дж. Буш заявил о переходе США к преэмптивному действию. Специалисты не поняли сути этой фразы. Но в 2006 г. американский конгресс утверждает Стратегию национальной безопасности, в которой закрепляется и развивается концепция преэмптивной войны. Структурно этот новый вид войны выглядит следующим образом: смена режима — строительство новой нации — восстановление страны. «Преэмптивная война ставит цель долгосрочного, а в идеале — вечного закрепления ресурсов определенной страны или даже конкретного региона в целом за глобальными корпорациями и государствами общества “золотого миллиарда”, причем обоснование данного типа войны еще более цинично, чем оправдание войн любого другого типа. ...Сопrotивление передаче ресурсов в руки иного актора, не только реальное, но и потенциально возможное, подавляется навеки. Результаты “обычной” войны могут быть со временем пересмотрены и пересматриваются, но результаты преэмптивной войны закрепляются навсегда» [6, 20]. Важнейшим элементом этой войны является смена культурно-цивилизационной сущности народа и отстранение его от права собственности на свои ресурсы. По-моему, американцы обобщили успешный опыт такой войны в России после 1991 г. и юридически закрепили его. Содержанием преэмптивной войны являются не только военная ее фаза (ее вообще может не быть), а невооруженное насилие: экономическое, идеологическое, политическое, информационно-психологическое и т. д. В Академии геополитических проблем такие действия называются геополитическими операциями. К сожалению, в России и этот тип войны, и новый тип операций практически не исследуются.

Но Запад во главе с США не единственный источник угроз безопасности Российской Федерации. На фоне демилитаризации наших восточных территорий наблюдается активное наращивание военной мощи наших соседей — Китая и Японии и изменение их внешнеполитической стратегии. В китайских СМИ появляются публикации о необходимости расширения жизненного пространства, Япония вышла из послевоенных ограничений и создает полноценные вооруженные силы. Сегодня группировка японских вооруженных сил (без учета ядерного оружия) существенно превосходит наши войска и силы флота в Дальневосточном регионе, регулярно проводит учения по высадке морских десантов и овладению островными территориями. В регионе постоянно дислоцируется и наращивает потенциал 100-тысячная группировка войск США.

Отметим, что и на южном стратегическом направлении военно-политическая ситуация имеет тенденцию к обострению. Уничтожается последний союзник России

на Ближнем Востоке — Сирия. Висит в воздухе вероятность удара по Ирану, Азербайджан и Грузия втягиваются в антироссийскую орбиту США и НАТО. Наш союзник по ОДКБ на Южном Кавказе — Армения — слаба в экономическом и военном отношении, ее руководство, политическая и бизнес-элиты все пристальнее поглядывают в сторону Запада. Весьма агрессивно ведет себя здесь Турция, вооруженные силы которой (без учета ядерного оружия) превосходят группировку российских вооруженных сил в Армении.

Место России в современном миропорядке: что делать?

Итак, можно констатировать, что военно-политическая ситуация в современном мире является напряженной. Человечество в начале XXI в. находится в транзитном состоянии: биполярный миропорядок разрушен, однополярный — не состоялся, многополярный — еще не сложился. Мировые процессы формируются тремя геополитическими силами — транснациональным сообществом, западной цивилизацией и совокупностью цивилизаций восточного типа, каждая из этих сил грезит мировым доминированием. В качестве общемировых тенденций в XXI в. прочитываются, с одной стороны, концентрация глобальной власти в руках транснациональной олигархии и девальвация роли государств, с другой — формирование и выход на мировую арену цивилизаций. В глобальном измерении возрождается противостояние по осям «Запад — Восток» и «Север — Юг» в новом прочтении: транснациональная олигархия — государства и цивилизации. Российская Федерация, с одной стороны, не определилась, с кем быть — с Востоком или с Западом; с другой — властвующая элита, тесно связанная с крупным бизнесом и криминалом, к самостоятельной игре в мировом геополитическом пространстве не готова по причине своей преданности западным либеральным ценностям, системной коррумпированности и подконтрольности западным финансовым структурам и спецслужбам. Ее целевая задача — встроиться любой ценой в мировой олигархический Север, при том что основная масса населения остается на Юге. Эта властвующая социальная группа является главной внутренней угрозой безопасности Российской Федерации.

В мировом пространстве обозначились три геополитических центра: Северная Америка, Европа и Китай. Они ведут между собой жесткую борьбу за обладание энергетическими ресурсами, за контроль над стратегическими коммуникациями и важнейшими районами мира. Россия, являясь евразийским геополитическим центром, с одной стороны, интересна главным субъектам мировой политики как ключевой регион мира, источник ресурсов и возможный союзник в противостоянии другим центрам силы, с другой — как серьезное препятствие в попытках установить мировое господство. Угрозы безопасности в адрес России усложняются, обретают новое содержание и глобальный масштаб. Утверждение однополярного миропорядка создает основную геополитическую угрозу России — вероятность ее исчезновения с политической карты мира не только как самобытной цивилизации, но и как государства. Китайская модель мироустройства «многополярный мир — однополюсная китаецентричная Азия» оставляет нам шанс сохраниться в качестве региональной державы.

Геополитический статус новой России резко понизился: СССР обладал статусом индустриальной сверхдержавы, был глобальным полюсом, на который опирались не только значительное число государств мира, но и мировые этнокультурные цивилизации. Советский Союз имел собственный геополитический проект, который был интересен значительной части народов мира. Новая Россия деградировала в начале 90-х гг. XX столетия сначала до статуса региональной индустриальной, а затем (к концу 90-х гг.) — сырьевой региональной державы. С конца 90-х Российская Федерация превратилась в сырьевую колонию, находится под внешним управлением, не имеет собственной позиции по важнейшим проблемам международной и национальной безопасности. К тому же Россия утрачивает себя как мировая самобытная цивилизация, сформировавшаяся на основе двух матриц — православно-славянской и русско-тюркской (евразийской). Стратегических союзников у РФ сегодня нет, потому что нет собственного геополитического проекта. Как говорил Сенека, «нет попутного ветра кораблю, не имеющему собственного курса». Заданный Ельциным в 1992 г. вектор движения — «встраивание в западное цивилизованное сообщество» — был по определению преступным и тупиковым. Не может одна цивилизация встроиться на равных в другую цивилизацию, она может быть лишь поглощена или уничтожена более сильной. В результате такого встраивания любой ценой мы и скатились до статуса колонии, поддержали глобальные претензии США, усилили мировую олигархию и потеряли союзников в лице мировых цивилизаций и крупных государств. Сегодня в российской внешней политике и политике безопасности наблюдаются некоторые попытки вернуть статус сырьевой державы, но даже они носят не системный, не последовательный, а скорее эмоциональный характер.

В военном отношении на мировом уровне нас держит пока стратегический ядерный потенциал. Но в условиях дальнейших сокращений наших ядерных сил и наращивания американской ПРО и средств радиоэлектронного подавления СЯС перестанут играть роль гаранта военной безопасности и сдерживающего фактора. В обычных вооружениях мы не соперники ни для США, ни для НАТО, ни для Китая. Реформы Сердюкова — Макарова нанесли сильнейший удар по вооруженным силам как высокоорганизованной системе. Оказались разрушенными или серьезно ослабленными системы управления вооруженными силами, военной разведки, военной науки, образования, военного сотрудничества, тылового и технического обеспечения, медицины, подорван моральный облик Министерства обороны, армии и флота. Даже на восстановление разрушенного потребуются годы и сотни миллиардов рублей. С другой стороны, реформы показали слабость или имитацию деятельности структур, призванных управлять обороной страны, обеспечивать военную безопасность государства и общества. Трудно понять, как один человек, даже такой криминально одаренный, как Сердюков, в союзе с людьми без чести и совести, типа генерала Макарова, мог нанести стратегический урон оборонному потенциалу страны. Где были Совет безопасности РФ, российское правительство, комитеты Госдумы и Совета Федерации, ФСБ, Счетная палата и пр.? По сути дела, российские вооруженные силы и вся система, отвечающая за безопасность, потерпели

стратегическое поражение в мирное время, если только это не было запланированным элементом «встраивания российского олигархата и власти в западное цивилизованное сообщество».

Состояние нашего общества также вызывает тревогу. Растет социальное напряжение в обществе и недоверие к власти, тлеет перспектива межнациональных и межконфессиональных конфликтов, пустеют Дальний Восток и Восточная Сибирь, в состоянии гражданской войны находится Северный Кавказ. Нарастают проблемы в сфере безопасности арктического региона России. Государственная машина, не отличающаяся ответственностью, профессионализмом и совестью, теряет рычаги управления людьми и процессами. Что весьма опасно, в обществе нет политической силы, способной остановить катастрофические тенденции и задать вектор прогрессивного развития.

Встает естественный и вечный вопрос: что делать? Главное, что необходимо уяснить, — это сам факт слабости нашей системы безопасности и необходимость ее реформирования. И второе: необходим комплексный подход к решению проблем безопасности. Усиление только военного компонента, даже во всем его многообразии, проблему обеспечения нашей безопасности не решит. Угрозы многообразны, характер и масштабы их различны, но вместе с тем они взаимосвязаны между собой.

На геополитическом уровне Россия должна исходить из объективной картины современного мира, тенденций его развития, перспектив человечества, а не строить либеральных иллюзий. Нашей стране нужно предложить человечеству собственную мироконструкцию XXI в. со структурой международной безопасности, отвечающей интересам не только России, но и интересам безопасного развития всех народов и цивилизаций планеты.

Девиз «Безопасность через сотрудничество» должен стать столпом российской внешней политики, утверждая принципы безусловного соблюдения норм международного права, равной безопасности, соблюдения всеми странами мира Устава ООН, невмешательства во внутренние дела государств. Мир ждет этого от России. Совет безопасности ООН, например, должен формироваться на цивилизационной основе: представители мировых цивилизаций в качестве постоянных членов СБ, и никакого права «вето». Третье. Необходимо формировать второй полюс мира, равносильный США и Западу в целом, но отличающийся от него более гуманной и справедливой системой ценностей. Основанием для такого может (по инициативе России) стать Шанхайская организация сотрудничества с включением в ее состав Индии, Ирана, Пакистана, Афганистана и Монголии. Именно этот союз (Евро-Азиатский) со своей системой коллективной безопасности мог бы стать контрбалансом агрессивной сущности Запада и сделать мир более безопасным. Китай, похоже, к этому готов, что и демонстрируют последние шаги «Поднебесной».

«Китаю и России следует создать Евроазиатский альянс... наши страны преследуют единые интересы и поэтому должны совместно сдерживать действия США», — пишет главный официоз КНР [1]. Это официальное предложение китайской стороны, реализация которого явится важнейшим фактором сдерживания и гарантией безопасности России. Далее: ОДКБ, военная составляю-

щая которой несущественна, может активно играть в политико-дипломатической сфере, выступая с единых позиций по любому факту нарушения международного мира и принципов Устава ООН, предлагая конструктивные решения возникающих проблем (например, сирийской, афганской). Совет «Россия — НАТО» также должен работать на международную безопасность, а не на поддержку вооруженной агрессии, как это было в случае с Ливией. И все это Россия должна отразить в своей геополитической доктрине, которая заложит основы ее геополитического проекта XXI в.

Первое, что следует предпринять внутри самой России, это кардинально изменить управление системой обороны и безопасности. Сегодня трудно понять, кто в стране и за что конкретно отвечает в этой сфере. Кто, например, ответит за «сердюковщину», за подрыв обороноспособности государства и нанесенный в сотни миллиардов рублей материальный ущерб? Представляется, что должны кардинально измениться функции, задачи и ответственность Совета безопасности РФ и его секретариата. Секретариат СБ, поставив во главу угла триаду «наука — разведка — анализ» и задействовав заинтересованные государственные структуры и общественно-аналитические организации, обязан разработать «Атлас угроз безопасности России», предложить Совету безопасности варианты нейтрализации долгосрочных, среднесрочных и текущих угроз политическими, дипломатическими, экономическими, а также военными средствами. Все государственные институты и ведомства, научные учреждения, многие общественные организации должны быть вовлечены в той или иной степени в обеспечение безопасности страны. В регионах — административных округах и субъектах РФ — должны быть возрождены советы безопасности. Для планирования и организации всей оборонной работы целесообразно иметь своеобразный геополитический Генеральный штаб, важнейшими задачами которого будут геополитический анализ мировой ситуации, геополитический прогноз ее развития и планирование геополитических операций по обеспечению безопасности России. В США эту роль выполняет Совет национальной безопасности, в Китае — Центральный военный совет КНР. В России основу такого мог бы играть Совет безопасности или Генеральный штаб ВС РФ при соответствующем его усилении и наделении дополнительными полномочиями. Развитие ОПК можно возложить на Военно-промышленную комиссию при Правительстве РФ, придав ей ряд функций бывшего Госплана СССР. У Верховного главнокомандующего должен быть собственный небольшой штаб и общественно-экспертный совет по оборонным вопросам.

Важнейшей и первоочередной задачей в сфере военной безопасности должна стать концентрация лучших отечественных и стран СНГ умов (аналитики, ученые, конструкторы, военачальники) для решения оборонных проблем. При этом акцент необходимо сделать на поиске нетрадиционных технологий нейтрализации угроз. Нужно немедленно ответить американцам на созданное ими «киберкомандование» (более 4 тыс. специалистов). В изменяющихся условиях требуется переоценка роли СЯС в качестве «сдерживающего фактора». Прописанная в военной доктрине готовность России применить стратегическое ядерное оружие в условиях обычной войны, по-моему, нереальна, потому что все

наши потенциальные противники или обладают ядерным потенциалом, или находятся под американским ядерным зонтиком. Может, стоит подумать о повышении роли высокоточного тактического ядерного оружия и создании на его основе группировки сил и средств для поддержания постоянной угрозы ответного удара непосредственно по территории вероятного противника? Это и будет сдерживающим фактором. Генеральному штабу ВС РФ следует иметь в виду необходимость подавления в нужный момент космических группировок противника и систем типа HAARP (High Frequency Active Auroral Research Program — программа исследования ионосферы высокочастотным воздействием; американский научно-исследовательский проект по изучению ионосферы и полярных сияний).

-
1. Жэньминь жибао. 2012. 30 янв.
  2. *Ильинский И. М.* Главный противник. М., 2006.
  3. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1994.
  4. Нью-Йорк таймс. 1992. 8 марта.
  5. *Павленко В. Б.* Мифы «устойчивого развития»: «Глобальное потепление» или «ползучий» переворот? М., 2011.
  6. Россия в XXI веке: Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012.
  7. *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001.
  8. Фонд «Наследие», «Сдерживание и выбор целей ядерного удара в XXI веке». 2012. 30 нояб.
  9. *Vacevich A.* Policing Utopia. National Interest. Summer. 1999.
  10. The National Interest. Spring, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 327.2 + 323.1 + 329.7

Н. А. Комлева

ПОСТВЕСТФАЛЬСКИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК КАК СИСТЕМНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье формулируются основные принципы современного мирового порядка. Автор полагает, что совокупность данных принципов и реальные возможности осуществления глобальной экспансии единственной сверхдержавой современного мира США представляют системную угрозу для национальной безопасности современных государств. Выделяются основные принципы Поствестфальского миропорядка: права человека как политический приоритет, «мягкий» государственный суверенитет, «гуманитарная интервенция», «творческий арест». Неартикулируемый, латентный принцип Поствестфальского миропорядка — деление государств на передовых и «изгоев». Утверждается, что Поствестфальский мировой порядок является основной системной угрозой современности, в том числе основной угрозой для национальной безопасности России.

Ключевые слова: мировой порядок, Поствестфальский мировой порядок, принципы современного миропорядка, национальная безопасность, угрозы для национальной безопасности, системная угроза.

Национальная безопасность традиционно определяется как обеспечение физического, экономического и духовного выживания нации с сохранением оптимальных параметров ее развития¹. Основным актором обеспечения национальной безопасности — государство, поскольку именно государство обладает наибольшим объемом легитимных ресурсов воздействия. Однако национальная и государственная безопасность — вещи разные². В данном случае речь пойдет именно о национальной безопасности.

Угрозы для национальной безопасности государств по критерию географической локализации делятся на глобальные, региональные и локальные. Каждый из названных типов угроз, с нашей точки зрения, имеет свою внутреннюю иерархию, определяемую степенью реализуемости и масштабом влияния (т. е. опасности) конкретного вида угроз. Степень реализуемости угрозы, по нашему мнению, детерминируется как объективными (техническими, технологическими, внутри- и внешнеполитическими) возможностями, так и субъективными факторами (социальное качество и намерения правящей элиты и/или конкретного государственного деятеля). При этом именно первый из названных факторов

---

¹ Под нацией в данном случае понимается политически оформленная совокупность этносов, составляющих народонаселение данного государства.

² Государственная безопасность, по нашему мнению, это обеспечение оптимального функционирования всех трех ветвей государственной власти. Государственная безопасность является важным аспектом национальной безопасности, но не более того. В том случае если государственная безопасность отождествляется с национальной и подменяет ее собой, происходит постепенное разрушение последней. Обычно это происходит в обществах с тоталитарным политическим режимом.

в решающей степени определяет эффективность реализации данной угрозы. Как говорил Отто Бисмарк, «меня не интересуют намерения противника, меня интересуют его возможности».

Масштаб и качество угроз всех названных типов определяются, на наш взгляд, параметрами мирового порядка³, существующего в данный момент исторического времени, прежде всего такими, как:

1) возможности осуществления геополитической экспансии сверхдержавами, что зависит от состояния баланса сил как между ними, так и между их лимитрофами;

2) система принципов функционирования данной системы международных отношений, устанавливаемая и поддерживаемая сверхдержавами данной геополитической эпохи.

Представляется, что можно с определенностью утверждать следующее: *в случае разрушения глобального баланса сил и формирования однополярного мирового порядка (наличие единственной сверхдержавы) такая система международных отношений становится основной угрозой для национальной безопасности всех государств данной эпохи, порождая системные риски, исходящие непосредственно от качественных параметров данной системы.*

После распада СССР и мировой системы социализма сформировался именно однополярный миропорядок с единственной сверхдержавой — США. Существуют различные точки зрения на степень выраженности фактора однополярности и на сам факт ее существования в современном мире. Однако, на наш взгляд, критерий определения однополярности — многополярности прост: это степень влияния геополитического актора на мировую экономику и мировой политический процесс. Если такое влияние решающее или даже абсолютное, мы имеем дело с однополярностью. Современные США кратно превосходят другие государства и их союзы по объективным (технологическим, материальным) возможностям влияния на мировую экономическую систему и мировой политический процесс. Современные США — это 22 % мирового ВВП, 38 % мирового объема военных расходов, 34 % мировых расходов на НИОКР [2]. Ни ЕС, ни БРИКС, ни ШОС и никакая другая структура или отдельное государство не имеют возможностей решающего глобального влияния в названных сферах.

В доказательство последнего тезиса приведем некоторые статистические данные (табл. 1–4).

Однополярный мир гораздо опаснее биполярного, так как в нем отсутствует необходимый противовес для геополитических инициатив мирового лидера, объективно представляющих угрозу как для интересов отдельных государств, так и групп государств. Таким образом, системные риски и системные угрозы для национальной безопасности современных государств коренятся прежде всего в однополярной сущности и принципах современного однополярного миропорядка, который часто справедливо называется Поствестфальским.

---

³ Мировой порядок обычно определяется как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих деятельность геополитических акторов (см., например, [1]).

Таблица 1

Рейтинг стран по размеру валового внутреннего продукта на 2011 г.

Место	Страны	Размер ВВП, трлн долл.
0	Мир в целом	69,971,508
1	США	15,094,000
2	Китай	7,298,097
3	Япония	5,867,154
4	Германия	3,570,556
5	Франция	2,773,032
6	Бразилия	2,476,652
7	Великобритания	2,431,589
8	Италия	2,194,750
9	Россия	1,857,770
10	Индия	1,847,982

Источник: The World Bank: World Development Indicators, 2012. Gross Domestic Product 2011 [Electronic resource]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> (дата обращения: 29.03.2013).

Таблица 2

Рейтинг стран по размеру валового национального дохода в 2010 г.

Место	Страны	Размер ВНД, трлн долл.
1	США	14,645,6
2	Китай	5,720,8
3	Япония	5,334,4
4	Германия	3,522,0
5	Франция	2,749,8
6	Великобритания	2,377,2
7	Италия	2,159,3
8	Бразилия	1,830,4
9	Индия	1,553,9
10	Канада	1,475,9
11	Россия	1,403,9

Источник: The World Bank: World Development Indicators, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://data.worldbank.org/country> (дата обращения: 29.03.2013).

Предыдущий миропорядок⁴, именуемый Вестфальским, сформировался в середине XVII в. (1648), и его принципы определялись сменой доминирующих

⁴ В рамках Вестфальского миропорядка как системы, в соответствии с исторически обусловленной сменой пар противоборствующих сверхдержав, существовало несколько «вторичных» систем международных отношений, параметры которых, при всем их своеобразии, задавались ключевыми имманентными характеристиками Вестфальского миропорядка в целом (Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская).

Таблица 3

Количество запатентованных изобретений стран мира в 2006 г.

Место	Страны	Общее число патентов	Доля от общемирового показателя, %
1	США	19 883	41,8
2	Япония	13 264	27,9
3	Германия	4947	10,4
4	Франция	2208	4,6
5	Великобритания	2033	4,3
6	Республика Корея	1037	2,2
7	Канада	830	1,7
8	Израиль	411	0,9
9	Китай	259	0,5
10	Индия	96	0,2
11	Россия	84	0,2

Источник: Доклад ЮНЕСКО по науке за 2010 год: Современное состояние науки в мире: Рабочее резюме. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001898/189883r.pdf> (дата обращения: 29.03.2013).

Таблица 4

Рейтинг стран по размеру военного бюджета в 2012 г.

Место	Страны	Размер военного бюджета, млрд долл.
1	США	631,900
2	Китай	106,400
3	Россия	71,200
4	Великобритания	58,985
5	Франция	58,244
6	Япония	56,907
7	Германия	45,200
8	Саудовская Аравия	45,050
9	Индия	36,000

Источник: Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 29.03.2013).

центров силы в результате Тридцатилетней войны. Основной принцип, утвердившийся в рамках Вестфальского миропорядка, принцип государственного суверенитета и вытекающий из него принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Эта субъективная база мирового порядка просуществовала 351 год и была нарушена в марте 1999 г. агрессией стран НАТО во главе с США в отношении суверенного югославского государства, решавшего

внутренний вопрос соподчинения административных единиц и восстановления конституционного порядка в условиях фактической сецессии края Косово. Агрессия в отношении суверенной Югославии, точнее, того, что от нее осталось в результате гражданских войн 90-х гг., была практическим выражением начального этапа формирования новой системы принципов мирового порядка, созданного распадом СССР и мировой системы социализма.

Вестфальский мировой порядок строился на «двоичной системе» противостояния сверхдержав и сформированных ими союзнических геополитических блоков и лимитрофов. Внутри данного мирового порядка всегда существовали два геополитических полюса (держава Суши — держава Моря), меняя свое политико-географическое название в зависимости от реального соотношения совокупной мощи противоборствующих центров силы. При этом необходимо заметить, что сверхдержавы и созданные ими геополитические блоки борются между собой не ради самого процесса борьбы, неведомо кем заданного. Геополитическая борьба, так же как и естественный отбор в биологической природе, происходит из-за обладания ресурсами выживания.

Особенно агрессивны в битве за ресурсы вновь сформированные центры силы, каковым, к примеру, на рубеже XIX–XX вв. выступала объединившаяся Германия, инициировавшая две мировые войны. Ее двойной военный проигрыш положил начало двум новым системам международных отношений в рамках Вестфальского миропорядка — Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской. Почти за век до этого свои социальные характеристики резко поменял такой традиционный европейский центр силы, как Франция, из королевства превратившись в республику, а затем в империю и посредством серии почти двадцатилетних войн и военного поражения дав начало Венской системе международных отношений.

Однако принципы Вестфальского миропорядка в эти периоды истории видимой ревизии не подвергались. Отчего? Мы полагаем, что это происходило по той причине, что агрессии нового центра силы всегда противостоял устоявшийся центр силы, добывший себе необходимый объем ресурсов и имевший достаточную мощь, чтобы не отдать завоеванное. Напротив, в результате военного поражения «молодого наглеца» устоявшийся центр силы всегда получал дополнительные возможности приобретения ресурсов и распространения своего влияния на ранее недоступные (полностью или частично) пространства как географического, так и нетерриториального характера (экономическое, информационно-кибернетическое, информационно-идеологическое).

Рубеж XX–XXI вв. кардинально меняет ситуацию. Впервые в истории поражение одного из доминирующих центров силы (сверхдержав) наступило не в результате буквального военного поражения, а в результате проигрыша холодной войны, т. е. соревнования экономических и политических систем. Осуществление именно холодной войны в громадной мере обуславливалось значительной трудностью ведения против Советского Союза «горячей» войны вследствие наличия у СССР ядерного оружия и неизбежности, в случае такой войны, радиоактивного заражения громадных территорий на обоих земных полушариях. Впрочем, общий рисунок противостояния сохранился: «молодой наглец»,

т. е. социально измененная советская Россия и ее социалистические государства-сателлиты, были «удалены с поля» устоявшимися центрами силы. Таким образом, феномен полюсного противостояния, «двоичной геополитической системы», на время исчез.

В этих условиях победители, естественно, стали создавать новую систему принципов мирового порядка, тем самым реализуя и закрепляя приобретенные ими возможности осуществления глобальной экспансии во всех типах геополитических пространств. Назовем эти принципы в соответствии с хронологическим порядком формирования.

1. Первым пал краеугольный принцип «двоичного» Вестфальского миропорядка — принцип нерушимости государственного суверенитета, поскольку именно он представлял первую «линию обороны» обладания определенными ресурсами со стороны сформированных и несформированных наций, политически конституированных в государство. Стали говорить о «мягком» государственном суверенитете, нарушение которого необходимо для обеспечения полного соблюдения прав человека в конкретном государстве. Заметим, что в 60–80-е гг. XX в. «западный мир» активно осуждал так называемую «доктрину Брежнева» и один из ее принципов — принцип «ограниченного государственного суверенитета»: возможность вмешательства во внутренние дела социалистического государства во имя сохранения в нем социалистического строя. В условиях когда подобный принцип стал полезным капиталистическим победителям в холодной войне, он, получив слегка измененное название, лег в основу нового мирового порядка.

Необходимо подчеркнуть, что выбор основополагающего принципа не является случайным, а также не базируется исключительно на субъективных предпочтениях геополитических победителей. Напротив, это отражение объективного закона функционирования соответствующей социальной системы. В данном случае принцип прав человека — базовый принцип либеральной экономической системы, для функционирования которой абсолютно необходима свобода предпринимательской деятельности, невозможная без целой системы экономических, политических и культурных прав человека. Поскольку в международном экономическом пространстве реальными акторами являются глобальные и транснациональные корпорации, постольку принцип прав человека фактически является инструментом «смягчения» государственного суверенитета определенных стран, ресурсы которых соблазнительны для осуществления еще большей степени свободы предпринимательства той или иной корпорации, политическую поддержку которой оказывает соответствующая великая держава или сверхдержава (доминирующий центр силы). Так, после оккупации Ирака в войне, начатой США и их союзниками в 2003 г., нефтяные ресурсы этой страны (вторая в мире по запасам нефти после Саудовской Аравии) оказались в монопольной разработке двух американских и двух британских глобальных нефтяных компаний⁵. Хорошо известно, что артикулируемым поводом для начала иракской кампании была необходимость защиты прав человека в Ира-

---

⁵ Впоследствии ситуация смягчилась, и нефтяные корпорации других стран, в том числе российские «Лукойл» и «Газпром-нефть» (с 2009 г.) получили доступ к некоторым месторождениям Ирака.

ке, тиранически поправленных Саддамом Хусейном. В соответствии с этим в США было утверждено название иракской кампании — «Свобода Ираку», в том числе название ее начальной стадии — «Несокрушимая свобода».

Принципы Поствестфальского мирового порядка формируются не только в соответствии с фактом распада «двоичной системы» и исчезновением СССР, но также, не в меньшей мере, в соответствии с тем, что сформированное во второй половине XX в. в ведущих капиталистических странах «общество потребления» требует своего дальнейшего развития, то есть новых и новых ресурсов. Известно, что высокий уровень потребления в странах Запада обусловлен, в частности, тем, что они расходуют на это 75 % мировых ресурсов. Дальше — или прекращение роста потребления теперь, или стопроцентный контроль земных ресурсов именно со стороны совокупности западных потребительских обществ.

Принято считать, что недостатки в значительной мере являются продолжением достоинств. В соответствии с этим можно утверждать, что выгоды демократии как присущего Западу политического режима образуют и прочную ловушку для него же. Необходимость получать преобладающий процент голосов избирателей на выборах понуждает к стимулированию роста уровня и качества жизни значительной части избирателей (в идеале — всех социальных слоев), а это требует овладения новыми ресурсными базами. Несмотря на развитие высоких технологий и артикулируемое сокращение значимости природных ресурсов, потребление нефти, газа, воды (как для питья, так и для производства электроэнергии и иных продуктов) не сокращается, а только увеличивается, порождая локальные войны как в географическом, так и в экономическом и иных типах геополитических пространств⁶. Повторим, что основной препоной для получения западными потребительскими обществами новых ресурсов развития является именно государственный суверенитет, причем суверенитет прежде всего ресурсных стран. Итак, принцип приоритета прав человека в сравнении с суверенитетом государства, или принцип «мягкого» государственного суверенитета, — краеугольный для Поствестфальского мирового порядка.

2. Систематическое нарушение всего комплекса политических прав человека и его гуманитарных прав в определенном государстве может повлечь за собой так называемую «гуманитарную интервенцию», то есть вооруженную агрессию со стороны «развитых демократий» с целью принуждения данного государства к соблюдению прав человека. Этот принцип был сформулирован на юбилейной сессии НАТО в мае 1999 г. и в итоговом документе саммита получил название «принцип законного совместного международного интервенционизма». «Гуманитарная интервенция» была применена в 1999 г. против тогдашней Югославии, в 2001 г. — против Афганистана, в 2003 г. — против Ирака, в 2011 г. — против Ливии — под тем предлогом, что во всех названных странах правят тираны, систематически попирающие права человека, а в Ираке и Ливии к тому же готовящиеся к террористическим атакам на «развитые демократии».

⁶ Автор выделяет, помимо географического, также экономический, информационно-кибернетический и информационно-идеологический типы геополитических пространств.

3. Главы государств и ведущие политики стран, где постоянно нарушаются права человека, должны подвергаться международному судебному преследованию. Однако, поскольку международная правовая база такого преследования не создана, арест данных политиков⁷, осуществленный на практике, получил название «творческого ареста» (термин председателя Международного трибунала по бывшей Югославии в Гааге К. дель Понте во время ее пребывания в этой должности в период 1999–2007 гг.).

Все три названных принципа являются логическим развитием ключевого артикулируемого принципа Поствестфальского миропорядка: принципа приоритета прав человека в отношении прав любого (юридически суверенного) государства. Этот принцип прикрывает другой, активно реализуемый на практике, о котором не принято говорить прямо: принцип деления наций на передовые и отсталые (по критерию наличия в данном государстве западноцентрической системы защиты прав человека)⁸. В этой связи неслучайным представляется формирование еще в 90-е гг. прошлого века термина *failed states*⁹, т. е. «государства-неудачники», причем «неудача» этих государств состоит именно в том, что они не могут сформировать и защитить систему прав человека, соответствующую либеральной парадигме. Население «государств-неудачников» не виновато в неудачах политиков, не сумевших правильно выстроить экономическую и политическую систему, и поэтому должно быть защищено от собственных политиков вышеприведенными мерами: «гуманитарной интервенцией», «творческим арестом» данных политиков и преданием их специализированному международному суду, а также процедурой государственного банкротства. В самом термине *failed states* содержится и объяснение необходимости агрессии экономического или военного характера против таких государств как для победителей, так и для побежденных: мы вас победили не потому, что мы агрессоры и желаем жить за ваш счет, вас победили потому, что вы неудачники, не можете правильно распоряжаться своими ресурсами сами.

Принцип приоритета прав человека в отношении суверенитета государства породил также две «плодотворные дебютные идеи», пока не осуществившиеся:

1) уже в 90-е гг., как логическое развитие и дополнение принципа «мягкого» государственного суверенитета, в западных экономических и политических кругах получила определенное хождение идея необходимости установления международного протектората в отношении малонаселенных ресурсных стран. Сегодня, годы спустя, эта идея подкрепляется высказываниями различных поли-

---

⁷ В 2000-е гг. на основе данного принципа были арестованы С. Милошевич, Б. Плавшич, Р. Караджич и другие сербские политики, обвиненные в преступлениях против человечности в отношении албанского населения бывшей Югославии.

⁸ Почти неприкрыто о делении народов на развитые демократические (передовые) и недемократичные (отсталые, нуждающиеся в применении к ним политико-культурной колонизации) рискуют рассуждать немногие. В частности, Роберт Купер делит государства на досовременные, современные и постсовременные по степени их демократичности и степени их участия в системе обеспечения глобальной безопасности (см., например, [3, 4]).

⁹ С 2005 г. американский исследовательский центр Fund for Peace совместно с журналом Foreign Policy формируют и публикуют ежегодный Failed States Index.

тических деятелей высокого ранга (М. Олбрайт и К. Райс в период их пребывания в должности госсекретаря США, канцлер ФРГ А. Меркель) о несправедливости того факта, что народы и государства, получившие возможность распоряжаться значительными природными ресурсами, фактически узурпируют права всего человечества на эти ресурсы. В данном случае «право большинства» узурпируется «узким меньшинством» человечества. Среди «малонаселенных ресурсных стран» — Бразилия, Россия, Монголия;

2) постоянное нарушение экономических прав человека должно наказываться объявлением данного государства банкротом с последующим назначением внешнего управления со стороны международных финансовых организаций (идея, высказанная в 2003 г. заместителем директора Всемирного банка).

Указанные выше принципы и базирующийся на них мировой порядок представляют собой реальную системную угрозу национальной безопасности большинства стран мира. Не случайно после распада СССР и формирования Поствестфальского миропорядка произошел резкий рост числа «пороговых» государств, т. е. государств, стоящих на пороге либо создания, либо официального признания наличия у них ядерного оружия. Именно данный вид вооружений на протяжении последних пяти десятилетий является «оружием сдерживания» потенциальной агрессии.

Прямым выражением и отражением системного характера угроз для безопасности современных государств является новая форма ведения войны — сетевая. Можно дать следующее определение сетевой войны: это тотальное разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах геополитических пространств одновременно, осуществляемое преимущественно в скрытой форме. При этом в зависимости от конкретного периода и задач воздействия на противника та или иная сфера общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии в сравнении с другими. Цель сетевой войны — прочное закрепление всей совокупности ресурсов общества-противника за геополитическим агрессором, причем «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется жертвой в значительной степени добровольно и с охотой, поскольку воспринимается не как агрессия, а как дополнительный импульс к восходящему развитию. В связи с этим сетевая война гораздо сложнее в осуществлении, чем традиционная «горячая», но и неизмеримо эффективнее.

Результаты «горячей войны» обычно с течением времени оспариваются и размываются (мы можем это видеть на примере Первой и особенно Второй мировых войн). Результаты сетевой войны могут существовать веками — до того момента, пока не изменятся сами акторы-агрессоры и их базовые потребности. Основной фронт сетевой войны располагается в ментальном пространстве, где целью противника является разрушение традиционных базовых ценностей данной нации и имплантация собственных. Факт ведения и структуру этого типа войны невозможно распознать на уровне массового сознания. Если же политическая элита общества, ставшего объектом сетевой войны, не имеет достаточной квалификации для выявления сетевой агрессии и организации адекватного отпора, то подобное общество обречено на сокрушительное геополитическое поражение.

Специалисты отмечают и такую отличительную особенность сетевых войн, как отсутствие жесткой иерархии в структуре-агрессоре. Подчеркнем, что это определяется ярко выраженной гетерогенностью институциональных элементов данной структуры (наличие как традиционных, так и нетрадиционных комбатантов). Отдельные, относительно автономные государственные и негосударственные элементы данной структуры в условиях гетерогенности не связаны по вертикали, для них характерны горизонтальные взаимодействия, причем лишенные регулярности. Именно отсутствие иерархии и регулярности взаимодействий не позволяет четко отследить существование и деятельность такой сетевой структуры-агрессора.

Поствестфальский мировой порядок, рожденный в результате распада предшественника России — СССР, несет угрозу национальной безопасности прежде всего нашей стране как самой ресурсной, предполагая сетевое вторжение во все типы ее геополитических пространств. По разным оценкам, на нашей территории сосредоточено от 32 до 38 % мирового объема сырьевых ресурсов. По причине наличия у РФ ядерного оружия «горячая» война против России в географическом пространстве ведется в своеобразной форме террористической войны в регионе Северного Кавказа и в крупных российских городах (термин «террористическая война против России» введен в 2005 г. находящимся в то время на посту министра обороны РФ С. Б. Ивановым). Интенсивно осуществляется информационная война против нашей страны — с попытками разрушения ее традиционных ментальных ценностей и смыслов. Поскольку Россия только начинает восстанавливать объем совокупной мощи, необходимый для противостояния всему спектру угроз в условиях резкого сокращения числа государств-союзников, ее положение является откровенно трудным.

Само возрождение совокупной геополитической мощи российского государства и общества встречает все возрастающее сопротивление со стороны «хозяев» современного мира. В 2006 г. мировой геополитический словарь обогатился понятиями: «энергетическая угроза», «энергетическая агрессия», «петрополитика». Более того, в декабре 2006 г. влиятельный американский сенатор и глава сенатского комитета по международной политике Р. Лугар призвал страны НАТО быть готовыми осуществить превентивную военную акцию в отношении стран, угрожающих Западу «энергетической агрессией». Этот геополитический новояз родился не только по причине возрождения мощи России. Свою роль играют и формирование «левого блока» стран в Латинской Америке, главное место в котором принадлежит нефтедобывающей Венесуэле, и десятипроцентная зависимость экономики ЕС от алжирского газа, и локальные конфликты за обладание нефтяными богатствами Евразии и Африки, а также некоторые другие причины. Но главное все же — в ресурсном богатстве и энергетическом влиянии современной России. По разным оценкам, от 25 до 30 % потребляемой Евросоюзом нефти и от 30 до 40 % потребляемого газа поставляет именно Россия, у которой периодически возникают острые проблемы со странами-транзитерами и вследствие этого происходят временные недопоставки энергоносителей в ЕС.

Сам по себе факт самостоятельного распоряжения собственными ресурсными богатствами со стороны России воспринимается лидерами Поствестфаль-

ского миропорядка как реальная и большая угроза их национальной безопасности. В связи с этим против России сегодня фактически ведется не только террористическая, но и информационно-психологическая война. Наш политический режим признается Западом недемократическим, Путин — президентом, который ведет страну обратно к авторитаризму и борется со свободным предпринимательством в лице крупного бизнеса («дело ЮКОСа», проект «Сахалин-2»), российский народ — не способным к правильному восприятию и реализации свободы и т. д. Все это ступени создания «образа врага» в лице России, чтобы затем, при формировании определенных благоприятных к тому условий, осуществить и иные формы агрессии против РФ. Недаром некоторые авторы (А. Г. Арбатов, Э. Я. Баталов, В. О. Рукавишников, Ю. Н. Голубчиков, Р. А. Мнацакян, К. В. Сивков) отмечают, что «в воздухе пахнет грозой», т. е. в мире намечаются определенные признаки возможных широкомасштабных военных действий, в том числе, в не столь отдаленной перспективе, и в отношении нашей страны. Симптоматично в этой связи, что именно в последние годы Россия активизировала деятельность по модернизации своей армии и ее вооружений.

Угрозы и риски системного характера, создаваемые Поствестфальским миропорядком, могут быть преодолены только в рамках другого миропорядка, с возрожденным на новой основе геополитическим балансом сил. Новый геополитический балансир уже формируется, но Россия, скорее всего, будет не главой, а важной составной частью нового совокупного доминирующего центра силы, в создании которого Российская Федерация сегодня участвует все более активно.

---

1. *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М., 2005.

2. Доклад ЮНЕСКО по науке за 2010 год: Современное состояние науки в мире: Рабочее резюме. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001898/189883r.pdf> (дата обращения: 29.03.2013).

3. *Купер Р.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М., 2010.

4. *Cooper R.* The Morality of Amorality in Foreign Policy [Electronic resource]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/cooper1/English/> (дата обращения: 29.03.2013).

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 327.2 + 323.27 + 316.423.2 + 94(612) + 94(569.1)

А. В. Манойло

СПЕЦИФИКА ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

В статье представлены результаты анализа практики применения западными государствами современных технологий управления конфликтами (технологий «управляемого хаоса») в цветных революциях на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Многочисленные признаки и следы применения указанных технологий позволяют утверждать, что революционные события в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне и других арабских государствах носили явно не спонтанный характер, а были прямым результатом внешнего политического управления. В статье приводится оценка результатов революций «арабской весны», а также тех изменений, которые они внесли в политическую систему Ближневосточного региона.

Ключевые слова: Ливия, Сирия, «арабская весна», цветные революции, национальная безопасность, внешняя политика, международные отношения, международный конфликт, управление конфликтом, политическая модернизация, психологические операции, информационная политика.

Сегодня уже очень многие исследователи говорят о революциях «арабской весны», внезапно, в конце 2010 г., охвативших всю Северную Африку и практически весь Ближний Восток. В результате этого взрыва довольно стабильный и внешне малоизменчивый арабский мир рухнул и погрузился в пучину хаоса, мятежей и гражданских войн. Эффект от революций на Ближнем Востоке оказался настолько сильным и шокирующим, что многие исследователи и очевидцы стали искать в установившемся в регионе хаосе войны всех против всех (суннитов против шиитов, исламистов против светской власти, террористов против сил антитеррора и т. д.) следы внешнего управления и весьма успешно их находить. Да, в общем-то, сценаристы этих революций особо и не скрываются, видимо, рассчитывая получить за Ливию, Сирию или Египет «Оскара». Другие стремятся идеализировать ситуацию, одновременно ее упрощая: списывая все происходящее на «объективные» противоречия, которые давно уже назрели в арабском обществе и рано или поздно должны были обязательно проявиться. Этот наивный взгляд популярен, поскольку позволяет наконец вздохнуть с облегчением, найдя простые ответы сразу на все вопросы: не нужно задаваться неудобными вопросами, все произошло само собой. Однако и у этой категории экспертов не все клеится. Ведь просуществовал же в Ливии более 40 лет режим «диктатора и кровавого палача» Каддафи, с которым ничего не могли поделать несколько последовательно сменившихся на своем посту президентов США с их армией, спецслужбами и отдельным корпусом морской пехоты, который сам напоминает современную армию вторжения, только в миниатюре. Ведь трудно же принять версию о том, что этот режим рухнул всего лишь за неполный 2011 г. только потому, что окончательно «сгнил изнутри».

Мы живем в непростое время: мир стремительно меняется непосредственно на наших глазах. Темпы и скорость этих изменений непрерывно растут: всего один год потребовался западным политтехнологам для того, чтобы превратить спокойную и процветающую Северную Африку и большую часть Ближнего Востока в очаг жесточайшей гражданской войны, международного терроризма и радикального исламизма. Теперь такая же участь ждет Сирию, а вместе с ней и весь Ближний Восток, включая главного непримиримого оппонента США — Иран.

Сегодня отчетливо видно, как в результате осуществляемого Соединенными Штатами сознательного демонтажа ялтинско-потсдамской системы мироустройства рушится вся система международной безопасности, мир стремительно погружается в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Деятельность США, их партнеров (НАТО, Саудовская Аравия, Катар) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный уровень. При этом в большинстве стран, во внутренние дела которых США вмешиваются в роли «миротворца», они сотрудничают с теми самыми политическими силами и режимами, которые во всем мире принято называть «террористическими» и «экстремистскими». Так, в Афганистане США активно сотрудничают с талибами (на уровне самых настоящих партнерских отношений), а в гражданской войне в Ливии решающую роль в уничтожении армейских частей, верных Каддафи, сыграли боевые отряды Аль-Кайды, стоявшие на острие удара, нанесенного совместно силами НАТО и мятежников. И сейчас среди полевых командиров так называемой объединенной сирийской оппозиции не менее половины — руководители боевых ячеек Аль-Кайды, вышедшие из подполья, в которое их загнал президент Башар Асад.

На волне цветных революций «арабской весны», осуществляемых по американскому сценарию, поднимают голову исламистские организации, которые считают, что их час пришел: американцы и их союзники по НАТО, устраняя негодные светские режимы, тем самым расчищают площадку для любых сил, способных взять власть в свои руки (наиболее яркий пример — Египет под властью «Братьев-мусульман»). Эти силы в регионе представлены в основном радикальными исламистскими организациями, которые сегодня — во главе англосаксонской демократии. При этом из изгоев, всеми преследуемых и осуждаемых, они превращаются практически в легитимную политическую силу, с которой уже можно вести переговоры, вступать в союзы и иметь партнерские отношения. Более того, в эти организации их западными партнерами вливаются огромные ресурсы, которые позволяют лидерам этих организаций говорить о собственном возрождении и связывать эти процессы с новым возрождением ислама.

В условиях, когда в радикальных исламистских организациях (как суннитских, так и шиитских), имеющих опыт участия в вооруженных конфликтах, появилась реальная потребность и у авторов революций «арабской весны»,

и у их противников, эти организации резко увеличивают интенсивность и выводят на новый качественный уровень свою информационно-пропагандистскую деятельность. В арсенале этой деятельности появляются новые идеологические установки, связывающие интересы радикальных исламистских сект с интересами глобального исламского возрождения, новые методы и технологии воздействия на массовое и индивидуальное сознание людей. И дело здесь не только в стремлении расширить собственную социальную базу, необходимую для вербовки боевиков, но и в том, что сегодня идеологами экстремистов закладывается фундамент новой идеологии всемирного возрождения ислама, главными элементами которого становятся призывы к глобальной исламской революции, исламский ревизионизм и создание всемирного халифата. И все это сегодня происходит под крылом и почти отеческой опекой западных союзников, рассматривающих исламистов как полезный инструмент в той игре, которая разыгрывается сегодня на Ближнем Востоке. Вот почему информационно-пропагандистскую политику радикальных исламистских организаций необходимо тщательно исследовать и постоянно держать в поле зрения, поскольку именно она является основным индикатором, посылающим сигналы о новых угрозах международной безопасности и существующему миропорядку.

Революции «арабской весны» ведут отсталое (по меркам западного мира) общество, якобы томящееся под гнетом полуфеодалных военных диктатур, к ценностям истинной демократии, свободы и народовластия, т. е. ко всему лучшему, что может предложить западная либеральная цивилизация остальному миру. Однако эти ценности в революциях «арабской весны» несут народам шейхи монархий Персидского залива, идущие в авангарде американских и натовских экспедиционных корпусов, — саудовцы и катарцы, которых даже при всех возможных допущениях весьма сложно назвать либералами и демократами.

Запад упорно продолжает называть государственные перевороты в арабских странах «революциями», но при этом замалчивает отсутствие в этих революциях подлинно революционной идеологии. Ведь революция тем и отличается от мятежа, что у нее есть свои идеалы и фанатично следующие им революционеры-идеалисты, есть своя революционная идеология, а у мятежников такой идеологии нет — она им не нужна, так как мятеж поднимают не ради идеи, а против кого-то конкретно.

По всем основным и квалифицирующим признакам так называемые революции «арабской весны» — типичные цветные революции, адаптированные под условия традиционного исламского общества.

«Цветные революции» в классическом виде и любые их разновидности — это технологии информационно-психологического управления международными конфликтами, предполагающие в том числе их искусственную инициацию. Именно в состоянии таких этнополитических конфликтов погрузились общества в ранее стабильных и политически предсказуемых государствах Ближнего Востока и Северной Африки после внешней инициации технологий «управляемого хаоса». В более узком смысле цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях политической нестабильности, в которых давление на власть

осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения.

Современные цветные революции отличаются высокой степенью технологичности и почти театральной драматургией. Именно их западные политологи выдают за демократическое и стихийное проявление воли народа, который внезапно решил вернуть себе право управлять собственной страной. Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают (в геополитическом, социальном, экономическом и международном плане), все они укладываются в одну и ту же управленческую схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, которое последовательно преобразуется в политическую толпу. Эта сила используется против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа.

Все цветные революции построены по одной и той же схеме, или технологической цепочке, что невозможно не заметить. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. Достаточно взглянуть на национально-освободительные движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, закончившиеся сменой власти: новые правительства приходили разными путями, но всегда исключительно благодаря поддержке населения. Навивно полагать, что цветные революции — это стихийное проявление, всплеск народного гнева, «народный бунт», проявление народной воли. Они — не что иное как красивая легенда, образ конфликта, за которым скрывается банальный государственный переворот, организованный из-за рубежа. Даже западные СМИ сегодня отмечают, что технологии проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения настолько отточены, что превратились в руководство по смене политических режимов [1].

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», — в том смысле, который придал этому термину Дж. Най. Данный подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — несиловые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции мягкой и поэтому прогрессивной и социально неопасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом — цветные революции или локальные вооруженные конфликты. Современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый» хаос, подтверждает данный вывод. Все же представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции — не что иное, как организационная форма государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под лозунгами национальной революции.

В революциях «арабской весны» есть и свои особенности, отличающие их структурно и технологически от предшественников — цветных революций

в Центральной Азии, Украине, Грузии и даже от так называемой «зеленой революции» в Иране 2009 г.: к классической схеме реализации цветной революции (то есть государственного переворота) здесь добавлены механизмы обратной связи (итерационный механизм, хорошо известный математикам) и «управляемого хаоса», позволяющие управлять политической нестабильностью не только в рамках отдельно взятой, сравнительно небольшой страны (такой как Украина или Грузия), но и в масштабах целого региона — Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и т. д.

Механизм обратной связи — это специальный механизм коррекции, позволяющий в режиме реального времени выявлять и оперативно устранять недочеты в реализации схем цветных революций, модифицируя их под конкретные условия конкретной социокультурной среды. Именно такой механизм был впервые отработан в революциях «арабской весны», в которых государственные перевороты в странах, ставших жертвами волны «принудительной демократизации», осуществлялись не одновременно, а последовательно, по цепочке; причем в каждой последующей схеме реализации цветной революции учитывались ошибки, допущенные при реализации предыдущей схемы. Внедрение в технологические схемы цветных революций механизмов обратной связи, основанных на итерационных схемах, — прямой результат их эволюционного развития, позволяющий погружать в революционные процессы уже не отдельные страны, а целые регионы.

Механизм «управляемого хаоса» — еще один эволюционный прорыв в технологиях цветных революций, который позволяет применять «демократические схемы и шаблоны», разработанные изначально для общества западного (индивидуалистического) типа, в условиях традиционных восточных обществ, в своем исходном виде не восприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Для того чтобы западные, англосаксонские, технологии цветных революций заработали в такого рода социально-культурной среде, необходимо предварительно разрушить традиционную структуру общественного уклада, что и делают (и весьма успешно) технологии «управляемого хаоса». Основная цель применения этих технологий — подготовить традиционное общество к применению технологий управления массовым политическим сознанием и массовым политическим поведением, что достигается с помощью его «атомизации», разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа.

Революционеры «арабской весны» (эти «подснежники» пустыни) борются с реакционными режимами, стремясь смести приватизировавшие власть в своих интересах военные хунты вроде клана Асадов в Сирии или Каддафи в Ливии. При этом СМИ часто рисуют проправительственные силы в виде террористов и военных преступников, ведущих войну против собственного народа, обстреливающих из танков и вертолетов густонаселенные жилые кварталы, идущих ради сохранения собственной власти на любые преступления, вплоть до геноцида. При этом как-то забывается, что основные кадры для свободных армий мятежников поставляют все те же террористические организации: в Свободной сирийской армии против Асада воюет немало моджахедов, половина их

командиров — полевые командиры боевых ячеек Аль-Кайды. Дело дошло до того, что американский Госдепартамент в марте 2013 г. выразил глубокую озабоченность этим фактом, предложив ЦРУ и РУМО вычислять лидеров террористов и исламистов, воюющих против режима Асада, и уничтожать их точечными ударами с помощью беспилотников [2]. Если это так, то можно прийти к выводу, что и сама война против Асада была развязана Соединенными Штатами с единственной целью — собрать всех наиболее опасных террористов и исламистов в одном месте, с тем чтобы потом не бегать за ними по всему Большому Ближнему Востоку.

Вместе с тем сами исламисты связывают революции «арабской весны» не с победой демократии, а с новым рождением ислама. Их официальная пропаганда рисует совсем иную картину всеобщей победы: исламисты открыто заявляют о начале построения нового мирового порядка, основанного на исламских ценностях, в котором не будет место таким пережиткам мировой истории, как христианская культура, и т. д. И это не пустые слова: повсеместно в регионе, зачищенном волной «арабской весны», исламисты приходят к власти благодаря умелой игре на амбициях европейских лидеров (Кемерона, Саркози) и умению встроиться в ближневосточную политику Соединенных Штатов, решающих на волне «управляемого хаоса» определенный набор частных прагматических задач и не заглядывающих в будущее региона. С точки зрения исламистов, американские протестанты и их союзники выполняют важную миссию «зачистки» политических режимов региона, которые попытались отойти от устоев воинствующего ислама и внедрить в мусульманскую среду светские формы правления. То есть западными демократиями умело пользуются.

Сегодня, спустя два года после начала революций в арабском мире, некоторые натовские союзники США, такие как Великобритания, начинают постепенно приходить в себя и называть вещи своими именами: они отмечают, что «арабская весна» на практике обернулась для Запада «христианской зимой». Действительно, везде, где революции победили, к власти пришли исламисты. Англосаксы и их европейские союзники демонтировали основы светской политической системы в целом ряде арабских государств, вся предыдущая история которых в принципе не знала светских форм правления. Таким образом, за короткий интервал времени историю удалось обратить вспять. Еще недавно исламисты о таком повороте событий не могли и мечтать. Теперь же это стало объективной реальностью.

Откровения европейских союзников Соединенных Штатов, сравнивающих «арабскую весну» с «христианской зимой», напоминают известный всем медицинским работникам процесс абстиненции, или похмелья: когда первоначальный эффект всеобщей эйфории от участия в формировании нового миропорядка уже спал, в их сознании появляется понимание того, что американцы, решив свои вопросы с Ираном и Китаем, из региона уйдут, оставив у границ объединенной Европы почти сформировавшийся новый халифат, сцементированный исламским ревизионизмом и располагающий достаточно профессиональной ваххабитской ударной силой, с помощью которой он будет продолжать расширяться на Запад — за счет территории европейской цивилизации (и вот здесь-то

Дании и припомнят карикатуры на пророка Мохаммеда) и на север — в сторону России. После хозяйничания американцев в регионе останется много проблем, и, по старой традиции, все они достанутся европейцам, которые на этот раз окажутся в кольце воинствующего исламизма. В свое время пример Косово убедил не многих. Теперь прямые последствия «арабской весны» будут выглядеть намного более убедительными.

---

1. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А. и др. Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... М., 1995.

2. ЦРУ планирует начать ликвидацию радикальных исламистов в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://cursorinfo.co.il/news/mivzakim/2013/03/16/22-32/> (дата обращения: 16.03.2013).

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 327.2 + 94(5-015)

Г. М. Майтдинова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в.

В последние десятилетия Центральная Евразия с периферии региональной политики переместилась в один из перспективных центров мировой политики и экономики. Новые государства Центральной Азии оказывают существенное влияние на международные процессы в регионе, корректируя порой стратегические проекты внешних игроков. В статье рассматриваются новые геополитические тенденции в регионе, проблема региональной безопасности в контексте афганского фактора, дается анализ роли региональных организаций по обеспечению безопасности Центральной Евразии, а также рассматриваются новые совместные проекты развития России и центральноевразийских государств.

Ключевые слова: международные отношения, геополитика, акторы, регион, геополитическая динамика, буферные государства, геостратегия, атлантизм, иранский мир, интеграция, военно-политический блок, Центральная Евразия, этнос.

В начале второго десятилетия XXI в. в Центральной Евразии утвердилась новая структура международных отношений. С момента провозглашения своего суверенитета новые государства региона руководствовались принципами Вестфальской системы международных отношений: взаимного признания суверенитета, территориальной целостности, приоритета международного права в межгосударственных отношениях. Новые государства в постсоветской Азии активно включились в постбиполярную систему межгосударственных отноше-

ний. Но в то же время все еще нет четко очерченной геополитической модели Центральной Евразии.

В геополитической динамике современного мира значительно возросла политическая и геоэкономическая роль постсоветской Азии. В политической трансформации государств Центральной Евразии и формировании их систем безопасности помимо факторов внутреннего порядка в значительной степени задействованы внешние факторы. Анализ действий ведущих держав в Центральной Евразии на современном этапе свидетельствует о наличии у каждой из них собственного видения путей и методов реализации своих национальных интересов. В последние десятилетия Центральная Евразия с периферии региональной политики переместилась в один из перспективных стержневых центров мировой политики и экономики, чему способствовал имеющийся геополитический потенциал государств региона.

На данном этапе ни одно государство Центрально-Евразийского региона по своему геополитическому потенциалу не смогло стать центром силы и не может в полной мере повлиять на геополитические процессы в регионе. В то же время в Центральной Евразии усиливается геополитическое соперничество имеющих стратегические геополитические интересы в регионе России, США и Китая; активизируется политика Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Евросоюза, отводящих региону важную роль в своей геополитике. В этих условиях постсоветские государства стремятся строить двусторонние отношения с внешнеполитическими игроками в соответствии со своими национальными интересами, моделями их реализации. Во многом в геополитической динамике Центральной Евразии национальные интересы и стратегии новых государств уже учитываются внешними силами при реализации региональных проектов, так как от баланса интересов зависит успех осуществления стратегических планов.

В начале второго десятилетия XXI в. в новых государствах Центральной Евразии все еще продолжают реформы политической системы, в сферах экономики и культуры. *На современном этапе геополитическую ситуацию в постсоветской Азии определяют следующие факторы: сохраняющаяся нестабильность в Афганистане и неопределенность в регионе после вывода коалиционных сил в 2014 г.; определенная напряженность в таджикско-узбекских отношениях; латентная конфликтность Ферганской долины; высокие риски и вызовы из-за снижения социально-экономического развития государств региона в условиях становления государственности и кризиса; столкновение интересов «треугольника» Россия — США — Китай (в двусторонних отношениях этих акторов идет поиск баланса интересов в регионе). В Центральной Евразии в настоящее время наряду с нетрадиционными угрозами безопасности (водные, этнотерриториальные, пограничные, межэтнические, внутриэтнические — клановые проблемы, проблемы трайбализма, нерегулируемых мигрантов, трансграничной торговли, транзита и т. д.) периодически обостряются и традиционные военные угрозы (угроза проникновения внешних сил со стороны Афганистана).* В регионе идет борьба ведущих мировых инвесторов — России, США, Китая, Евросоюза за ресурсы и контроль маршрутов их транспортировки, а также за доступ к рынкам. В этих условиях для новых государств важно найти оптимальные возможности для

реализации своих национальных интересов и определить приоритеты. Таджикистан обозначил в своей геостратегии такие приоритеты, как обеспечение коммуникационной, энергетической, продовольственной безопасности. Более интенсивной реализации этих стратегических задач в настоящее время мешают указанные выше проблемы внутреннего и внешнего характера.

Китайский фактор в геополитической динамике Центральной Евразии в начале второго десятилетия XXI в. является одним из ключевых. В постсоветской Азии в начале XXI в. он начинает играть все большую роль. В 2010 г. Китай стал второй экономикой мира, и его доля в мировом валовом производстве достигла 10 %. Страна превратилась в основного донора в МВФ. Приход к власти нового поколения руководителей ознаменовался изменением приоритетов в политике: акцент был сделан на проведение внутренних реформ для повышения устойчивости и достижения самодостаточности КНР. На этом переходном этапе изменения коснулись почти всех сфер управления: полностью изменилось руководство Компартии, перемены коснулись военного руководства, но мало затронули дипломатическое ведомство.

Китай, исходя из своих новых приоритетов в Центральной Евразии, будет проводить ту внешнюю политику, которая будет максимально содействовать социально-экономическому развитию страны и общей стабильности граничащего с Китаем региона. В концентрированном выражении центральноевразийскую стратегию КНР можно представить следующим образом.

1. В Центральной Евразии КНР будет содействовать безопасности и общей стабильности, стремиться к недопущению наращивания военной мощи США. Для осуществления данной политики Китай будет усиливать сотрудничество с государствами региона в двустороннем формате и военно-политическое сотрудничество в рамках ШОС.

2. Китай в рамках стратегии «форсированного развития северо-западных районов КНР» будет все больше привлекать ресурсно-сырьевой потенциал региона для развития промышленности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), а также продвигать на центральноевразийские рынки китайскую продукцию, для чего будет ускорять реализацию проекта «зоны свободной торговли».

3. Доступ к нефтегазовым ресурсам Центральной Евразии имеет стратегическое значение в обеспечении «энергетической безопасности» Китая, поэтому Поднебесная будет стремиться к осуществлению контроля над месторождениями и маршрутами доставки углеводородного сырья.

4. Китай будет стремиться наращивать «мягкую силу», расширяя свое культурно-цивилизационное присутствие в Центральной Азии [1].

Китай в настоящее время более активно, чем в 90-е гг. прошлого столетия, вовлекается в политическое и экономическое сотрудничество с государствами Центральной Евразии в двустороннем формате, в рамках ШОС, и всегда с учетом интересов своего стратегического партнера — России. Для Китая сотрудничество с Россией в Центральной Евразии важно и в плане сдерживания политики США в регионе. Если в конце XX в. Центральная Евразия для Китая была важна в контексте обеспечения безопасности в Синьцзяне и китайские

интересы здесь были периферийными, то в XXI в. интересы Поднебесной в Центрально-Евразийском регионе трансформируются в жизненно важные.

Для России постсоветская Азия стратегически важна: доминирующее влияние в данном регионе необходимо для восстановления ее стратегического влияния в мире, безусловного признания за ней статуса великой державы всеми государствами планеты [2, 3]. Вхождение в инициированный Россией, Казахстаном, Белоруссией Евразийский союз отвечает национальным интересам Таджикистана. Воспринимая позитивно идеи евразийской интеграции, в аналитических кругах Таджикистана имеются определенные взгляды на перспективы развития евразийства:

1. На постсоветском пространстве цивилизационное развитие следует начинать не с восстановления советского наследия, а закладывать и укреплять основы новой цивилизации. Евразийство ставит задачу объединения народов и государств Евразии, предлагая *соразвитие* локальных цивилизаций в их многообразии, учитывая при этом, что в начале XXI в., в условиях ускорения глобализации, на евразийском континенте активно идет процесс интеграции ценностей, что в конечном итоге приведет к складыванию евразийской цивилизации. В процессе становления новой евразийской цивилизации евразийцы стремятся к сохранению цивилизационного многообразия.

2. Евразийство как идеология мира должна исключать идеи антагонизма, конфронтационного восприятия мира в парадигме «Восток — Запад». Борьба конфронтационных идей на протяжении истории являлась основным сдерживающим фактором соразвития. В евразийстве доминирующим фактором должны быть цивилизационные ценности, идеи равенства, взаимопонимания, доверия.

3. Объединяющая платформа евразийства должна вобрать в себя ценности существующих на постсоветском пространстве локальных цивилизаций (православно-христианской, исламской со спецификой оседло-земледельческих и кочевых цивилизаций Центральной Евразии).

4. Политическая составляющая евразийства должна учитывать цивилизационные ценности политической культуры локальных цивилизаций на постсоветском пространстве.

5. Целесообразно из идеологии евразийства исключить категорию «империя», хранящую в себе негативную историческую память для большинства стран евразийского сообщества. На постсоветском пространстве неприемлемы имперские цели или объединения, которые могли бы поглотить новые суверенные государства, но приемлем союз равноправных государств, учитывающих взаимные национальные интересы.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве отвечают национальным интересам государств Центральной Евразии, учитывая, что в условиях глобализации могут получить мощный импульс к развитию только большие пространства. Природные ресурсы Центральной Азии имеют существенное значение для развития экономического потенциала как в целом для России, так и для ряда крупных российских корпораций. В свою очередь, Россия представляет собой обширный рынок сбыта для центральноазиатских энергоносителей, людских, сельскохозяйственных, минеральных и других ресурсов. Наконец,

Россия играет роль одного из важнейших транспортных каналов, связывающих государства региона с внешним миром

Вызовы, связанные с ухудшением экономического положения многих стран постсоветской Азии в условиях кризиса, в существенной мере трансформировались в угрозы национальной безопасности России. В связи с этим роль России в решении проблем стабилизации социально-экономического положения в постсоветской Азии резко возрастает [4]. Учитывая эти обстоятельства, начиная с 2011 г. российские эксперты во главе с руководителем «Движения развития РФ» Ю. В. Крупновым с участием центральноазиатских экспертов разрабатывают Проект развития Центральной Евразии, в котором предлагается реализация программы соразвития государств постсоветской Азии и России в рамках реализации геоконцепции Нового Среднего Востока. Авторы проекта (Ю. Крупнов, А. Дереникьян, С. Мелентьев, И. Батыршин) считают, что развивать постсоветскую Азию в отрыве от ее южных соседей – Афганистана, Пакистана, Ирана – невозможно. Поэтому целесообразно создать интеграционный проект развития, в котором, помимо России и государств постсоветской Азии, будут участвовать Монголия, Китай, Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Турция, что позволит создать стабильные условия для развития на Новом Среднем Востоке (НСВ).

Реализация проекта НСВ позволит организовать коридор развития «Сибирь – Иран» и интенсивную торговлю в меридиональном направлении, закрепить российским (и прежде всего сибирским) компаниям и технологиям в регионе НСВ, что приведет к сокращению, а затем и к полной ликвидации наркотрафика из Афганистана. Кроме того, реализация проектов модернизации новых постсоветских государств будет способствовать стабильности региона. Механизмом реализации принципа совместного развития может стать специально создаваемая Российской Федерацией с участием заинтересованных государств Центральной Евразии – Российская корпорация развития Центральной Азии (РКРЦА). РКРЦА должна заниматься решением самых важных проблем региона путем разработки и реализации проектов совместного развития (для сокращения бедности, создания рабочих мест и подготовки квалифицированных кадров, для решения проблем водопользования на основе внедрения новых технологий, решения продовольственных задач), реализации энергетических проектов и др. В настоящее время по результатам предварительных консультаций и экспертных сессий в России разработан первоначальный список проектов совместного развития Центральной Евразии: 1) Центральноазиатское рациональное водопользование; 2) Центральноазиатский птицепром; 3) Единая централизованная энергосистема Центральной Азии; 4) Транспортно-логистическая система Центральной Азии; 5) Индустриализация Нового Среднего Востока; 6) Шелководческий кластер Центральной Азии; 7) Ферганская долина – центр развития Центральной Азии; 8) Кадры для Нового Среднего Востока; 9) Тысяча новых городов для Нового Среднего Востока. При разработке Проекта развития Центральной Азии учитывались стратегические направления развития государств с учетом предложений экспертов из государств региона. Вышеуказанные проекты могут быть реализованы в рамках Евразий-

ского союза. Общая концепция модернизации и соразвития государств постсоветского пространства как единой большой страны была представлена в проектно-аналитическом докладе «Новая большая страна. Евразийский союз — единая цивилизация, много государств», подготовленном Международным общественным движением развития (РФ) и таджикскими экспертами [3, 5]¹.

Важным инструментом реализации проекта должна стать Шанхайская организация сотрудничества, которая может превратиться в более влиятельную организацию. Указанные проекты развития Центральной Евразии могут быть реализованы совместно с государствами ШОС, прежде всего с Россией и Китаем. Китай в настоящее время ведет осторожную экономическую политику в постсоветских странах ШОС, стараясь не затрагивать интересы России. Но *здесь Россия и Китай должны найти приемлемые решения для учета взаимных интересов на постсоветском пространстве с учетом национальных интересов новых государств*. В настоящее время деятельность ШОС в государствах региона несколько снизилась: пока в рамках организации реализуются коммуникационные и энергетические проекты, которые берут начало еще с середины десятилетия. Государства, члены организации, предпочитают взаимодействовать в двустороннем формате. Между тем экономический потенциал ШОС, включающей членов (Россия, Китай, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан), наблюдателей (Индия, Иран, Пакистан, Монголия) и партнеров по диалогу (Белоруссия и Шри-Ланка) несравним по своей масштабности ни с одним интеграционным проектом в Евразии. Хотя политические и экономические системы в разных странах ШОС значительно отличаются, сотрудничество в энергетической отрасли может стать значительным шагом в экономической и политической интеграции этих государств. Если ШОС включит в свои ряды Иран, Индию и Пакистан, а также привлечет в качестве партнеров по диалогу Азербайджан, Армению, Украину, то сам фактор ШОС претерпит серьезные изменения.

На пути реализации конкретных проектов развития постсоветской Азии проблему создают афганский фактор и существующие в регионе этнополитические проблемы. В Афганистане берут начало маршруты наркотрафика, на территорию соседних государств просачиваются незаконные вооруженные формирования, происходит незаконная миграция, экспортируется фундаменталистская идеология. В условиях растущей наркоугрозы и связанной с ней организованной преступности Таджикистан оказался на переднем плане борьбы с этими вызовами. По предложению таджикской стороны сейчас формируется антинаркотический пояс безопасности вокруг Афганистана. В Таджикистане есть понимание того, что необходимо искоренять базу, на которую опираются негативные факторы нестабильности, — бедность, коррупцию, трайбализм.

---

¹ В Институте демографии и развития РФ в рамках проекта «Проектное государство» 1 декабря 2011 г. состоялась проектная сессия по теме: «Определение матрицы проектов совместного развития России и Центральной Азии и самоопределение к реализации проектов; Новая Большая страна. Евразийский Союз — единая цивилизация, много государств» (авторы доклада Ю. Крупнов — руководитель разработки, Ш. Бобоев, А. Иванов, Г. Майтдинова, С. Мелентьев, Д. Пурыйжинский, Н. Фридрихсон и др.). Душанбе — Москва, 2012.

В данном контексте для Таджикистана важно создание по предложению директора ФСКН России *Корпорации сотрудничества со странами Центральной Азии*, призванной через реализацию комплекса экономических проектов обеспечить форсированное развитие экономик стран региона и повышение уровня жизни населения. В контексте реализации вышеуказанного предложения 17 апреля 2013 г. на заседании Правительственной комиссии РФ был рассмотрен вопрос об экономическом развитии Центрально-Азиатского региона как ключевом направлении ликвидации наркопроизводства и создании Российской корпорации сотрудничества со странами Центральной Азии.

Данные подходы отвечают стратегическим интересам Таджикистана, который определил в своей геостратегии такие приоритеты, как обеспечение коммуникационной, энергетической, продовольственной безопасности. В настоящее время усиливается сотрудничество по мирному урегулированию афганской проблемы с учетом современных геополитических реалий страны в рамках контактной группы Афганистан — ШОС, понимая необходимость принятия превентивных мер для реализации интересов государств Центральной Азии. Сложная военно-политическая обстановка в Афганистане — одно из основных препятствий на пути региональной интеграции и реализации наиболее приоритетного совместного интереса государств Центральной Азии, связанного с обеспечением стран региона альтернативными и взаимодополняющими транспортными коммуникациями. Основу для активизации регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями исламистов, организованной преступностью и наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана. Возможно, необходима разработка стабилизационной программы Афганистана совместно с участниками афганского диалога, учитывая, что многие проекты развития ШОС зависят от региональной стабильности и афганского мирного процесса.

Наиболее оптимальным для процесса урегулирования представляется подключение к афганскому миростроительству возможностей соседних стран, членов ШОС, — Таджикистана, Узбекистана, имеющих большое влияние на севере страны, а также стран — наблюдателей ШОС. Таджикистан уже сейчас серьезно взаимодействует с Афганистаном экономически. Он планирует реализовать ряд проектов, которые могут содействовать развитию Афганистана (таких, например, как строительство железнодорожной ветки Туркменистан — Афганистан (Мазари-Шариф) — Таджикистан, газопровода по данному маршруту; завершение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун — Мазари-Шариф — Герат-Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана), а также способствовать укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности евразийского пространства.

Центр изучения Афганистана (Германия) представил свое видение будущего Афганистана: политическая система страны будет конфедеративной, с двумя сегментами автономного управления: пуштунским «исламским эмиратом Афганистана» под властью талибов и со столицей в Кандагаре и «исламским государством Хорасана» под контролем таджиков, хазарейцев, узбеков и туркмен

со столицей в Мазари-Шарифе [6]. На наш взгляд, подобное политическое устройство отвечало бы интересам безопасности приграничных государств постсоветской Азии: иметь мягкий буфер (между перманентно нестабильным югом Афганистана и новыми государствами региона) в виде дружественной этнической автономии на севере Афганистана, с населением которой во все исторические периоды существовали этнические, политические, экономические и культурные связи, с народами постсоветской Азии, а в настоящее время уже налаживаются тесные экономические и культурные контакты с новыми государствами. Другое дело, насколько этот процесс будет бесконфликтным и не будет ли он нести в себе и военную угрозу приграничным странам, способную дестабилизировать ситуацию в Центральной Евразии.

Придание статуса наблюдателя Афганистану в ШОС способствовало бы не только сближению позиций соседних государств при реализации многих экономических, коммуникационных, энергетических проектов государств — членов ШОС, но и повышению геополитического потенциала организации. Афганистан заинтересован сейчас в экономическом взаимодействии со странами ШОС. И в то же время соглашения Афганистана о стратегическом партнерстве с США, Великобританией и Индией — свершившийся факт, по крайней мере в ближайшей время руководство Афганистана будет строить свою политику в соответствии с этими соглашениями. Американский фактор будет влиять на взаимодействие Афганистана в рамках ШОС, особенно тогда, когда речь будет идти об усилении военно-политического сотрудничества в рамках организации.

Между тем в условиях неопределенности геополитической ситуации в Афганистане после 2014 г. и нарастания напряженности в афганском Бадахшане, в районе таджикско-афганской границы, усиливается фактор военной угрозы. На наш взгляд, предпринимая превентивные меры от новых угроз, необходимо уже сейчас усиливать военную составляющую региональной системы безопасности. Прежде всего следует ожидать усиления ОДКБ в афганском векторе, так как организация является единственным наднациональным фактором обеспечения суверенитета, безопасности, территориальной целостности его участников на евразийском пространстве. В рамках ОДКБ уже сейчас наращиваются совместные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам коллективной безопасности, о чем свидетельствует практика совместных мероприятий и действий оперативных подразделений в рамках операций «Нелегал», «Канал», «Прокси».

На сегодняшний момент в военную (силовую) составляющую ОДКБ входят сформированные на широкой коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования, Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности, в том числе и КСБР ЦАР. Активно развивается взаимодействие специальных подразделений в целях пресечения преступлений в сфере современных информационных технологий в рамках операции «Прокси». В рамках системных шагов ОДКБ по противодействию незаконной миграции и торговле людьми проводятся скоординированные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по противодействию незаконной миграции под условным наименованием «Нелегал».

Предстоящий вывод Международных сил содействия безопасности может осложнить ситуацию в постсоветской Азии.

В декабре 2011 г. утвержден План мероприятий ОДКБ по противодействию вызовам и угрозам, исходящим с территории Афганистана, который предусматривает налаживание взаимодействия с МССБ, практические меры по формированию поясов антинаркотической и финансовой безопасности вокруг Афганистана, привлечение представителей правоохранительных органов ИРА к участию в антинаркотической операции «Канал», подготовку кадров для афганских антинаркотических структур. Налажен механизм обмена мнениями по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес, между высшими административно-должностными лицами ЕврАзЭС, ОДКБ, СНГ и ШОС, что позволяет координировать усилия по распределению функций между региональными организациями в сфере обеспечения безопасности в государствах Евразии [7]. Пока остается открытым и вопрос взаимодействия НАТО и ОДКБ по обеспечению региональной безопасности в контексте афганского фактора.

Геополитические реалии таковы, что государства ШОС оказываются в масштабной «дуге нестабильности», начинающейся на Ближнем Востоке и в Северной Африке и через Кавказ и Каспий проходящей в Центральную и Южную Азию. В условиях существования потенциальных военных угроз, возможно, уже сейчас необходимо предпринимать превентивные меры. Геополитический потенциал ШОС больше и шире пространственно, чем у ОДКБ. Между тем механизмов реагирования на новые угрозы и вызовы безопасности государствам ШОС явно недостаточно. *Государствам — членам ШОС и странам — наблюдателям ОДКБ следует, видимо, усилить договорно-правовую базу военного сотрудничества*, что должно гарантировать неприкосновенность границ, оказание взаимопомощи.

Кроме того, нагнетаемая вокруг иранской ядерной программы военно-политическая обстановка и перспективы военной угрозы вызывают напряженность в государствах, расположенных вблизи границ Ирана. В данном контексте реальной угрозе подвергается безопасность постсоветских государств: это угроза экономическим интересам новых государств, экологические и гуманитарные риски из-за распространения радиации, проблема миграции в условиях экологической катастрофы. Особенно данные обстоятельства беспокоят в связи с возможностью применения в конфликтах ядерного оружия. Американский консультант и аналитик по Ближнему Востоку Питер Айр свидетельствует о том, что США применяли тактическое ядерное оружие как минимум один раз в Ираке и несколько раз в Афганистане — в горах Тора Бора, непосредственно у границ Таджикистана. Есть предположение, что реорганизация Глобального ударного командования ВВС США связана с задачей достижения необходимой «гибкости», которая позволит Соединенным Штатам применять тактическое ядерное оружие и в дальнейшем [8]. Эти факты свидетельствуют об усилении рисков безопасности для приграничных государств постсоветской Азии, в частности Таджикистана.

Подписанный таджикско-российский договор о пребывании 201-й военной базы РФ в РТ будет служить сдерживающим фактором перед внешней угрозой

региональной безопасности. Скорее всего, афганский и иранский факторы будут осложнять геополитическую обстановку в течение неопределенного времени. Кроме того, в первую очередь военной угрозе подвергаются государства, прилегающие к Афганистану, поэтому, видимо, назрела необходимость заключения некоего Амударьинского гарантийного пакта между Афганистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Возможно, к этому международно-правовому документу присоединятся другие заинтересованные государства. Гарантом выполнения условий пакта, видимо, должны выступить Россия, Казахстан и Китай. Все эти «перекрещивающиеся» договоренности должны дать дополнительные гарантии безопасности региону, а «договоры перестраховки» должны явиться определенной мерой предотвращения надвигающейся внешней угрозы постсоветскому пространству.

---

1. *Серебрякова Н. В.* Центральноазиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» // *Мировые державы в Центральной Азии.* М., 2011. С. 74–75.

2. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // *Мировые державы в Центральной Азии.* М., 2011. С. 22–23.

3. *Майтдинова Г. М.* Международное сотрудничество в Центральной Евразии по обеспечению региональной безопасности: противодействие новым угрозам, механизмы, векторы взаимодействия // *Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях* : сб. материалов междунар. конф., Душанбе, 9 нояб. 2010 г. Душанбе, 2011. С. 221–222.

4. *Матвеев В. А.* Роль России в решении проблемы стабилизации социально-экономического положения в Центрально-Азиатском регионе // *Мировые державы в Центральной Азии.* М., 2011. С. 214–215.

5. Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия : проектно-аналит. докл. М., 2008.

6. Эксперт: Афганистан разделят на «исламский эмират» и «государство Хорасана» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1522861.html#ixzz1sapckVC5> (дата обращения: 29.03.2013).

7. *Бордюжа Н.* ОДКБ – гарант стабильности и безопасности в Евразии // *Независимая газета-НВО* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1334896320> (дата обращения: 29.03.2013).

8. *Савин Л.* США применяли тактическое ядерное оружие в Афганистане и Ираке // *Фонд стратегической культуры.* 07.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presstv.ir/detail/212827.html> (дата обращения: 29.03.2013).

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 811.93 + 81:39 + 811.161.1'24 + 339.9

Б. Г. Фаткулин

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы цивилизационной составляющей языковой политики независимых центральноазиатских государств. Прослеживаются особенности генезиса терминологии в языках Центральной Азии. Анализируются понятия «цивилизационная гетерогенность», «полилингвизм». Объясняется роль «классических языков» в генезисе цивилизаций и их терминосистем. Дается прогноз развития языковой ситуации в Центральной Азии. Учет фактора цивилизационного генезиса необходим для создания идеологических предпосылок для интеграции на евразийском пространстве. Для развития равноправных и союзнических отношений с центральноазиатскими государствами необходимо изучение их цивилизационной предыстории. «Классические языки» Востока (арабский, фарси) формируют значительную долю понятий в онтологической системе народов Центральной Азии.

Ключевые слова: евразийская интеграция, цивилизационная гомогенность, цивилизационная гетерогенность, «классические языки», терминосистемы, полилингвизм, русский язык, тюркские языки, иранские языки, КНР, многовекторность, языковая политика, европейская цивилизация, Византия, преподавание русского языка, статус русского языка в Центральной Азии.

Российская Федерация является трансконтинентальной страной, заинтересованной в обеспечении устойчивого развития на евразийском континенте. Одним из условий такого развития являются дружественные отношения с соседними странами и выработка согласованной стратегии, призванной отстаивать коллективные интересы государств-союзников перед лицом таких внешних субъектов международных отношений, как США, страны ЕС, Турция, регулировать отношения с дружественным Китаем. Союзнические отношения России со странами Центрально-Азиатского региона способны предотвратить распространение экстремизма и таких инспирированных извне идеологий, как пантюркизм и радикальный исламизм.

Отношения народов России с народами Центрально-Азиатского региона в языковой и культурной плоскостях являются очень важными для интеграционных процессов. Общее прошлое в рамках Российской империи и СССР, объективные предпосылки к мирному сотрудничеству, веками наработанные связи продолжают определять отношения между РФ и странами региона [6]. В настоящий момент все центральноазиатские страны являются в целом дружественными России государствами, проводящими тем не менее многовекторную политику.

Однако союзнические отношения не возникают автоматически, необходимо их развивать и поддерживать, в том числе и за счет так называемой «мягкой силы». Установка на сотрудничество с тем или иным государством может

неоднозначно оцениваться в различных кругах общества, встречать противодействие на уровне элиты. Причины такого отношения части элиты центральноазиатских стран к углублению союза с Россией во многом лежат в цивилизационной плоскости, связанной с вопросами культурной парадигмы и функционированием языков.

Настоящее сотрудничество между евразийскими странами немыслимо без культурного взаимодействия. Народы взаимодействуют через культуры, культуры взаимодействуют через языки. Поэтому для успешного взаимодействия между союзниками внутри интеграционного объединения необходимы культура-посредник и язык-посредник. Транзитный характер региона предоставляет большой выбор посредников: Центральная Азия продолжает быть перекрестком, в пределах которого сосуществуют разные языки и культуры — тюркские, славянские, монгольские, иранские. За право быть языком-посредником с русским языком соперничают такие мировые языки, как английский и китайский.

После принятия в декабре 1991 г. декларации о прекращении существования СССР государства Центральной Азии «открылись внешнему миру», началось их самостоятельное взаимодействие с Китаем, другими азиатскими странами, государствами Европы, США, было «прорублено окно» не только в Европу, но и в Азию, Америку. Новые внешние игроки получили шанс вести образовательную, культурно-просветительную, миссионерскую деятельность в регионе, напрямую общаться с элитами и принимать участие в их формировании.

В целом политику руководства центральноазиатских государств в 90-е и нулевые годы можно охарактеризовать как поиски культурной и языковой многовекторности в сочетании с приоритетом на развитие атрибутов суверенитета. В данном исследовании мы попытаемся определить особенности культурной и языковой многовекторности центральноазиатских государств. Стратегия поисков многовекторности проявляется в том числе и в языковой политике.

Любая хоть сколько-нибудь крупная цивилизация современного мира полилингвистична. Явление «полилингвизма» не является уникальным, оно широко распространено во всем мире. Можно привести множество государств, в которых государственные языки используются в сочетании с другими языками, например, французским (Северная Африка), английским (Индия, арабские государства Персидского залива), португальским (Ангола, Мозамбик), русским (независимые государства наследия СССР).

Полилингвизм тесно связан с межцивилизационными отношениями. На наш взгляд, необходимо отличать полилингвизм в рамках гомогенной цивилизации от полилингвизма в рамках гетерогенной цивилизации. У народов, принадлежащих гомогенной цивилизации, есть общие культурные первоисточники, общие «классические языки». Гомогенность цивилизации связана с общей культурной и религиозной предысторией. Ярким примером полилингвизма в рамках гомогенной цивилизации является Европа, в свое время объединившая множество народов под общим знаменем индоевропейского происхождения, христианства, эллинистической, римской и византийской культур. Показательно,

что базовая гуманитарная и научно-техническая терминология в большинстве современных европейских языков развивалась по общим законам и на основе наследия Римской империи и Византии с использованием «классических языков», таких как латынь и греческий. Политическое и экономическая общность Европейского региона подкреплялась онтологической, языковой и культурной унифицированностью.

Фактором, во многом способствующим цивилизационной гомогенности, является и языковое сходство на уровне типологии: большинство современных языков Европы принадлежит к индоевропейской языковой семье, следовательно, словообразование в этих языках подчиняется общим структурным правилам. Словообразовательные аффиксы и суффиксы, используемые в образовании терминов, являются общими для всех европейских языков и могут выражать весь спектр научной терминологии различных отраслей. Несмотря на важность типологического родства языков, все же нельзя ее абсолютизировать. Нередко народы с типологически сходными языками находятся в разных геополитических зонах (русские и поляки, сербы и хорваты).

В отличие от полилингвизма в рамках Европы полилингвизм евразийского пространства Центральной Азии сложился в рамках цивилизационной гетерогенности, основанной на взаимодействии разных цивилизаций и разнотипных языков. Евразийское пространство — это перекресток славянского, тюркского, монгольского, китайского и иранского миров. Долговременное историческое взаимодействие между народами РФ и неславянскими евразийскими народами Центральной Азии было и является залогом цивилизационной общности и обеспечивает «духовные скрепы» союзнических отношений. Успех российского этноса по налаживанию продуктивных и взаимовыгодных отношений с неславянскими народами, приобщившимися на этапе своего исторического развития к наследию Российской империи, а затем СССР, во многом обусловил своеобразие современной России, ее коренное отличие от других игроков на центральноазиатской геополитической арене.

Трудности языкового взаимодействия между русским языком и языками неславянских народов, наблюдаемые нами и поныне, были вызваны различиями в процессе цивилизационного генезиса. Русский язык и языки народов Центральной Азии черпали базовую терминологию из разных источников. Латинский и греческий как «классические языки» не были в ходу в тюркском и иранском мире. При формировании терминологии на тюркскую и иранскую языковую базу наложились элементы других «классических языков»: арабского и персидского, долгое время служивших донорами терминологии в гуманитарной, религиозной, социальной сферах. Этот лексический пласт получил отражение в языках современных тюркских и иранских народов Центральной Азии.

Необходимо помнить, что изначально языки среднеазиатских народов формировались в другой орбите: в орбите тюркской кочевой, а затем исламской центральноазиатской цивилизации. Фактор цивилизационной гетерогенности и присутствие в Центральной Азии альтернативных незападноевропейских «классических языков» (доноров терминологии) сделал невозможной полную

унификацию терминосистем русского языка и языков центральноазиатских республик СССР.

Тем не менее использование русского языка ныне является одной из ключевых составляющих сохранения «российского вектора» в политике центральноазиатских стран. Преподавание русского языка как неродного было и остается ключевым фактором в формировании и поддержке «преемственности идентичности» в странах Центральной Азии. После обретения государственной независимости бывшими республиками СССР мы стали свидетелями резких перемен в развитии и функционировании в них русского языка. Официальная языковая политика национальных государств Центральной Азии на современном этапе включает в себя три основных направления:

- 1) декларирование самодостаточности национальных языков;
- 2) всемерное развитие государственного языка, его изучение, защита чистоты литературного языка;
- 3) оказание помощи в овладении государственным языком всем гражданам государств независимо от их национальности.

Место русского языка в культурно-языковом пространстве центральноазиатских государств оценивается многими центральноазиатскими филологами в контексте феномена многовекторности и полилингвизма. Развитие понятия «полилингвизм» раскрыто в статьях М. Джусупова [2] и других центральноазиатских лингвистов и культурологов [1, 3]. Согласно М. Джусупову «...язык может обладать одновременно двумя статусами — официальным и образовательным (например, русский язык в России). Билингвизм с участием русского языка в странах СНГ, который сопровождает процесс обучения русскому языку как неродному, является “необязательным”, так как русский язык в этих государствах, как правило, не имеет статуса государственного или официального. Поэтому билингвизм с участием русского языка, который существует и/или формируется в странах СНГ, “добровольный” и создается в основном за счет обучения русскому как неродному» [2].

М. Джусупов справедливо отмечает, что «международный образовательный статус русского языка (“русский язык как неродной за пределами России”) — непостоянная категория: если русский в странах СНГ (или в одной из стран СНГ) не будет преподаваться как обязательная школьная и вузовская дисциплина, то на этом географическом пространстве, в этом конкретном государстве его международный образовательный статус как неродного исчезнет». «В этом случае русский становится дисциплиной изучения по выбору, что может привести к резкому сужению его социальных функций в странах СНГ» [Там же].

Языковую ситуацию в республиках Центральной Азии можно охарактеризовать следующим образом:

1. Граждане постсоветских центральноазиатских республик в повседневной жизни продолжают использовать государственные языки в сочетании с русским языком. В то же время терминология гуманитарной сферы в казахском, узбекском, киргизском и туркменском языках строится с учетом особенностей языков тюркской структуры, а терминология таджикского языка формируется на основе словообразовательных моделей, характерных для иранских языков.

В отличие от русского языка языки центральноазиатских народов практически не используют латинские и греческие корни, а также принятые в европейских языках словообразовательные приставки и суффиксы.

2. Изучение русского языка является актуальным для потенциальных участников трудовой и образовательной миграции на постсоветском пространстве. Следует подчеркнуть, что владение терминологией русского языка в ключевых сферах деятельности, знание кириллического алфавита объективно являются элементом общей идентичности граждан республик Центральной Азии и отличают их от турков Турции, уйгуров, казахов и киргизов КНР, афганских узбеков и таджиков, иранских туркмен и др.

3. В силу цивилизационной предыстории национальная гуманитарная элита и исламское духовенство центральноазиатских государств являются хранителями общетюркских культурных реалий, персидской классической литературы и теологических терминов арабского языка.

4. Население центральноазиатских государств является субъектом терминологического полилингвизма, в котором различные направления деятельности могут обеспечиваться сочетанием разных языков.

Можно выделить такие исторические факторы, влияющие на формирование терминосистем тюркоязычных и ираноязычных народов на южных границах РФ, как общетюркская, общеиранская предыстория и предыстория в рамках ислама. Следы тюркской, иранской и исламской предыстории видны в арабских и персидских элементах терминологии гуманитарной и религиозной сфер. В настоящее время проходит процесс дополнения национальных терминосистем реалиями индустриального и постиндустриального обществ.

Сохранение международного образовательного статуса русского языка, его гармоничное сочетание с национальными терминосистемами центральноазиатских государств является залогом геополитического статус-кво на постсоветском пространстве и обеспечивает связь между старшим и младшим поколениями. Вышеупомянутый полилингвизм должен быть сохранен и пользоваться поддержкой на всех уровнях. Попытки замещения русского языка другими языками (например, переход на английский язык), а также скоропалительный отказ от использования алфавитов на кириллической основе могут вызвать ситуацию «когнитивного диссонанса» и создать препятствия для процессов интеграции Евразии.

Необходимо отметить, что ситуация многоязычия характерна и для западных районов КНР, где у титульных народов центральноазиатских государств есть «двойники» (уйгуры, казахи, таджики и киргизы, проживающие в СУАР КНР) [7]. Полилингвизм тюркоязычных народов КНР заключается в сочетании, например, уйгурского языка с китайским общенародным языком путунхуа. В этой комбинации тюркские, иранские элементы, а также исламские понятия, отраженные в арабских и персидских заимствованиях, сосуществуют в уйгурском языке с элементами конфуцианства и социалистической идеологии КНР [4].

В условиях современного глобального общества трудно предсказать динамику развития полилингвизма в Центрально-Азиатском регионе. Однако при

неблагоприятном стечении обстоятельств можно предвидеть следующие вызовы языковому единству народов Евразии:

1. «Поворот на Запад» — увеличение обслуживающей роли английского языка, придание русскому языку статуса иностранного языка наряду с другими языками.

2. «Поворот на Восток» — возвращение классических исламских языков Востока: арабского и персидского, восстановление арабского алфавита.

3. «Тюркское братство без России» — усиление тюркской составляющей и латинизация алфавитов как предпосылка к усилению турецкого влияния.

Варианты дальнейшего развития языковой ситуации в Центрально-Азиатском регионе зависят от того решения, которое примет элита центральноазиатских государств. В истории постсоветских государств Евразии неучет фактора «цивилизационной гетерогенности» приводил к недопониманию между национальными элитами центральноазиатских республик и российской элитой, взаимному отчуждению патриотических, интеграционных сил в РФ и ЦА. Напротив, в 90-х гг. прошлого века Турция, прежде не игравшая никакой роли в Центральной Азии, превратила фактор общего этногенеза и языкового родства в инструмент влияния на умы представителей центральноазиатских элит.

Ученые сходятся во мнении, что логические оппозиции по линиям «европеец — азиат», «тюрк — славянин», «христианин — мусульманин», «тюркоязычный — ираноязычный» ведут к размыванию предпосылок для евразийской интеграции [5]. Верные, но абстрактные экономические выкладки, доказывающие выгоду интеграции, желательно подкрепить соответствующими объединяющими культурными символами, над созданием которых еще предстоит поработать. Таким образом, успех евразийских интеграционных проектов напрямую связан с поддержкой полилингвизма при сохранении образовательного статуса русского языка, но с учетом фактора цивилизационной гетерогенности и множественности цивилизаций.

---

1. Василькова Г. А. Формирование русско-киргизского билингвизма в Киргизской Республике // Вестн. Киргиз.-Рос. славян. ун-та. 2011. Т. 11, № 3. С. 6–8.

2. Джусупов М. Образовательный статус инофонного языка в тюркском мире евразийского полиэтничного пространства // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 91–95.

3. Ешимбетова З. Б., Демеуова А. М. Казахстанское «трехъязычие» — уникальная формула языковой политики // Инновации в науке. 2012. № 11–2. С. 19–24.

4. Кадырбаев А. Уйгуры, казахи и киргизы — тюркские народы современного Китая // Россия и мусульманский мир. 2012. № 1. С. 94–99.

5. Нургалин З. А. Концепция Евразии и Россия // Вестн. Башк. ун-та. 2012. Т. 17, № 2. С. 1013–1014.

6. Путин В. Россия и меняющийся мир // Рос. газета. 2012. 27 февр.

7. У Хунвэй. 2009 нянь Чжунъя чжэнчжи цзинци синши юй вэйлай фачжань цюши (Политическая и экономическая ситуация в государствах Центральной Азии в 2009 году и прогнозы на будущее) // Элосы, Дуноу, Чжунъя гоцзя фачань бао гао (Ежегодный отчет по развитию России, стран Восточной Европы и Центральной Азии). Пекин, 2010. С. 27–26.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 321.011.3 + 323.2 + 327.2(510)

О. Ф. Русакова

SOFT POWER КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС И ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БРЕНДА: ОПЫТ СТРАН АЗИИ*

В статье понятие soft power рассматривается как концепт политической науки, который применяется для анализа мягких инструментов политического влияния государств в условиях глобальной конкуренции. Основным инструментом soft power является привлекательный имидж страны. Soft power – это способность государства перетягивать на свою сторону другие государства путем демонстрации ценностей и достижений в разных областях жизни. Антитезой «мягкой силы» выступает «жесткая сила», к которой относятся инструменты военного и экономического давления. Диалектическое соединение «мягкой» и «жесткой» силы в государственной стратегии обозначается понятием smart power («умная сила»). Особое внимание в статье уделяется национальным моделям soft power Китая, Японии и Индии, которые формируют бренд страны. Дается анализ стратегий «мягкой силы», направленных на создание китайского национального бренда, японского бренда Cool Japan и индийского бренда Springing India.

Ключевые слова: soft power («мягкая сила»), hard power («жесткая сила»), стратегический ресурс, smart power («умная сила»), национальная модель soft power, государственный бренд, стратегия «мягкой силы» Китая, бренд Cool Japan, «мягкая сила» Индии.

Концепт soft power («мягкая сила») за последние годы приобрел широкую популярность в академических и общественно-политических кругах. Своему быстрому внедрению в научный и политический оборот он обязан работам американского специалиста по внешней политике Джозефа Ная [2, 3]. В основе данного концепта лежит идея о существовании эффективных инструментов властвования, альтернативных силам принуждения и давления, которые стали обозначаться понятием hard power («жесткая сила» или власть). Под hard power подразумевается инструментарий внешнего давления, который в процессе коммуникации вынуждает объект воздействия подчиняться более сильному партнеру. К «жесткой силе» обычно относят вооруженное, экономическое и административное давление. К современным видам hard power можно также отнести информационную войну и рекламную агрессию. В отличие от жесткой власти soft power не воспринимается в качестве силы, которая воздействует извне. Мягкая власть основана не на давлении, а на механизмах имиджевого соблазна и имиджевой привлекательности. Поэтому ее воздействие субъективно воспринимается как внутренний свободный выбор и предпочтение реципиента. Вступление общества в эпоху глобальных маркетинговых коммуникаций ознаменовалось появлением интегрированных властных комплексов, соединяющих hard

---

* Статья написана при поддержке Уральского отделения Российской академии наук в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований: проект № 12-У-6-1002.

power с мягкими способами властвования, апеллирующими к гуманистическим ценностям, культурному, научно-техническому, образовательному и информационному обмену, взаимопомощи, идеалам мирного сосуществования и устойчивого развития.

В связи с появлением широких толкований понятия soft power встал вопрос о смысловых границах его применения. Один из авторов отмечает, что часто встречаемая в литературе неопределенность в использовании категории soft power может привести к ее теоретической девальвации. При этом обращается внимание на следующие моменты: отсутствие четких критериев дифференциации «мягкой силы» и «твердой силы»; неопределенность смыслового значения такого центрального компонента soft power, как attraction (привлекательность); зависимость трактовки soft power от интересов конкретного политического субъекта. В целях теоретической конкретизации концепта soft power предлагается вычленить его структурное ядро, в составе которого должны находиться разделяемые большинством народов ценности и нормы [11, 73].

Вместе с тем, несмотря на некую категориальную размытость понятия soft power, его концептуальная и стратегическая значимость постоянно растет. Причина заключается в том, что концепт soft power логически вписывается в современные теории успешных коммуникативных практик и проблематику стратегического формирования государственного бренда страны. В настоящее время во многих странах существуют государственные программы, в которых soft power, или «мягкая сила», рассматривается в качестве действенного инструмента усиления имиджевой привлекательности государства, следствием чего является возрастание его международного и внутривнутриполитического влияния. В одном из зарубежных исследований выделяются следующие разновидности soft power, связанные с продвижением имиджа государства в мировом политическом пространстве: 1) soft power, создающая привлекательный образ страны в связи с проведением мирной внешней политики в целях усиления международной безопасности; 2) soft power, направленная на поддержку общественного единства внутри страны или укрепления единства ряда стран; 3) soft power в целях повышения рейтинга лидера и государственных институтов страны.

В качестве примеров первой категории soft power приводятся китайские принципы «мирного возвышения», японские послевоенные усилия по созданию миролюбивого имиджа страны посредством Конституции мира, Трех антиядерных принципов, политики сдерживания сил самообороны, однопроцентного госбюджета на оборону. Примером второй разновидности «мягкой силы» могут служить разработанные в Японии такие концептуальные модели, как «модель летящих гусей», «тойотаизм», «система точно-в-срок» (Just-in-time system), «мягкий авторитаризм». Примерами третьей категории soft power являются публичные демонстрации выдающихся способностей политических лидеров страны, пропаганда их активной деятельности на международных форумах, позитивные оценки работы политических институтов в СМИ [14, 207–208]. В качестве особой формы soft power рассматривается также привлекательный репутационный имидж государственных институтов. Данный имидж возникает в результате успешного осуществления стратегических программ и реформ,

умелого проведения политических акций, демонстрации ответственной социальной политики, надежности партнерских отношений, грамотного урегулирования конфликтов [8, 208–211].

В разных странах набор инструментов soft power, направленный на формирование и продвижение собственного государственного бренда, несет в себе яркие черты национальной специфики. В этой связи имеет смысл говорить о существовании национальных моделей soft power, главная задача которых — укрепление экономических, политических, культурных и иных позиций государства на международной арене.

Озабоченность государств проблемами бренд-билдинга продиктована задачей повышения их конкурентоспособности в условиях усиливающейся глобализации и борьбы за новую конфигурацию миропорядка. Основными объектами конкурентной борьбы выступают *материальные потоки*, связанные с направлением в собственную страну разного рода инвестиций; *людские потоки*, позволяющие освоить новые территории, рабочие места, развить передовые индустрии, включая креативные; *туристические потоки*, создающие капитал для сохранения культурных памятников и развития высокодоходной туристической отрасли; *интеллектуальные потоки*, связанные с интеллектуальной мобильностью, обменом знаниями, формированием «фабрик мысли», перераспределением и циркуляцией образовательного и научного капиталов; *культурно-информационные потоки*, представляющие собой обменные процессы внутри культурных и информационных практик, имеющих место в мировой культуре и глобальном медиaprостранстве. Предметом конкурентной борьбы выступают также широкомасштабные *мероприятия* (спортивные, выставочные, фестивальные, конкурсные и др.), усиливающие позитивный имидж страны, делающие ее привлекательной для большого числа людей.

Встающие перед многими современными государствами задачи формирования и укрепления бренда страны все чаще находят свое решение в разработках долгосрочных стратегических программ по созданию оригинальной национальной модели soft power. Примерами могут служить программы развития soft power ряда государств Азиатского региона. Существование значительных теоретических и практических достижений целого ряда азиатских государств в данной области позволяет вести речь, к примеру, о китайской [18, 382–402], японской [16, 73–101], южно-корейской [14, 205–218] и индийской [10, 234–265] моделях soft power. Между странами Азии в настоящее время разворачивается соревнование в области эффективного применения инструментов soft power в целях успешного продвижения государственного бренда, а вместе с тем и интересов страны.

В последнее время в литературе появились серьезные научные исследования, посвященные проблемам измерения и сравнения soft power разных стран. При этом поднимаются следующие методологические вопросы: 1) каковы разновидности soft power (номенклатурный аспект); 2) каковы параметры и показатели, на основании которых можно измерять, а следовательно, и сравнивать soft power разных государств; 3) насколько разнятся между собой в концептуальном и практическом планах национальные модели «мягкой силы»; 4) какие

страны являются наиболее «мягкими» в своей внешней и внутренней политике [9, 378–389].

В настоящее время делаются шаги по разработке сложноструктурированной модели «мягкой силы» и ее измерительного инструментария. Согласно одной из предложенных теоретических схем можно выделить следующие подвиды «мягкой силы», которые в совокупности образуют ее комплексную модель: экономические ресурсы soft power (привлекательность экономических рынков); гуманитарные ресурсы soft power, включающие в свой арсенал привлекательность социальных и образовательных программ, учебных и научных институтов; культурные ресурсы soft power, связанные с развитием культурных коммуникаций и продвижением культурного достояния страны; политические ресурсы soft power — показатели уровня развития институтов политической демократии и состояния защиты прав человека; дипломатические ресурсы soft power — показатели эффективности дипломатических усилий по урегулированию конфликтов и предотвращению агрессии, степень миролюбия, способность к установлению глобальной повестки дня [7, 232–241]. Для измерения и сравнения различных компонентов soft power разных стран разрабатываются рейтинговые системы. Один из таких рейтингов был представлен в докладе Чикагского совета по глобальным вопросам (Chicago Council on Global Affairs) в 2008 г. [19].

При создании национальной модели soft power внимание аналитиков концентрируется прежде всего на тех достижениях страны, которые обладают такими свойствами, как уникальность, креативность, открытость для обмена опытом, коммуникативная гибкость, высокая технологичность. В этом плане весьма показательна стратегия soft power, разработанная и примененная в Южной Корее. В настоящее время *Южная Корея* обладает следующими значимыми ресурсами «мягкой силы»: 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации, 2) так называемые «Корейские волны» («Korean Waves») в разных регионах Восточной Азии. Ощутимыми результатами успешной южнокорейской стратегии soft power выступают расширение рынков торговли южнокорейскими товарами; увеличение туристских потоков в Южную Корею; консультационная и экспертная помощь политикам и бизнесменам из других стран по вопросам модернизации и демократизации. В странах, в которых приветствуются «Корейские волны», получают распространение корейский стиль жизни, корейский тип потребления и сервиса, становятся популярными корейские бренды и знаменитости.

Южная Корея намерена составить серьезную конкуренцию США и Японии в продвижении на мировые рынки таких культурно-технологических ресурсов soft power, как мультипликация и компьютерные игры. В последние годы культурная «мягкая сила» Кореи заметно активизировалась в Латинамериканском регионе. К примеру, в 2008 г. было принято решение о строительстве «Корейского парка» в Коста-Рике, посещая который дети и взрослые могли бы легко и радостно приобщаться к культуре далекой страны. В том же году посол Коста-Рики в Южной Корее провозгласил, что Корея выполняет роль модели для его страны. Отметим также, что в странах Латинской Америки большой

популярностью среди подростков пользуются южно-корейские музыкальные поп-группы, например Big Bang, и южно-корейские телевизионные драмы [13, 256–257].

Среди азиатских стран признанным лидером в области концептуальной разработки национальной модели soft power является *Китай*. С 2007 г. работа по созданию и применению китайской модели «мягкой силы» рассматривается в качестве важной государственной программы развития страны. Среди важнейших компонентов китайской модели soft power — усиление привлекательности социалистических идеалов, повсеместное распространение великой китайской культуры, включая конфуцианскую философию всеобщей гармонии, и расширение доли людей, владеющих китайским языком. В плане реализации данной стратегии Китай к настоящему времени уже создал 295 Институтов Конфуция при университетах разных стран мира. В целях продвижения китайского языка по всему миру затрачиваются крупные суммы (около 200 млн долларов в каждом квартале) на обучение педагогов, призванных преподавать иностранцам упрощенную версию языка под названием Mandarin. Для детей китайских диаспор реализуется программа под названием Travel to China to Find Your Roots, направленная на усиление китайской привлекательности, издаются специальные учебники по истории Китая, повествующие о традициях и достижениях страны, о ее международном влиянии, внушающие чувство гордости за историческую родину [6, 285].

В настоящее время китайские аналитики активно занимаются разработкой теории диалектического соединения «мягкой силы» Китая с инструментарием «жесткой силы» [20, 1–28]. В современной литературе данная стратегия обозначается понятием smart power, что на русский язык переводится как «умная власть» [1]. В интерпретации китайских исследователей smart power представляет собой практическую политическую мудрость, состоящую в искусстве соблюдать динамический баланс между насильственными и ненасильственными способами властвования. Диалектический подход предполагает осознание существующей взаимосвязи и взаимозависимости «мягкой» и «жесткой» силы. Однобокое укрепление «твердой силы» и недооценка значения развития soft power страны могут привести к ослаблению как внешнего, так и внутреннего ее влияния. В том случае когда «жесткая сила» укрепляется без сопровождающего усиления «мягкой силы», совокупная государственная мощь сокращается [4, 154].

Китайская стратегия умелого соединения «мягкой» и «жесткой» силы в политическом курсе страны идейно опирается на традиции древнекитайской философии — стратагемы Лао Цзы, конфуцианский принцип всеобщей гармонии. К современным источникам китайской стратегии «умной власти» следует прежде всего отнести наследие Дэн Сяопина, один из заветов которого гласит, что Китай должен неуклонно продвигаться вперед, но быть при этом скромным, оставаясь в тени. Современным вариантом стратегии «умной силы» стала доктрина «мирного возвышения Китая», разделяемая нынешним руководством страны. Китайская стратегия развития soft power предполагает, что, когда к 2020 г. будет выполнена задача полного построения в Китае среднезажиточного общества, когда страна заметно повысит свою совокупную мощь

посредством подъема экономики, науки и образования, ее привлекательная сила станет лидирующей в мировом масштабе. Кроме того, «мягкая сила» с китайской спецификой опирается на принцип «гармонии», который предполагает гармонию во всех областях жизни: гармония между человеком и природой, гармония между людьми, гармония между государствами. Гармония рассматривается в качестве базового принципа устойчивого и эффективного развития. Принцип гармонии — это то, что создает Китаю господствующую моральную высоту в международных коммуникациях. На данном принципе выстраивается единство «мягкой» и «твердой» силы с китайской спецификой как внутри страны, так и за ее рубежами [4, 151].

Согласно китайским политологам существует неразрывная диалектическая связь между «твердой» силой и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как *мудрость*, выраженная в ходе применения «твердой силы». Укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы». И даже в том случае когда «твердая сила» несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может уменьшиться в связи с ослаблением «мягкой силы» [Там же, 154]. С позиции данной теории китайские исследователи объясняют распад Советского Союза и анализируют его уроки. Главный исторический урок состоит в том, что Советский Союз в конце XX в. оказался под мощным влиянием «мягкой силы» Запада и не смог противостоять ему посредством собственных инструментов soft power. Сегодня, по мнению исследователей, только Китай со своей стратегией строительства и развития «мягкой силы» в состоянии эффективно конкурировать с силами «мягкого» влияния стран Запада. С точки зрения внутренней политики строительство soft power Китая благоприятствует поднятию национального духа, укреплению чувства идентичности народа страны, сохранению и развитию древней китайской культуры, достижению полного единства Китая.

С точки зрения внешней политики строительство soft power Китая позволяет увеличивать его международное влияние, укреплять понимание между народами [9, 378–389]. Общая динамика развития китайской economical soft power такова, что в ближайшем будущем экономическое влияние Китая в регионе будет сравнимо с США и Японией. В Соединенных Штатах Китай уже опережает Южную Корею по уровню своей экономической привлекательности. Что касается «мягкой силы» гуманитарного капитала, связанного с популяризацией университетской системы образования и с уровнем развития научных технологий, то Китай пока еще отстает от Америки и Японии. В то же время жители стран Азиатского региона считают, что влияние китайского гуманитарного капитала вполне сравнимо с американской силой влияния. В сфере дипломатии Китай уже достиг больших успехов в применении инструментов soft power в отношении своих ближайших соседей по Юго-Восточному региону. Наиболее слабым местом soft power Китая считается политическая «мягкая сила», связанная с политическим устройством страны [7, 228].

Вопросами продвижения государственного бренда посредством программных разработок национальной стратегии soft power в последние годы весьма активно занимается правительство *Японии*. Японская национальная модель soft power получила название Cool Japan («Крутая Япония»). Термин Cool Japan в 2002 г.

придумал американский журналист Дуглас Мак Грэй по аналогии с брендовым именем Cool Britannia, разработанным правительством Тони Блэра в 1990-х гг. для обозначения креативного характера современной британской культуры и для названия стратегической программы по ее продвижению на международных рынках. В массмедиа и научных кругах термин Cool Japan начал широко употребляться в качестве маркера современной японской поп-культуры. В итоге Правительство Японии приняло данное название в качестве государственного бренда и обозначения японской стратегии мягкой силы. Бренд Cool Japan является способом продвижения Японии в мире как культурной державы, инструментом японской культурной дипломатии.

В декабре 2004 г. находящийся на посту премьер-министр страны Юниширо Коизуми учредил «фабрику мысли», которая должна была выработать рекомендации по продвижению японской культуры. В апреле 2005 г. правительство страны объявило, что к 2020 г. Япония должна превратиться в «культурную креативную нацию». Согласно данной установке Японии следует сконцентрироваться на развитии креативных технологий и индустрий. В сентябре 2005 г. преемник Юниширо Коизуми, Шино Абе, объявил во время своей избирательной кампании о том, что поп-культура — одна из основных сил внешнеполитического влияния Японии. Позднее было сделано уточнение: основными силами продвижения страны являются *манга* (художественно своеобразные японские комиксы) и дипломатия анимации (Manga and Animation Diplomacy). В этой связи для выдающихся иностранных аниматоров была учреждена Японская премия Манга (Japan Manga Award). Японские мультипликационные персонажи, такие как Doraemon и Hello Kitty, превратились в послов японской культуры, стали символами успеха культурной японской дипломатии.

В настоящее время доля Японии в производстве мировой анимационной продукции составляет 65 %. Поддержкой японской индустрии в данной сфере целенаправленно занимаются 13 правительственных министерств и агентств, среди которых Министерство иностранных дел, Агентство культуры, Кабинет премьер-министра, Министерство экономики, труда и производства. Только в 2006 г. правительственными организациями было выделено 3,11 биллиона иен на продвижение японской анимации и поп-музыки в Китае [16, 52–53]. В мае 2011 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии провело конференцию, на которой было решено оказывать государственную поддержку креативным отраслям, таким как реклама, архитектура, театральное искусство, арт, дизайн, кино, музыка/клипы, телевидение/радио, компьютерное программирование, издательское дело, моделирование одежды, прикладное искусство, игрушки (сюда относятся также аниме-фигурки), мебель, продукты питания, бижутерия, канцелярия. В ноябре 2011 г. был проведен очередной симпозиум на тему Cool Japan, на котором обсуждались возможности применения стратегии Cool Japan для создания здорового японского общества.

Удачным примером государственной поддержки бренда Cool Japan можно назвать Всемирный Косплей Саммит (World Cosplay Summit), который проводится вот уже 9 лет и который получает поддержку в том числе и от Министерства иностранных дел Японии. Девиз Саммита «Манга — язык международно-

го общения» [12]. В 2012 г. стартовал очередной международный проект Cool Japan, направленный на продвижение японской моды, суть которого — популяризация японской фэшн-культуры через создание модных магазинов в Китае, Южной Корее, Индии, Сингапуре, США, Франции. В рамках проекта — строительство торговых кварталов, имитирующих знаменитые токийские районы Гинза, Сибуя и Харадзюку. Ожидается, что с помощью данного проекта объем зарубежных продаж японских кампаний, производящих модные товары, вырастет к 2020 г. до 130 млрд долларов.

Японская национальная модель soft power под названием Cool Japan в последние годы стала предметом специальных научных исследований. В США, в Массачусетском технологическом институте, разработан исследовательский проект под названием Cool Japan, а во многих зарубежных университетах стали защищаться магистерские и докторские диссертации, написанные на эту тему. Благодаря эффекту Cool Japan, во всем мире возросло количество желающих изучать японский язык и японскую культуру. Именно поэтому международный рейтинг бренда Японии, согласно данным компании Анхольта, оказался выше китайского бренд-рейтинга [5]. Стратегия «мягкой силы» Японии оказалась наиболее успешной в Азиатском регионе, и это несмотря на то, что в Китае и других странах Азии сохраняется память о японской колониальной политике и империалистическом прошлом страны. Однако при весьма критическом отношении к японской внешней политике жители азиатских стран продолжают активно покупать японские комиксы, компьютерные игры, телевизионные программы, альбомы поп-музыки, японскую анимацию.

При сравнении политических компонентов «мягкой силы» Китая и Японии аналитики отдают предпочтение японской модели soft power. Это объясняется тем, что китайская политическая система авторитарна и жестко иерархична, а потому не обладает демократической и правовой привлекательностью. Япония же, напротив, привлекательна своими либерально-демократическими политическими традициями.

В последние годы исследователи отмечают заметный рост «мягкой силы» *Индии*. Индийская политика либерализации существенно усилила ее экономическую мощь, а развитие ядерной энергетики укрепило ее военную мощь. По мнению Дж. Ная, который образно назвал Индию «весенним тигром» (Springing Tiger), в глобальном соревновании между «мягкими силами» Китая и Индии наблюдается преимущество Индии в плане привлекательности ее политического и экономического образа [15]. В работах, посвященных soft power Индии, фиксируется поворот от образов «женственной» (слабой, пассивной) и «дикой» (отсталой) Индии, произведенных в эпоху британской колонизации, к образу «мягкой» Индии, где слабость и «женственность» превращаются во влиятельную политическую силу. Первым, кто сформулировал концепт «мягкой силы» для Индии, был Махатма Ганди. Его стратегия борьбы против британского колониализма опирается на философию *ненасильственного сопротивления*, которую сегодня считают идейной основой индийской модели soft power.

В 1960-е гг. молодежное движение хиппи и популярная группа «Битлз» выступили в роли проводников в страны Запада «мягкой силы» Индии, поскольку

в своей идеологии осуществляли широкие заимствования из индийской философии и музыкальной культуры. Именно в эти годы начинается «исход» хиппи в Индию, вырастают колонии хиппи на территории Гоа. В настоящее время основными ресурсами «мягкой силы» Индии считаются: 1) древнеиндийское историко-культурное, философско-религиозное наследие и духовно-физические практики (йога, дзен-буддизм); 2) индийское музыкальное, пластическое и кулинарное искусство; 3) Болливуд (индийский аналог американского Голливуда); 4) «Бангалор» (нарицательное имя офшорных зон по производству новейших информационных технологий, символическое название «фабрики мысли»); 5) мирные ядерные технологии; 6) высокая репутация индийских образовательных экономических и технологических центров (Индийский институт менеджмента, Индийский технологический институт и др.); 7) The Boy Next Door (буквальный перевод — «мальчик-сосед») — название индийско-американского сообщества, насчитывающего более 2 млн человек, которые сотрудничают в сферах банковского бизнеса, топ-менеджмента, высоких технологий, организации бизнес-школ; 8) политический плюрализм и делиберативная политика, обеспечивающие защиту прав этнических меньшинств и мирное разрешение социальных конфликтов.

Сегодня наряду с Китаем Индия предлагает одну из самых динамичных альтернатив западным культурным ценностям. Индийская киноиндустрия выпускает ежегодно более 1000 фильмов. Благодаря спутниковому телевидению и Интернету фильмы Болливуда и индийские мыльные оперы становятся достоянием широкой публики. В составе успешного культурного индийского экспорта — упражнения йоги, специи и блюда индийской кухни. За последние пять лет Правительство Индии целенаправленно внедряет культурную составляющую в свою международную политику. В настоящее время Индийский совет по культурным отношениям создал 22 культурных центра в 19 странах мира, которые занимаются организацией фестивалей индийского кино и искусства, выставок, книжных ярмарок, продвигая мультикультурный и плюральный образ Индии [17]. Кроме того, ведется международная пропаганда языка хинди. Активно используется также такой ресурс *soft power*, как продвижение индийских информационных технологий за рубежом и недорогое, но качественное университетское образование для иностранцев. Именно на этот вид ресурсов Индия делает ставку в странах Африки. В отличие от США, Европейского Союза и Китая, Индия во внешней политике не рассматривает свою модель *soft power* в качестве образца для подражания. В то же время отстаивание национальных интересов страны в Азиатском регионе заставляет политические круги Индии выработать такую внешнеполитическую стратегию, которая могла бы составить конкуренцию «мягкой силе» Китая. Именно в этом направлении в настоящее время работает интеллектуальная мысль Индии.

Рассмотренные стратегии *soft power* демонстрируют, насколько актуальным для правительств азиатских стран сегодня является продвижение и укрепление собственных государственных позиций на разнообразных мировых рынках посредством развития ресурсов «мягкой силы». Опыт Китая, Японии, Индии и Южной Кореи в области выстраивания национальной модели *soft power*

может стать полезным и для России, которая пока еще делает первые шаги в плане комплексного применения национальных ресурсов soft power в целях продвижения своего собственного бренда.

1. Материалы к заседанию Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации. Образование как инструмент «мягкой силы» и «умной власти» во внешней политике России [Электронный ресурс]. URL: http://www.budgetrf.ru/Publication/Magazines/VestniksF/2012/VSF_NEW2012_10191208_p_003.htm (дата обращения: 01.03.2013).
2. *Най Дж.* «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10.
3. *Най Дж.* Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
4. *Цзяйцзы Лю.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // *Полис*. 2009. № 4.
5. Anholt-GfK Poper (2008) *Anholt-GfK Poper National Brands Index Report Highlight* [Electronic resource]. URL: http://marketingpower.com/ResourceLibrary/Documents/Content%20Documents/GfK/Anholt-DfK_Poper_Nation_Brand_Index.pdf (3 March 2009, date last accessed).
6. *Heng Yee-kuang* Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the 'soft' power competition era // *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 10 (2010).
7. *Holik Gregory G.* Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // *Political Science Quarterly*. 2011. Vol. 126. Num. 2. Summer.
8. *Holl Todd.* An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. Vol. 3.
9. *Hunter A.* Soft Power: China on the Global Stage // *Chinese Journal of International Politics*. 2009. Vol. 2.
10. *Jacques E. C. Hymans.* India's Soft Power and Vulnerability // *India Review*. 2009. Vol. 8, № 3. July–Sept.
11. *Kearn, David W.* The hard truths about soft power // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4, No. 1. Apr.
12. *Kona Yuki.* Новая политика японского правительства Cool Japan // *Cool Japan Journal*. 30.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: [www/httpj.cooljapan.ru/archives/4183](http://www.httpj.cooljapan.ru/archives/4183) (дата обращения: 01.03.2013).
13. *Lee Da Eun, Kim Sol, & Dr. Shirley Steven.* Korea is Looking South // *Journal of Asia Pacific Studies*. 2011. Vol. 2, № 2.
14. *Geun Lee.* A theory of soft power and Korea's soft power strategy // *Korean Journal of Defence Analysis*. 2009. Vol. 21, № 2. June.
15. *Nye, Joseph S.* «Springing Tiger» // *India Today*. Sept. 2006. 25.
16. *Otmazgin, N.K.* Contesting soft power: Japanese popular culture in East and Southeast Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2008. № 8.
17. *Wagner Christian.* Indias' Soft power: Prospects and Limitations // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2010 [Electronic resource]. URL: <http://http://www.sagepub.com/content/66/4/333> (дата обращения: 01.03.2013).
18. *Weihong Zhang.* China's cultural future: soft power to comprehensive national power // *International Journal of Cultural Policy*. 2010. Vol. 16, № 4. Nov.
19. *Whitney Ch., Shambaugh M. David.* Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion (The Chicago Council on Global Affairs, 2008).
20. *Wuthnow Joel.* The Concept of Soft Power in China's Strategic Discourse // *Issues and Studies*. 2008. Vol. 44, № 2.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 327.82 + 327.51 + 339.543

Р. С. Мухаметов

УКРАИНА МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И РОССИЕЙ: ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье говорится об основных интересах России и Евросоюза на Украине. Автор указывает, что интерес Брюсселя на Украине заключается в политическом сдерживании России. Украина важна для ЕС как страна-транзитер российских энергоресурсов. Газотранспортная система Украины также является сферой соперничества между Россией и ЕС. Много внимания в статье уделено национальным интересам России на Украине в военной сфере. По мнению автора, между Брюсселем и Москвой существует конкуренция, касающаяся не только внешней ориентации, но и внутреннего политического строя Украины.

Ключевые слова: Украина, Евросоюз, Россия, НАТО, Черноморский флот, Таможенный союз, «Северный поток».

Бывшие республики Союза ССР формируют пространство международной конкуренции. Они являются предметом стратегического и политического соперничества между РФ и ЕС. Ключевой страной в этом противостоянии выступает Украина. Это обусловлено тем, что она занимает выгодное геополитическое положение. Его определяет расположение на перекрестке путей из Западной и Центральной Европы в Россию, а также из Балтийского региона в Черноморский. Важной чертой геополитического положения Украины является ее выход к Черному и Азовскому морям.

Заинтересованность Европы в Украине связана с необходимостью противостояния российскому центру тяжести, развитие которого потенциально может пошатнуть геополитические позиции Европы. Это обусловлено тем, что, как считают в Брюсселе, Россия изменила провозглашавшимся ею ранее демократическим идеалам, уже отошла от демократических ценностей и отбросила демократические модели, на которые прежде ориентировалась. Иными словами, утверждается, что Россия движется по пути построения авторитарного режима.

Образ России, вставшей на путь построения авторитарного государства, дополняется образом страны с возрождающимися имперскими амбициями. Для Брюсселя Россия — это держава, которая стремится вернуть себе былую власть на постсоветском пространстве. Российско-грузинский вооруженный конфликт в 2008 г. и «газовые войны» с Украиной Брюссель счел свидетельством империалистических намерений России [3, 64–65]. На Западе в последние годы сложился стереотип России как страны, которая пытается противодействовать развитию демократии на постсоветском пространстве и с помощью экономических рычагов оказывает политическое давление на бывшие советские республики [8, 11–12].

Европейский союз стремится окружить себя «кольцом дружественных, хорошо управляемых государств», то есть усилия Брюсселя направлены на то,

чтобы приблизить соседние государства к европейским нормам и стандартам. Украина, как и ее коллеги из постсоветского лагеря, должны перенять как можно больше европейского управленческого опыта. Другими словами, «экспорт» максимального набора норм и правил ЕС соседями является задачей европейской политики соседства в целом и восточного партнерства в частности. ЕС возлагает на себя миссию «европеизации» соседних государств, что, по мнению разработчиков данной стратегии, должно обеспечить стабильность, безопасность и процветание Европейскому континенту [7, 5].

Это связано еще и с тем, что ЕС столкнулся с проблемой периферийности Восточной Европы. «Европеизация» Украины повысит статус Польши, Словакии, Венгрии и других стран, на настоящий момент являющихся окраинными, пограничными, то есть Брюссель ставит своей целью отодвинуть восточные границы ЕС как можно дальше на восток. Поэтому европейские страны заинтересованы в создании так называемой буферной зоны на границах ЕС.

Для Европы Украина важна как страна—транзитер российских энергоресурсов. Роль Киева в обеспечении энергетической безопасности Евросоюза значительна, поскольку большая часть поставляемых в государства — члены ЕС российских углеводородов транспортируется через Украину. Примерно 40 % потребляемого Европой природного газа поступает из России (75 % из этого объема идет транзитом через Украину). Поэтому Брюссель заинтересован в обеспечении стабильных, бесперебойных поставок энергоносителей в страны ЕС через Украину.

Конфликты между Москвой и Киевом в газовой сфере, которые имели место в 2000-е гг., продемонстрировали, что Брюссель заинтересован в отстаивании интересов Украины. Евросоюз выступает за диверсификацию энергоресурсов Украины путем доступа к прямым поставкам из Центральной Азии, за усиление сотрудничества в энергетической сфере в рамках организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). В частности, в одном из ее документов подчеркивается активизация усилий, направленных на реализацию совместных программ и проектов по транспортировке энергоресурсов Каспийского региона на европейский энергетический рынок с использованием территорий государств — участников объединения [6].

Главным энергетическим проектом блока ГУАМ является создание «Евразийского нефтетранспортного коридора», который предусматривает транспортировку «черного золота» из Азербайджана через Грузию по трубопроводу Баку — Супса, затем танкерами в Одессу (Украина) и далее в Польшу по трубе Одесса — Броды. Второй проект — газопровод «Белый поток». Это идея украинской стороны по диверсификации поставок природного газа в Европу и снижению энергетической зависимости от России. Согласно концепции разработчиков данный газопровод должен пройти параллельно «Евразийскому нефтетранспортному коридору», то есть из Азербайджана в грузинский порт Супса, затем по дну Черного моря на Украину и оттуда в ЕС, минуя Россию.

«Белый поток» рассматривается как основной конкурент другим потенциальным трубопроводам, прежде всего «Набукко», которым предполагается поставлять природный газ из Центральной Азии в европейские страны через

Турцию. Важным преимуществом «Белого потока» перед «Набукко» является то, что при его строительстве может быть использована уже существующая инфраструктура Южного Кавказа, Украины и Европы, что значительно удешевит стоимость.

Необходимо отметить, что появление идеи «Белого потока» имеет не столько экономические, сколько политические предпосылки. Загруженность подобного трубопровода газом на данный момент ничем не обеспечена.

С геополитической точки зрения создание транспортного коридора в направлении с востока на запад в обход России, по замыслу Брюсселя, позволит:

- диверсифицировать маршруты поставок энергоносителей в целях ослабления зависимости стран ЕС от России и обеспечить таким образом их энергетическую безопасность;

- демонтировать транспортную систему бывшего СССР, во многом проходящую по территории России и обеспечивающую стратегический контроль над экспортом центральноазиатских энергоресурсов;

- открыть Европейскому союзу путь к сотрудничеству со странами, стремящимися к созданию независимых от России маршрутов транспортировки энергоносителей;

- установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы эти ресурсы попали в распоряжение России;

- за счет контроля над энергоресурсами обеспечить установление политического контроля ЕС над странами региона;

- установить и закрепить геополитический плюрализм, независимость (от России) новых независимых государств.

В ближайшие годы роль Украины в энергетической безопасности Европы будет снижаться. Это обусловлено тем, что Россия создает независимые от Украины пути и маршруты поставки природного газа и нефти в государства — члены ЕС, например «Северный поток» и «Южный поток».

Политика ЕС на постсоветском пространстве в целом и на Украине в частности противоречит российской концепции «ближнего круга», согласно которой каждый субъект, претендующий на сколько-нибудь осязаемое влияние в международных процессах, должен располагать зоной приоритетного влияния, как правило, охватывающей либо пограничные с ним территории, либо бывшие колонии и доминионы. Политика Брюсселя соответствует концепции геополитического плюрализма. Суть ее сводится к недопущению возникновения на евразийском пространстве новой сверхдержавы.

«Яблоком раздора» между Москвой и Брюсселем является газотранспортная система (ГТС) Украины. Это можно объяснить несколькими причинами. ГТС — важный транзитный путь для поставок российского газа в страны ЕС. Пропускная способность ГТС на входе составляет 288 млрд куб. м, на выходе — 178 млрд куб. м в год, в том числе 142 млрд куб. м газа — в европейские страны. Стратегическое значение ГТС обусловлено и выгодным географическим положением Украины — между основными газодобывающими регионами (Россией и прикаспийскими государствами) и основными потребителями газа в Европе. Наконец, ГТС Украины имеет уникальную систему газохранилищ мощностью

в 30 млрд куб. м. Эти хранилища играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности государств — членов Евросоюза.

Таким образом, внешнеполитическим приоритетам Москвы отвечает участие России в эксплуатации газотранспортной системы Украины. Другими словами, Кремль добивается от украинской стороны выполнения договоренностей о создании Международного консорциума по управлению и развитию газотранспортной системы Украины.

Украина важна для России по причинам военного характера, ибо Севастополь — главная военно-морская база (ВМБ) Черноморского флота (ЧФ). ВМБ в Севастополе вообще трудно сравнивать с какими-либо другими военно-морскими базами в мире: там большая и глубокая гавань, а корабли защищены со всех сторон берегами.

База в Севастополе имеет для РФ исключительно региональное военно-политическое значение: служит продвижению интересов в Черноморском бассейне. Для России ЧФ остается средством демонстрации своего флага в постсоветских республиках, символом вечного российского присутствия на Украине, иллюстрацией военной и экономической мощи РФ. Военно-стратегическое значение ЧФ для России в настоящее время минимально, поскольку он сейчас не способен противодействовать объединенным морским группировкам соседних стран НАТО. Черноморский флот России поддерживается на самом минимальном уровне боевой готовности. Это соединение из единичных экземпляров разнотипных кораблей, большая часть которых уже просто устарела. В частности, ракетный крейсер «Москва» в составе флота с 1983 г., большой противолодочный корабль «Керчь» — с 1974 г., сторожевые корабли «Сметливый», «Ладный» и «Пылливый» — с 1969, 1981 и 1982 гг. соответственно. Другими словами, большинство кораблей Черноморского флота числятся в боевом составе лишь из соображений политического престижа. Кроме того, для России ВМБ в Севастополе имеет и экономическое значение: строительство новой военно-морской базы в Новороссийске и/или абхазском Очамчире обойдется, по мнению экспертов, в 10–12 млрд долл. [2].

Территория Украины используется Россией как транзитная для транспортировки природного газа и нефти в Европу. Крупнейшие из газопроводов — «Союз», «Уренгой — Помары — Ужгород». По данным Центра Разумкова, всего в 2012 г. через Украину было поставлено около 80 млрд куб. м российского газа. Для сравнения: в 2011 г. транзит газа через Украину в Европу составил чуть более 101 млрд куб. м [10].

Таким образом, для России важно обеспечить бесперебойный транзит углеводородов через территорию Украины. Имидж России как надежного поставщика энергоресурсов нужен государству не просто для того, чтобы произвести на остальной мир хорошее впечатление: имидж страны «представляет собой важнейший капитал, способствующий укреплению геополитического статуса государства на мировой арене, обеспечению его безопасности, защите и продвижению национальных интересов» [5, 6].

Международная репутация России страдала из-за перебоев в транзите природного газа через территорию Украины. Энергетические войны подорвали

имидж России на Западе как постоянного и стабильного поставщика энергоносителей. Прекращение поставок углеводородов в Украину были оценены в Европе как использование энергетического оружия в политических целях. Критики Москвы утверждали, что Россия использует свой контроль над поставками энергии для принуждения других стран. Кроме того, регулярные энергетические войны Москвы с Киевом подтолкнули Евросоюз к поиску альтернативных поставщиков «голубого топлива» (например, газопровод «Набукко»).

Российско-украинские энергетические войны продемонстрировали зависимость поставщика (России) и потребителей (западноевропейских партнеров) энергоресурсов от страны-транзитера (Украины).

В последние годы российской стороной целенаправленно реализуются планы диверсификации экспортных поставок нефти, наращиваются мощности трубопроводного транспорта в направлениях, исключая транспортировку нефти и газа по территориям сопредельных государств. Основными реализуемыми российской стороной проектами по диверсификации направлений экспорта являются «Северный поток» и «Южный поток».

«Северный поток» («Nord Stream») — магистральный газопровод для прямых поставок российского газа потребителям в Евросоюзе. Маршрут данного трубопровода лежит по дну Балтийского моря из российского Выборга в германский Грайфсвальд. Реализация проекта началась в апреле 2010 г. Первая очередь «Северного потока» была запущена в эксплуатацию 8 ноября 2011 г., вторая — 8 октября 2012 г. Мощность газопровода составляет 55 млрд куб. м газа в год.

Вторым проектом является «Южный поток» («South Stream»), который пройдет по дну Черного моря из Новороссийска в болгарский порт Варну, а затем разделится на две ветви — через Сербию и Венгрию в Австрию и через Грецию на юг Италии. Планируемая мощность этого газопровода 60 млрд куб. м газа в год. В декабре 2012 г. началось строительство морского участка газопровода «Южный поток». Строительство европейского сухопутного участка планируется начать на территории Болгарии в июне 2013 г. Первые поставки газа по газопроводу запланированы на конец 2015 г.

Основная цель вышеназванных проектов заключается в обеспечении прямых коммуникаций между продавцом (Россией) и покупателями (страны Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы), минуя территорию Украины.

Таким образом, Россия стремится сократить зависимость от Украины как страны-транзитера, увеличивая число альтернативных маршрутов доставки природного газа в государства — члены ЕС. Доля транзита российского газа через территорию Украины продолжит снижаться. Этот факт можно объяснить запуском газопровода «Северный поток», увеличением транзита энергоносителей через Республику Беларусь по газопроводу «Ямал — Европа».

Для России неприемлемо членство Украины в НАТО. Официальная позиция РФ относительно продвижения Североатлантического альянса на восток за счет инкорпорирования в свои ряды стран, непосредственно примыкающих к нашим границам, заявленная в Концепции внешней политики от 12 июля 2008 г., является следующей: Россия сохраняет отрицательное отно-

шение к расширению НАТО, особенно к планам приема в члены организации Украины.

Расширение Североатлантического альянса за счет включения постсоветских государств и приближение его военной инфраструктуры непосредственно к российским границам значительно осложняет для Москвы военную обстановку. Это проявляется в том, что Альянс получает практически прямой доступ к центральным, ранее тыловым, районам, имеющим ключевое в военно-экономическом отношении значение. Во-вторых, увеличивается досягаемость российской территории со стороны тактической ударной авиации НАТО, которая уже сегодня теоретически способна проникать в воздушное пространство России и достигать целей в глубине территории страны, а также средств предупреждения, боевого управления и разведки. Наконец, после вступления стран Балтии в Североатлантический альянс в непосредственной близости от российских границ возникла неконтролируемая с точки зрения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) зона, «свободная» от ограничений на размещение обычных вооружений, в том числе и ВС других стран НАТО.

Продвижение НАТО на восток имеет негативные политические последствия для России. Это прежде всего ощутимо сужает свободу действий России на постсоветском пространстве в выборе средств и способов защиты жизненно важных интересов, лишает Москву свободы дипломатического маневра при решении сложных международных ситуаций, в которых могут быть затронуты ее внешнеполитические приоритеты.

Что касается политико-психологических последствий расширения НАТО на восток, то в России будут все больше усиливаться ощущения «жизни в осажденной крепости», военно-политической изоляции страны, возрождаться антизападные и милитаристские тенденции в общественном сознании. Территориальное расширение Альянса может привести к усилению позиций антизападных сил, изменению соотношения сил внутри самой России не в пользу линии на взаимодействие и сотрудничество с Западом.

По мнению российских экспертов, вступление в НАТО Украины будет иметь особенно пагубные последствия для России.

Во-первых, расширение НАТО на Украину потребует проведения между Россией и Украиной реальной границы, а ее демаркация по земле (в отличие от проведенной делимитации — по карте) неизбежно вызовет десятки споров из-за «исторических» холмов, лесов и т. д.

Во-вторых, жесткое разделение России и Украины, их народов введением режима реальной границы приведет к рассечению миллионов человеческих и социальных связей между людьми, проживающими в Российской Федерации и на Украине.

В-третьих, втягивание Украины в НАТО не только многократно затруднит общение между населением наших стран, но и будет означать разделение единой русской нации, способствовать созданию комплекса разделенной нации в России, а также формированию на Украине отдельной «украинской нации», культурная идентичность которой будет строиться на отталкивании от всего русского.

Наконец, в военно-стратегическом отношении распространение НАТО на территорию Украины откроет обширное «окно уязвимости» в системе обороны Российской Федерации, т. е. военная инфраструктура альянса приблизится вплотную к наиболее развитым и густонаселенным районам европейской части России [1, 100].

Кроме того, у России имеются опасения, что членство Украины в НАТО укрепит создаваемый, по мнению некоторых российских экспертов, Западом по периметру ее границ санитарный кордон из недружественных и ориентированных преимущественно на США государств. Появление на западных границах России государства — члена НАТО, который в Москве рассматривают в качестве организации, которая несет потенциальную угрозу для России, будет однозначно воспринято как прямой и провокационный вызов ее национальным интересам.

Данная тема всегда являлась болевой точкой в российско-украинских отношениях. Вопрос о вступлении Украины в Альянс активно продвигали предыдущие украинские власти. Так, в январе 2008 г. заявление с просьбой присоединиться к членству в НАТО подали тогдашние президент Виктор Ющенко, премьер-министр Юлия Тимошенко и спикер Верховной рады Арсений Яценюк. Действующий президент Украины Виктор Янукович не просто скорректировал внешнеполитическую ориентацию Киева, а, по сути, отменил курс на вступление страны в НАТО. В частности, Янукович подписал закон об основах внутренней и внешней политики Украины. В документе нет ни слова о том, что стратегическим направлением внешней политики является евроатлантическая интеграция. Вместо этого в законе говорится, что «основным принципом внешней политики страны является соблюдение Украиной политики внеблоковости, что означает неучастие в военно-политических союзах» [9, 2].

Таким образом, вопрос о членстве Украины в НАТО на данный момент снят с повестки дня.

Одним из главных внешнеполитических приоритетов России в ближнем зарубежье является вовлечение в Таможенный союз (ТС) Украины, без которой ни одна из интеграционных структур на постсоветском пространстве не может считаться полноценной военно-политической или экономической организацией. Другими словами, Москва предлагает Киеву войти в ТС, обещая взамен энергоносители по льготным ценам. Украина стремится завершить переговоры по соглашению об ассоциации с Евросоюзом, частью которого является соглашение о создании зоны свободной торговли. Официальный Киев предлагает сотрудничество с ТС в формате «три плюс один» (Россия, Белоруссия и Казахстан плюс Украина), то есть он готов постепенно присоединяться только к некоторым правилам Таможенного союза. Представители ЕС заявляют, что любое участие Киева в ТС сделает невозможными дальнейшие переговоры о подписании договора об ассоциации между Украиной и Евросоюзом.

По представлениям России, место Украины находится в «Русском мире». «Русский мир» — это глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя рус-

скими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и равнодушны к ее делам и судьбе [4, 4].

Между Брюсселем и Москвой существует конкуренция, касающаяся не только внешней ориентации, но и внутреннего политического строя Украины. Так, ЕС поместил права человека в центр своих отношений со всеми третьими странами. Это обусловлено тем, что уважение прав человека, демократических ценностей и верховенства права, как считают в Брюсселе, является ключевым элементом стабильности и благополучия государств (хотя часть экспертов считает, что права человека используются Западом в качестве внешнеполитического инструмента для продвижения собственных интересов). Евросоюз считает такие принципы, как права человека, демократия, верховенство права особенно важными для страны, которая стремится вступить в договорные отношения, основанные на политической ассоциации. То есть соблюдение странами-партнерами вышеуказанных принципов определяет уровень их отношений с Союзом.

Россия, напротив, придерживается принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Москва говорит о необходимости обеспечить каждому народу право на выбор собственного пути развития: каждая страна имеет право распоряжаться своей судьбой, своими ресурсами, суверенно определять социально-экономическую и политическую модель своего развития.

В настоящий момент все ближе зарубежье России является зоной конфликтов и борьбы за влияние, на Украине это проявляется в наиболее яркой форме. Украина выступает ключевой страной в стремлении России к усилению влияния на постсоветском пространстве. Она также входит в зону непосредственных интересов и Европейского союза.

---

1. *Арбатов А. Г.* Расширение НАТО и национальные интересы России // *Полития*. 2006. № 2.

2. *Баранов М.* Куда идет российский флот // *Коммерсантъ-Власть*. 2008. № 7.

3. *Баталов Э. Я.* Европейские образы России: вчера, сегодня завтра // *Россия в Европе = Russia in Europe: как нас воспринимают в Европе и евроатлантическом сообществе* / под ред. В. В. Журкина (отв. ред.) и др. М., 2007.

4. *Батанова О. Н.* Русский мир и проблемы его формирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

5. *Гаджиев К. С.* Имидж как инструмент культурной гегемонии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 12.

6. *Кишиневская Декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» от 22 апреля 2005 года* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guam.org.ua> (дата обращения: 25.01.2013).

7. *Лонгхарст К.* Дифференциация европейской политики соседства и ее последствия для Украины. 2008. Июль.

8. *Носов М. Г.* Россия и Европа: стереотипы и реальность // *Россия в Европе = Russia in Europe: как нас воспринимают в Европе и евроатлантическом сообществе*.

9. *Соловьев В., Калыш В.* Янукович исполнился чувства должности // *Коммерсантъ*. 2010. 4 июня.

10. Уже меньше половины [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/economy/2013/1/10/615303.html> (дата обращения: 25.01.2013).

УДК 316.462 + 321.7 + 328.1

Н. А. Баранов

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИЛ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье анализируются новые тенденции в российской политике, связанные с изменением институциональных правил, которые обусловлены переменами в политической и общественной жизни страны после выборного цикла 2011–2012 гг. Автор рассматривает авторитарные и демократические тенденции в политической жизни и выделяет факторы, способствующие демократизации страны.

Ключевые слова: авторитаризм, гражданское общество, демократия, институционализация, парламентаризм, политическая ситуация, политические институты, российская политика.

Выборный цикл 2011–2012 гг., богатый на политические события, остался позади, однако его последствия до сих пор оказывают влияние на формирование российского политического ландшафта. Население почувствовало себя более обеспеченным, и у него появились возросшие запросы, реализация которых оказалась невозможной при сложившейся конфигурации власти. Недовольство людей вылилось в стихийные возмущения теми порядками, которые прежде гласно не ставились под сомнение: административным ресурсом, нечестными выборами, коррумпированными чиновниками, неэффективным управлением и т. д. У людей появилась гражданская позиция, дефицит которой так остро ощущался в последнее десятилетие. К такой неожиданной метаморфозе власть оказалась не готова, поэтому политическая элита вынуждена была начать поиски новых механизмов управления пробуждающейся страной.

Действительно, современная российская политика претерпела значимые изменения. Так, с декабря 2011 г. разрешен уличный протест недовольных, который раньше подавлялся. Либеральнее стала политика в отношении СМИ: на государственных каналах все чаще звучит критика в отношении властей. Идет работа по созданию Общественного телевидения России. Новая редакция закона о партиях позволяет создавать малые политические партии, что может повысить политическую конкуренцию. Выборы губернаторов снова стали прямыми, правда с определенным муниципальным фильтром. Началось обсуждение предложений о возвращении к смешанной системе выборов в Государственную думу и восстановлении права участия в выборах избирательных блоков.

Президент в своем послании Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. констатировал: «Политическая конкуренция — это безусловное благо для страны». Глава государства предложил сформировать свод правил добросовестной политической конкуренции, состоящий из следующих положений: безусловность единства, целостности и суверенитета России; неприемлемость прямого или косвенного внешнего вмешательства во внутренние дела страны; исключение криминала из политики; возможность цивилизованного диалога только с теми политическими силами, которые цивилизованным же образом выдвигают, обосно-

вызывают и формулируют свои требования, отстаивают их в рамках закона; обеспечение равного доступа всех политических партий к средствам массовой информации как в процессе избирательных кампаний, так и в текущей жизни [15].

С другой стороны, к концу 2012 г. вновь было ужесточено законодательство в отношении политических свобод, касающееся деятельности СМИ, НКО, регулирования Интернета, проведения митингов, действий добровольцев и независимых наблюдателей, а также приняты законы о клевете, гостайне и госизмене. Государство публично взяло ориентир на выражение интересов большинства без учета интересов меньшинства, иницируя при необходимости массовые акции в свою поддержку, сопоставимые по масштабу с протестными.

В сложившихся условиях наиболее активная часть общества ищет возможности повлиять на обстановку в стране, обратить внимание руководства государства на существующие проблемы. Возникает ситуация, приводящая к дилемме: либо установление политической стабильности с учетом новых реалий, либо развитие процесса дестабилизации в обществе за счет ограничения политических возможностей и игнорирования требований наиболее креативной части общества.

Таким образом, страна в очередной раз оказалась на развилке пути своего развития. По мнению Дмитрия Орешкина, из двух вариантов — контроль или эффективность — власть выбирает первый, потому что экономическая эффективность размывает политический контроль [10]. Действительно, эффективность предполагает свободу, которая способствует развитию бизнеса и гражданского общества, а также ответственность того же бизнеса и региональных элит, что в конечном счете делает их более независимыми от федерального центра. Значительная часть бюрократии, пораженная авторитарным синдромом 2000-х, выступает против такого развития событий, другая часть — модернизационная элита — склонна поддержать путь на эффективность. О борьбе между этими тенденциями можно судить по активизации силовых структур, особенно следственного комитета и прокуратуры, политическая значимость которых резко возросла после начала борьбы с коррупцией и оппозицией. Демонстративные обыски в кабинетах губернаторов и высокопоставленных чиновников, у общественных деятелей призваны показать, кто реально управляет страной.

Происходит трансформация политического режима после сложной для действующей власти выборной кампании, результатом которой стало изменение политической конфигурации не в ее пользу. Как отмечал один из инициаторов российских рыночных преобразований Е. Т. Гайдар, «в странах, не имеющих демократической традиции, оказавшихся под властью автократов, с ростом уровня развития спрос на свободы повышается. Остановить его можно только силой — главным ресурсом таких режимов. Проблема властей в том, что возможности ее применения в модернизированном обществе сокращаются» [2, 110].

Потребность в международной легитимации власти, а также постепенно формирующееся гражданское общество ограничивают авторитарно настроенных лидеров в применении силовых методов управления. В то же время сохраняется значительная часть людей, поддерживающая силовой вариант управления страной. Как правило, потребность в укреплении власти за счет силовых

структур исходит от бедного населения, не способного без вмешательства государства решить свои социальные проблемы. В соответствии с результатами исследований, проведенных Институтом социологии (ИС) РАН, 59 % населения характеризуется тремя основными параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности» (16 %), «на грани бедности» (16 %) и в состоянии «малообеспеченности» (27 %) [3, 168]. Для данных категорий населения характерна этакратическая модель развития, основанная на всевластии государства, служащего выразителем общих интересов и призванного обеспечивать безопасность как каждого отдельного гражданина, так и общества в целом, и способствующая развитию патерналистских настроений в обществе. В наибольшей степени демократические права и свободы востребованы активными слоями населения: молодежью, хорошо обеспеченными россиянами, а также теми, кого можно охарактеризовать как носителей модернистского типа сознания, отличающегося приверженностью идеям личной ответственности, инициативы и индивидуальной свободы. С другой стороны, отмечается в докладе ИС РАН, даже обеспеченные россияне не связывают успешное социально-экономическое развитие страны ни с идеей демократии, ни с дальнейшим развитием демократических институтов, скептически оценивая их инструментальный потенциал и возможность практического использования демократических принципов и институтов в обновлении страны [Там же, 310–311].

Скептическое отношение россиян к демократии вполне объяснимо. Отставание демократических принципов возможно в случае, если общество убедилось в том, что они работают. Французский политолог и социолог Раймон Арон отмечал: «Режим, обеспечивающий гражданам наибольшую свободу, не всегда гарантирует наибольшую действенность власти. Режим, основанный на волеизъявлении управляемых, не всегда предоставляет в распоряжение носителей власти достаточные возможности для ее реализации» [1, 46]. Политическая практика в России не способствовала утверждению либеральной демократии в качестве приоритетной модели развития страны. В 1990-е гг. понятия «демократия» и «либерализм» были дискредитированы государственной политикой, проводимой под данными лозунгами и не решившей насущных проблем населения, в результате чего в общественном мнении появилась потребность в сильном государстве, возглавляемом авторитетным лидером.

Как отмечают некоторые исследователи, в российском сознании существует порожденный нашей историей страх безвластия и хаоса. Поэтому принцип «Любая власть — меньшее зло по сравнению с безвластием» побуждает общество легко соглашаться с установлением авторитарной власти [21, 157]. Уверенный в себе политический лидер вызывает доверие у населения, а его успехи в борьбе с «либералами» и «олигархами» — поддержку жесткой политики. Таким образом, к утверждению авторитарных методов управления в условиях переходного общества непосредственное отношение имеют люди, разочаровавшиеся в демократических трансформациях. «Авторитаризм, — пишет А. И. Соловьев, — это не только удобная и приемлемая для властей матрица существования их ценностных ориентаций, но и прямой результат соучастия населения в строительстве данных форм государственного правления» [19, 41]. Тех форм, кото-

рые используются властью для борьбы с оппозицией, устрашения граждан, ограничения политических прав и свобод.

Возникает несоответствие норм, закрепленных в Конституции и лежащих в основе политической системы, и реальной политической практики, характеризующейся понятием «политический режим», который включает методы функционирования политических и государственных институтов, способы принуждения, ресурсы, используемые властью. В качестве характерной особенности российского политического режима Ю. А. Нисневич выделяет использование основных угроз и вызовов постиндустриального развития как системного инструментария для укрепления власти [11, 260].

Поддерживая ограничения на свободу — закон о клевете, о митингах, о НКО — «иностранных агентах» и т. д., — граждане поступают иррационально, полагая, что эти законы будут способствовать повышению стабильности и, следовательно, повышению уровня их жизни. Однако авторитарная стабильность не является залогом высокого уровня жизни, скорее наоборот. Такая стабильность основывается на боязни санкций, направленных против гражданина, не разделяющего мнение власти. Авторитарная стабильность повышает бесконтрольность власти, усиливает зависимость человека от государственных структур. Осознание такой зависимости — достаточно продолжительный по времени период, когда человек все больше убеждается в ошибочности своих политических предпочтений и в целесообразности перемен. Причем чем выше цена иррациональности, тем больше вероятность, что человек от нее откажется. Американский экономист Брайан Каплан определяет цену иррациональности количеством «богатства, которым действующий человек имплицитно жертвует, потребляя очередную единицу иррациональности» [9, 173]. Чтобы убедить граждан в правомерности своего властвования, политики находят такие подходы, на которые позитивно отзываются люди. Речь идет об обращении к постимперскому синдрому и связанному с ним национализму, ксенофобии, антиамериканизму и начинающемуся антиевропеизму. Продолжают работать разнообразные технологии манипулирования общественным мнением: в частности, иногда система сдает наиболее проштрафившихся чиновников.

До сих пор работает такая стратегия, как громкие заявления о планах на обеспеченное будущее. В частности, на расширенном заседании правительства 31 января 2013 г. определены приоритеты в области социального и экономического развития страны на период до 2018 г. в целях реализации предвыборной стратегии президента, обозначенной в его указах от 7 мая 2012 г. В принятом правительством документе сформулированы перспективные задачи в области совершенствования системы государственного управления, обеспечения международного согласия, экономической, демографической и социальной политики, сфере здравоохранения, образования и науки, обеспечения граждан доступным жильем, а также намечен план по выполнению задач, поставленных в Послании Президента Федеральному собранию Российской Федерации 2012 г. Главным механизмом реализации Основных направлений станут государственные программы Российской Федерации [16]

Следует заметить, что широкомасштабные задачи, определенные правительством, могут быть реализованы не бюрократическим путем, а за счет повышения прозрачности деятельности власти при активном участии гражданского общества, которому необходимо создавать соответствующие условия для работы. В документе ставится задача по развитию эффективной сети социально ориентированных некоммерческих организаций, увеличению масштабов государственно-частного партнерства в социально-экономической сфере, развитию конкурентной среды и повышению качества жизни. Предполагается также создать условия для активного гражданско-общественного контроля над эффективностью государственных расходов и инвестиций с государственным участием, для реализации механизма общественного мониторинга и контроля за деятельностью органов государственной власти. Предлагаемый набор контрольных функций и общественной инициативы, дополненный повышением уровня открытости работы Правительства Российской Федерации, его активное взаимодействие с различными политическими, общественными, деловыми организациями и экспертным сообществом вполне соответствует критериям демократического общества.

В современной политической практике точно с такими же требованиями выступает оппозиция, против которой направлены новые положения вышеперечисленных законов, сужающие политическое поле свободы. Страны, совершающие трансформационные переходы, дают богатый пример тому, как добиться декларируемой открытости власти. Это создание работающих демократических механизмов и открытого политического пространства — свободных СМИ, реальной конкуренции в политике, отсутствие административного ресурса в избирательном процессе, проведение честных выборов и т. д.

С одной стороны, власть признает необратимость политических перемен в стране, ограничивает силовую составляющую, с другой — делает ставку на правовое ограничение политической активности гражданского общества и оппозиции. Ситуация, когда в правовом поле не остается места для реального протеста, а все выпады в сторону власти подпадают под статью закона, определенным образом интерпретируемую судом, является новой для российской политики. Законы, принимаемые минимальным большинством, за которые голосует только одна парламентская фракция, становятся нормой для российского законодательства, следствием чего может стать политическая нестабильность. Таким образом, формируются новые политические правила игры, под которые подводится правовая база. «Демократические способности государства, — пишет Л. В. Сморгун, — как раз и создают условия, когда право является строгим и неукоснительным и не захвачено ни моралью, ни политикой, а политика не пытается захватить право и любой свой шаг легитимизировать правовой нормой» [18, 263]. Такое вмешательство политики, заключает российский политолог, деформирует и право, и демократию.

Решения, принимаемые российской властью, скорее соответствуют известной максиме Ж. Ж. Руссо: «Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает свою силу в право, а повиновение ему — в обязанность. Отсюда — право сильнейше-

го; оно называется правом как будто в ироническом смысле, а в действительности его возводят в принцип» [17, 18]. Некоторые российские исследователи отмечают, что порядок функционирования и взаимодействия органов государственной власти институционализируется, находя документальное выражение в законодательных и иных нормативных правовых актах, издаваемых этими органами: «Каждый институт и орган государственной власти стремится зафиксировать и закрепить свои исходные и вновь приобретенные в процессе функционирования полномочия и функции, по возможности на законодательном или подзаконном нормативном правовом уровне, рассматривая это как гарантию их сохранения» [12, 453].

В стране возникла система, в которой власть сама диктует условия для всех участников политического процесса. Это синдром авторитарной власти, боящейся упустить политическую инициативу из своих рук, не допускающей или резко ограничивающей вмешательство людей в политику. Е. Т. Гайдар называл такие политические системы закрытыми, или управляемыми, демократиями, в которых «формально демократические институты и процедуры сохраняются, но правящая элита договаривается о принципах преемственности власти, контролирует избирательный процесс, предопределяя его исход» [2, 105]. Российский реформатор называл этот путь тупиковым, ссылаясь на опыт Италии, Японии, Мексики, которые вынуждены были стать открытыми демократиями. Аналогичным образом охарактеризовал российскую систему власти авторитетный российский ученый Д. Е. Фурман: «Принципиально отличаясь от демократических систем, российская система в то же время очевидно однотипна со множеством систем, возникших после распада СССР на постсоветском пространстве, в которых демократический и конституционный “фасад” сочетается с личной властью “безальтернативных” президентов, правящих столько, сколько хотят, и передающих власть, кому пожелают» [21, 12].

Политическая ситуация в корне поменялась за последний год. Для того чтобы власть окончательно не досталась оппонентам, политическая элита вынуждена корректировать свои действия, согласуя их с мнением большинства. Инстинкт самосохранения власти, заключающийся в отказе от чего-то малого в обмен на сохранение властного статус-кво, хорошо прослеживается в борьбе с коррупцией. Появившаяся потребность в самоочищении стала сопровождаться антикоррупционными скандалами, которые постепенно охватывают все новые сферы — науку, образование, здравоохранение, оборонную сферу, ЖКХ и многое другое. Возникает эффект самоочищения власти, который не может не приветствоваться широкими слоями общества. Однако реально о частичном самоочищении речь может идти только тогда, когда суд определит виновность фигурантов коррупционных скандалов. Пока решений суда нет, говорить о неотвратимости наказания для подозреваемых преждевременно. Лишение депутатских мандатов за коммерческую деятельность нескольких депутатов Государственной думы может быть воспринято как показательное мероприятие, рассчитанное на создание благоприятного общественного мнения о «слугах народа».

В сложившихся условиях на первый план выходит реформа судебной системы, которая вправе толковать новые законы и применять те или иные меры по

отношению к противникам режима. Однако власть не заинтересована в создании независимого демократичного суда, выступающего в роли беспристрастного арбитра, руководствующегося законом. Поэтому, вероятнее всего, политическая власть не будет инициировать проведение судебной реформы, несмотря на низкий рейтинг судебной власти. По данным ВЦИОМ, в январе 2013 г. деятельность судебной власти одобряли 37 % респондентов, а 44 — не одобряли [14]; по данным ФОМ, в июне 2012 г. положительно к работе судей относились 24 %, отрицательно — 40 % [13]; по данным Левада-Центра в октябре 2012 г. только 23 % безоговорочно доверяли суду [4]. Таким образом, аналитические данные основных социологических служб свидетельствуют о низком рейтинге судебной власти, доверие к которой является важнейшим индикатором демократии.

Другим, не менее значимым демократическим критерием политической системы является парламентаризм. От качества работы представителей народа в законодательных органах власти зависит качество принимаемых законов. Английский философ Герберт Спенсер предостерегал парламентариев от «грехов законодателей»: «...тот законодатель, который не знает или плохо знает ту массу фактов, которые он обязан рассмотреть раньше, чем мнение его о предложенном законе могло получить какую-либо ценность и которое тем не менее способствует принятию этого закона, не заслуживает прощения, если этот закон увеличит нищету и смертность, точно так же, как и аптекарский ученик должен быть наказан, если лекарство, прописанное им по невежеству, делается причиной смерти больного» [20, 58].

Проблема российского парламента заключается в его ангажированности. В демократических обществах парламентарии выполняют две основные функции: принимают законы и контролируют деятельность исполнительной власти. Как пишет Ф. Закария, «демократия — это постоянно действующая, институционально закрепленная система, гарантирующая подотчетность обществу лиц, принимающих решения. Демократия — это система, при которой не элита манипулирует правилами, а правила существуют для того, чтобы регулировать действия элиты» [8]. В российских условиях не парламент контролирует правительство, а правительство и глава государства навязывают свои решения депутатам, которые трансформируются в законы ускоренным темпом без надлежащего обсуждения. Именно через Государственную думу проходят те законы, которые оказываются нередко непродуманными и недоработанными, так как принимались в спешке. Однако никакое наказание, о котором писал в XIX в. Г. Спенсер, парламентариев не страшит, потому что административный ресурс позволяет оставаться у власти даже тем, кто своими законами ухудшает жизнь людей.

Технологии принятия решений при авторитаризме и демократии принципиально различны: при авторитарном правлении решения принимаются быстро без согласования с другими политическими силами, но исполняются не всеми, так как недовольные, чье мнение не было учтено, препятствуют реализации принятых нормативно-правовых актов. При демократическом правлении решения принимаются медленно, так как процесс согласования в рамках

открытой публичной политики занимает продолжительное время. Но такая технология позволяет учесть мнение всех заинтересованных сторон, поэтому такие решения выполняются всеми. В демократических странах связка правительство — парламент работает иначе, чем в России: партия, победившая на выборах в законодательный орган власти, определяет политику правительства, а не наоборот.

Руководитель аналитического центра Юрия Левады — Лев Гудков, характеризуя результаты опросов общественного мнения, проведенных в начале 2013 г., отмечает, что у населения велик страх перед любыми резкими изменениями: люди полагают, что эти изменения обязательно оборачиваются ухудшением их жизни. По мнению исследователя, несущей конструкцией действующего режима власти является «инертное равнодушие», которое определяется невозможностью общества повлиять на политическую ситуацию, что приводит к нежеланию участвовать в политической жизни [5].

Более взвешенным является мнение патриарха российской политики Е. М. Примакова. Выступая 14 января 2013 г. с докладом на заседании «Меркурий-клуба»¹, он констатировал «конец эпохи тандема», в связи с чем перестала существовать перспектива обязательной взаимной ротации двух лидеров, что, по его мнению, должно способствовать демократизации общества. В условиях новой политической обстановки, чтобы избежать дестабилизации, полагает Е. М. Примаков, нужно «значительно больше, чем раньше, учитывать общественное мнение при принятии решений. Речь идет о недопустимом игнорировании мнения не только широких слоев общества, но и меньшинства, нередко объединенного креативными идеями». Отмечая раздражение в обществе, он указывает на его основные причины, заключающиеся в разгуле коррупции и бюрократии, недовольстве растущим разрывом в доходах между горсткой богатеев и значительной частью населения, находящегося за чертой бедности. Для сохранения политической стабильности, считает российский политик, «в России крайне необходимо ни в коем случае не сворачивать решительные действия против чиновников-коррупционеров» [6].

Тем не менее, несмотря на различия в акцентах, сделанных экспертами в отношении современной российской власти, их общей точкой зрения являются обеспокоенность политической ситуацией в стране, надежда на самоочищение политической элиты, открытость бюрократии. С высокой долей вероятности можно констатировать, что власть проходит испытание публичностью, а общество — гражданственностью.

Отвечая на вопрос: «Приживется ли демократия в России?» — известный российский экономист Е. Г. Ясин в своей одноименной книге пишет, что его

---

¹ «Меркурий-клуб» создан в 2002 г. для конструктивного диалога предпринимателей с представителями федеральных и региональных законодательных и исполнительных органов власти с целью выработки подходов к решению социальных, экономических и политических проблем в интересах страны и ее граждан. На заседаниях клуба отстаивают свои позиции и делятся идеями губернаторы, министры, депутаты Федерального собрания РФ, ученые, отечественные и зарубежные предприниматели, руководители региональных торгово-промышленных палат, представители общественных организаций. Президентом клуба является Е. М. Примаков.

надежды по этому поводу возросли, потому что условия, необходимые для демократии, «большой частью улучшились, а если какие-то не улучшились, то возросло напряжение, которое будет толкать к их улучшению» [22, 814].

Среди стимулов, способствующих демократизации, следует выделить вступление России в ВТО, членство в которой вынуждает либерализовать не только экономику, но и правовую систему, создавать эффективное государственное управление, а также безвизовое пространство с европейскими государствами, к которому стремятся, правда пока безуспешно, российские политические лидеры. Кроме того, наряду с технологическими изменениями меняются экономические и политические институты, к которым постепенно адаптируется общество.

А пока по-прежнему актуальна цитата известного сатирика: «У нас свободная страна, но несвободные люди» [7, 14]. Изменить сложившийся стереотип может возросшая гражданственность, связанная с высвобождением инициативы людей, развитием способностей к самоорганизации, которая становится реальным проектом, имеющим политический эффект, связанный с отказом от слабовольного согласия людей подчиняться произволу власти. Переход к демократии становится необходимым элементом современного развития, поэтому наиболее вероятный вариант трансформации российской политики — постепенное продвижение к демократии через нарастание противостояния с властью, вызревание протестного потенциала, направленного на повышение уровня жизни, борьбу с бюрократией и коррупцией, неэффективностью власти, а также на сохранение и расширение прав и свобод граждан.

-
1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / пер. с фр. Г. И. Семенова. М., 1993.
  2. Гайдар Е. Т. Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2012.
  3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
  4. Граждане верят в церковь, армию и спецслужбы : сайт Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/02-11-2012/grazhdane-veryat-v-tserkov-armiyu-i-spetssluzhby> (дата обращения: 08.02.2012).
  5. Гудков Л. Равнодушие — фундамент действующей власти [Электронный ресурс] // Новая газета. 2013. 1 февр. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/56510.html> (дата обращения: 07.02.2013).
  6. Евгений Примаков о внутренней и внешней политике [Электронный ресурс]. URL: <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=11137> (дата обращения: 07.02.2013).
  7. Жванецкий М. «Нами правят Майклы Джексонсы?» // АиФ. 2008. № 24.
  8. Закария Ф. Если демократия «слишком нелиберальна», то это не демократия [Электронный ресурс] // Международные процессы : журн. теории международных отношений и мировой политики. 2009. № 3. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/012.htm> (дата обращения: 06.02.2013).
  9. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику / пер. с англ. Д. Горбатенко ; под ред. А. Куряева. М., 2012.
  10. Конфликт между Путиным и Медведевым не исчерпан: сайт PublikPost. URL: http://www.publicpost.ru/theme/id/3005/_kabmin/?utm_source=newsmail&utm_medium=teaser&utm_content=medveput&utm_campaign=mail (дата обращения: 06.02.2013).

11. Нисневич Ю. А. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007.
12. Нисневич Ю. А. Государственная власть в современной России : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2008.
13. О судах и судьях : сайт фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551> (дата обращения: 08.02.2012).
14. Одобрение деятельности общественных институтов: База данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/ratings-social-institutions/> (дата обращения: 08.02.2012).
15. Послание Президента России Федеральному собранию Российской Федерации, 12 декабря 2012 г. : офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 06.02.2013).
16. Расширенное заседание правительства 31 января 2013 г. : офиц. сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://www.government.ru/docs/22596/> (дата обращения: 06.02.2013).
17. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре : трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. М., 1998.
18. Сморгунюв Л. В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб., 2012.
19. Соловьев А. И. Механизмы и технологии развития политической системы современного российского общества // Политические системы современной России и Германии : сб. материалов рос.-герман. круглого стола / отв. ред. Я. А. Пляйс, В. М. Долгов, А. В. Кулинченко. Волгоград, 2005.
20. Спенсер Г. Личность и государство / пер. М. И. Тимофеевой; под ред. В. В. Битнера. СПб., 1908.
21. Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010.
22. Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России. 2-е изд., расшир. и доп. М., 2012.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 323.212 + 323.23

И. В. Радиков

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Автор исходит из того, что участие граждан в политике в развитом демократическом обществе есть норма, легитимный способ организованного давления на политическую власть. В статье утверждается, что импульсивная политическая активность российских граждан задается гибридным уровнем политической культуры российского общества, стремлением власти к минимизации и управлению этой активностью, ограничивается низким уровнем политической институционализации, наступлением периода разочарования в демократии. Автор формулирует новые тенденции проявления гражданской активности и делает вывод, что в современных условиях представляется оптимальным смешение автономной, рациональной, самостоятельной и мобилизованной активности граждан.

Ключевые слова: активность, участие, стабильность, гражданское участие, политическое участие, политическая стабильность, политическая институционализация, протестное участие.

Одним из важнейших индикаторов демократизма политической системы является степень участия граждан в политической жизни. В обществах, преодолевающих наследие тоталитаризма, гражданское участие воспринимается как одно из направлений их развития на пути к политическому, социально-экономическому и культурному плюрализму, к самоуправлению. В противоположность мобилизованному, носящему фактически принудительный характер, участию граждан в недемократическом политическом режиме в развитом демократическом обществе оно становится нормой, инициативным и действенным способом участия граждан в принятии важнейших решений в вопросах, затрагивающих их существенные интересы и находящихся в их непосредственной компетенции. Участие граждан здесь становится всеобщим, равноправным, добровольным и свободным. Это способ реализации потребностей в самовыражении и самоутверждении. Гражданское участие способствует формированию у граждан чувства патриотизма. От уровня гражданского участия и политической активности зависит качество управления. Не случайно патриарх современной политической науки Р. Даль среди трех необходимых условий существования демократии назвал возможность граждан: 1) формулировать свои предпочтения; 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий; 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, то есть отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений [3, 7]. В данном контексте превращение прежде активных участников политического процесса в пассивных наблюдателей в большинстве стран Европы в последнее десятилетие свидетельствует в первую очередь о возникших проблемах с демократией.

В современной литературе термин «гражданское участие» часто встречается наряду с термином «политическое участие». Когда говорят о гражданском участии в политике, эти термины нередко отождествляют. Приведем наиболее известные их трактовки. Универсальное определение политического участия дал американский политолог Дж. Нагель. По его мнению, это действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности [17, 1–3]. Что же касается гражданского участия, то под ним, как правило, понимается один из принципов гражданского общества, построенного на началах конституционной демократии. В данном случае речь идет о конституционно зафиксированной и гарантированной правовыми институтами возможности граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, пропаганды своих взглядов, оказания организованного влияния на органы власти, выдвигать свою кандидатуру на выборах и т. п. [2, 7]. Под гражданским участием вообще понимают наименее политизированные формы политического участия граждан страны. Участие граждан в политике — это конкретное действие, предполагающее наличие реального выбора, альтернативы.

В современном обществе гражданское участие включено в систему социополитических отношений и становится легитимным способом организованного давления социальных групп на политическую элиту. Участие граждан в политическом процессе задается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, в совокупности образующими основы правового государства демократического политического режима. Идея гражданского участия основывается на конституционно закреплённом комплексном праве народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления, праве каждого гражданина на участие в управлении делами государства. Однако только одним этим условием обеспечить гражданскую активность не удастся. Осознанность гражданского участия в политике, активность граждан предопределяются уровнем политической культуры, которая проявляется в устойчивых представлениях об основных сторонах политической жизни, в установках личности, политических стандартах, которых она придерживается, наконец, в навыках и умениях политической деятельности.

Исходя из концепции «гражданской компетентности» Р. Даля, участие граждан в политике можно обеспечить прежде всего минимально необходимым уровнем их знаний о сфере политики, широкой доступностью и надежностью информации через массмедиа [4]. В этой связи неготовность большинства людей к ответственному гражданскому участию, их гражданская пассивность периодически актуализируют вопрос о неспособности обычных граждан участвовать в этом процессе и исключительных претензиях на него «профессиональных политиков». Представляется, что сегодня эффективность участия граждан в управлении общественными и государственными делами индуцируется их способностью влиять на процесс принятия и реализации политических и государственных решений, вносить политически обоснованные, конструктивные, правовые

предложения и требования, выражающие интересы тех или иных социальных групп.

Степень реальности политического влияния граждан на принятие политических решений зависит от широты охвата и величины представленных в их требованиях интересов социальных групп. Действенность влияния тех или иных форм гражданского участия в политике обусловлена степенью социальной и политической однородности участников, схожим пониманием не только стоящей перед гражданами проблемы, но и путей ее решения, общей идеологической направленностью, соответствием риторики лидеров мотивам и политическим установкам участников акций. Когда мы говорим о гражданском участии в политике, то имеем в виду не управление обществом или государством вообще, а лишь вполне конкретную включенность граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, контроль за их исполнением [14, 170–176].

Для более полного понимания проблемы гражданского участия россиян в политике воспользуемся известными размышлениями Р. Инглхарта о ценностных и демократических изменениях, которые происходят в период модернизации и постмодернизации [6, 7, 6–33]. Но, в отличие от Р. Инглхарта, который писал о различии поколений людей, выросших в традиционном, переходящем к индустриализации и индустриальном обществах, скажем о несходстве поколений российских граждан, выросших в обществе, переходящем к индустриализации, в индустриальном обществе и сегодняшнем обществе, застрявшем на пути перехода к постиндустриальному. Поколение российских граждан, выросшее в период перехода к индустриальному обществу, где в силу объективных причин проблематичным было получение основных жизненных благ — жилья, пищи, характеризовалось доминантой ценности выживания. Ценности стабильности, выживания, защиты для большинства граждан были важнее гражданских прав и свобод.

Одним из основных отличий индустриального общества от традиционного стал высокий уровень вовлеченности граждан в политику. Заметим, что в этот период приоритетной задачей государства стало обеспечение внешней безопасности, что требовало колоссальных затрат. Тем не менее целенаправленный идеологический пресс формировал у граждан чувство веры в лучшую жизнь. Это поколение людей высоко ценило рациональность, авторитет, порядок, безопасность. Традиционная форма общинности, несмотря на произошедшие в стране изменения, была сохранена, коллективизм утвердился в качестве одного из принципов марксистско-ленинской идеологии. Одной из важнейших ценностей в это время являлась ценность труда. Нетрудовой человек, как носитель синдрома паразитизма, представлял не опасность, а угрозу всей общественно-политической системе. Не случайно побуждение и, при необходимости, принуждение к труду составляло одну из главных задач государственной власти. Ценностным интегратором поколения людей периода перехода к индустриализму и первых лет индустриального общества была идея строительства развитого социализма. Поколение детей этих людей, выросших в условиях индустриального общества, воспринимало наличие жилья, пищи, других основных благ уже как

само собой разумеющееся. В этот период происходит быстрый рост и развитие общего и специального образования, науки, культуры, качества жизни, существенная часть населения переместилась в город. Важнейшими ценностями в этом обществе были признаны трудолюбие, честность и порядочность, образование, здоровье, способность и готовность к инновациям.

В советские годы законом социального прогресса считалась установка на то, что каждое новое поколение советских людей должно было подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и гражданской активности [8, 16]. Гражданская активность данного периода — это активность советского среднего класса, прежде всего научных работников и инженеров передовых отраслей промышленности. Вместе с тем в большинстве своем принудительный, идеологически мотивированный характер политического участия граждан означал наличие формальной общественно-политической активности граждан страны, что в конечном итоге готовило почву для роста политической и социальной апатии, политико-идеологического нигилизма в общественном сознании, для усиления критических настроений. Если в советское время граждане участвовали в политической жизни, разделяя (в той или иной степени) официальную советскую идеологию, и это обеспечивало идентификацию личных политических ценностей с официальными политическими ценностями государства, то отказ от государственной идеологии, ее запрет в постсоветское время, исчезновение старого среднего класса или его деморализация, отсутствие хоть какой-либо внятной работы по формированию новой демократической культуры общества привели к появлению в обществе групп, придерживающихся самых разных личных и политических установок. Иногда эти установки становились враждебными по отношению к российскому государству.

Переход индустриального общества в России на стадию постиндустриального сопровождается существенными проблемами. Если наиболее развитые страны начали последовательный переход к формированию такого общества и знания в них становятся полноценным товаром и постепенно превращаются в стратегический ресурс, то Россия, напротив, в своем развитии фактически остановилась и даже допустила реверсивное движение. Актуальная проблема страны заключается в том, что индустриальное общество с его ценностными основаниями претерпевает сущностную трансформацию, отечественная экономика все менее конкурентна на глобальном рынке [9, 45]. Для перехода к постиндустриальной экономической системе в России не были выполнены три минимальных условия: не был обеспечен рост благосостояния и высокий уровень жизни; не развивались новые производственные формы, требующие усвоения все большего количества информации, вызывающего настоятельную потребность в постоянном повышении образовательного уровня и накопления новых знаний; наконец, обладание информацией и способность продуцирования новых знаний не стали важным источником социального признания [5, 326]. В этой связи добавим, что не следует ожидать значительных различий в ценностях разных поколений в обществах, где за последние годы не произошло резкого повышения уровня жизненной защищенности людей [6, 147].

После распада СССР начался долгий и мучительный период агонии Советского государства. Конституционное закрепление того, что Россия становится демократическим, федеративным, правовым государством с республиканской формой правления, а человек, его права и свободы являются высшей ценностью, вовсе не означало, что принципиально изменилось место российского человека в новой политической системе. Сегодня понятно, что массовые представления российских граждан и политической элиты о демократии, путях ее укоренения были крайне поверхностными, идеалистичными и, отражая преобладающую в обществе патриархально-подданническую политическую культуру, ориентировались не столько на инициативные самостоятельные действия, сколько на доброго и умного «царя». Расчет политического руководства страны на «бесшумную революцию» (по Р. Инглхарту), в результате которой господствовавшие прежде ценности материализма будут постепенно вытесняться ценностями постматериализма, привел к довольно парадоксальным результатам. Из значительного числа сфер социальной жизни вообще ушли понятия, на основании которых слова и действия того или иного человека подлежали морально-нравственной оценке, а в конечном итоге определяли государственную устойчивость. Так, из сознания россиян фактически вытравлено через массовую культуру чувство стыда и совести, их нет среди воспитательных ценностных ориентиров российской школы. «Освобожденный» российский индивидуум выстроил собственное видение различий добра и зла, меняя зачастую положительный и отрицательный знаки этических полюсов [1, 185].

В противовес важнейшей и традиционной для России нестяжательской скрепе значительную часть российского общества поразил синдром наживы, став важнейшим фактором социальной и психологической напряженности. Кардинальным образом изменилось отношение к труду как к фактору жизнеспособности государства. Формируется культ быстрого, нетрудового, авантюрного обогащения. В противовес традиционному ценностному пониманию труда в сознании россиян проникли новые этические максимы: «все и сразу», «прибыль — вне производства, богатство — вне прилежания и усердия». Фактически девальвирован добросовестный, честный, социально значимый труд как высшая ценность общества. Из сознания российского народа исчезло чувство патриотизма, важнейшей компоненты традиционного сознания, обеспечивающей духовную связь с прошлым, с местом, где человек проживает. Заимствованные на Западе новые ценности индивидуализма и рационализма, при помощи СМИ массированно внедряемые в общественное сознание, привели к снижению роли среди ценностей человеческой жизни ценности семьи и любви. Имеет место трансформация семьи: падение популярности зарегистрированного брака, вхождение в моду гражданского брака, увеличение количества неполных семей и числа внебрачных детей, легкость разводов и повторного вступления в брак, что фактически уменьшает основания для укрепления государства. Все это в совокупности действует развращающе, подрывая цивилизованные формы поведения человека в обществе, всю его цивилизованную инфраструктуру.

Такого рода общества, где нет ничего прочного, каждый снедаем страхом падения или жадной охотой за взлетом, охарактеризовал еще А. де Токвиль: «...поскольку

деньги здесь стали мерой достоинства всех людей и одновременно обрели необычайную мобильность, беспрестанно переходя из рук в руки, изменяя условия жизни, то поднимая до общественных высот, то повергая в нищету целые семейства, постольку не существует практически ни одного человека, который не был бы принужден путем постоянных и длительных усилий добывать и сохранять деньги. Таким образом, желание обогатиться любой ценой, вкус к деловым операциям, стремление к получению барыша, беспрестанная погоня за благополучием и наслаждением являются здесь самыми обычными страстями. Они с легкостью распространяются во всех классах, проникая даже в те сферы, которым были ранее совершенно чужды, и, если их ничто не остановит, в скором времени могут привести к полной деградации всей нации» [12, 7].

Тем не менее у социальных групп, сформировавшихся в новых экономических условиях, начинает возникать чувство своей личности. Такое нетривиальное социальное лицо появляется прежде всего у нового среднего класса в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах. Большинство этого класса составляет молодежь, не связанная с советскими реалиями и традициями. Что касается других городов страны, то, несмотря на разрушение традиционного советского среднего класса и преодоление «советского духа», социальная структура здесь практически сохранена. Именно здесь видится одна из причин разной активности граждан в регионах России.

Наконец, добавим, что идея гражданского участия в политике практически всегда встречает сопротивление со стороны самой власти. Степень этого сопротивления отражает степень развитости демократии: чем более развита демократия, чем больше граждане готовы и мотивированны к гражданскому участию, тем меньше это сопротивление власти; и, наоборот, меньшая укорененность демократического порядка, политическая пассивность граждан сопровождается упорным сопротивлением власти эпизодическим попыткам гражданского участия. Как правило, ограничение активности граждан власть пытается объяснить соображениями стабильности. Особенно отчетливо это проявляется в государствах переходного периода от авторитаризма к демократии. Эту закономерность подметил С. Хантингтон, утверждавший, что обеспечение стабильности в условиях модернизирующегося авторитаризма требует ограничения роли политической активности масс, поскольку в противном случае подрывается надежность институтов.

По гипотезе С. Хантингтона, социальная мобилизация оказывает больший дестабилизационный эффект, чем экономическое развитие. Урбанизация, грамотность, образование, средства массовой информации — все это подвергает традиционного человека воздействию новых форм жизни, новых возможностей удовлетворения потребностей. Этот опыт разрушает познавательные и установочные барьеры традиционной культуры и рождает новые уровни стремлений и желаний. Однако способность переходного общества удовлетворять эти новые ожидания увеличивается много медленнее, чем сами стремления. Отсюда — разрыв между стремлениями и ожиданиями, между формированием желаний и их удовлетворением или между функцией стремлений и функцией уровня жизни. Этот разрыв, по его мнению, порождает социальные фрустрации и

неудовлетворенность, а его величина может служить показателем политической нестабильности [13, 70–75].

Степень гражданской и политической активности в значительной степени определяется уровнем политической институционализации. Современные политические системы различаются уровнями политической активности населения и политической институционализации: у одних политических систем уровень политической активности населения выше, чем уровень политической институционализации, у других же уровень институционализации выше, чем уровень активности. В политических системах с низким уровнем институционализации и высоким уровнем активности общественные силы действуют непосредственно в политической сфере, пользуясь собственными методами. Стабильность в этих системах обратно пропорциональна политическому участию. В политических системах с высоким уровнем институционализации стабильность гражданского общества прямо пропорциональна масштабам участия населения в политике [Там же, 96].

Таким образом, исходя из рассуждений С. Хантингтона, отметим, что условиями гражданского участия в политике, подрывающими стабильность политической системы, являются высокая степень институционализации, позволяющая гражданам участвовать в политике в рамках норм, процедур и законов; низкая степень социальной фрустрации масс; интенсивная вертикальная и горизонтальная мобильность.

Связанный со сменой поколений сдвиг в сторону постматериалистических ценностей чреват важными последствиями с точки зрения ожидаемых в ближайшие десятилетия изменений в политической сфере: он представляет собой один из элементов общего культурного сдвига, постоянно усиливающего в обществе требования демократизации (там, где демократии не существует) или большей «отзывчивости» демократических институтов (там, где они уже созданы) [6, 158].

Политическая и гражданская активность пробуждается к жизни социальной моделью общества. В современном мире существуют две основные социальные модели: открытого и ограниченного доступа. Модель открытого доступа характеризуется: «1) политическим и экономическим развитием; 2) экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; 3) сильным и динамичным гражданским обществом с большим количеством организаций; 4) более крупными и более децентрализованными правительствами; 5) широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. В свою очередь, модель ограниченного доступа квалифицируется: 1) медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; 2) политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; 3) относительно небольшим числом организаций; 4) менее крупными и более централизованными правительствами; 5) господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными» [10, 53–54].

С учетом высказанных выше соображений охарактеризуем уровень и сформируем новые тенденции гражданской активности россиян. Два прошедших десятилетия трансформации советского политического режима оказались явно недостаточным сроком для формирования новой политической культуры, отличающейся от авторитарного прошлого. Проводимые в постсоветский период изменения в обществе и государстве в направлении демократии привели, к сожалению, к явно не ожидаемым результатам: потенциал российского гражданского общества в модернизационных проектах практически не используется, в обществе наступил период «разочарования в демократии». Появление и существование этого исторического этапа обусловлено целым рядом объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, если на протяжении последнего десятилетия в общественное сознание внедрялась идея достигнутой стабильности и наметившейся тенденции к улучшению во всех сферах жизни общества, то в настоящее время преобладающим становится мнение о затухании российской экономики [12], деградации ее структуры, хроническом неисполнении принимаемых в стране решений, иррациональном стремлении руководства к постоянному изменению «правил игры» на фоне массового присвоения бюджетных средств и попыток замаскировать отсутствие реальных дел политической демагогией, а также о превращении государственного аппарата в корпорацию, преимущественно ориентированную на реализацию собственных интересов.

Во-вторых, если прежде конформизм, как податливость людей реальному или воображаемому давлению, молчаливое согласие большинства с деятельностью власти, проявлялся в склонности избегать самостоятельных решений, в пассивной, приспособленческой ориентации на восприятие готовых решений, стандартов поведения и оценок и, расширяя пассивную базу поддержки, работал в пользу властей, обеспечивая политическую стабильность, равновесие на базе статус-кво, то в сегодняшних условиях новым политическим мейнстримом становится массовое неодобрение власти, а выражение политической лояльности власти уже начинает позиционироваться как дурной тон. Пример тому — Чулпан Хаматова, подвергнутая обструкции за заявление в поддержку предвыборной кампании В. Путина. Ее видеообращение в поддержку В. Путина буквально взорвало Интернет. Ни один подобный ролик не вызывал такого общественного резонанса. И, напротив, писатель Михаил Шишкин, проживающий с 90-х гг. в Цюрихе, ранее безукоризненно лояльный к власти, отказавшийся по политическим причинам («чтобы не иметь общего с государством, представляющим собой “воровскую пирамиду”, возвращающую в Средние века») представлять Россию на американской книжной ярмарке BookExpoAmerica 2013, вознесен за этот демарш на щит в социальной сети. Критическое отношение к власти постепенно становится нормой политического поведения. Власть часто воспринимается как зло.

В-третьих, в условиях падающего доверия к власти в связи с девальвацией слов и идей, выдвигаемых правящей партией и нынешними политическими лидерами, они все больше становятся предметом всеобщей критики, сарказма и колкостей. Увеличилось количество карикатур на бюрократию, чиновников,

множатся анекдоты о правящей партии. Адресность этих насмешек в последнее время сфокусирована не на отдельных ее представителях, а уже на всей власти. Это свидетельствует о том, что легитимность власти действительно резко снижается. Особенностью сегодняшнего дня является то, что уровень взаимного доверия в обществе значительно выше, чем доверие к власти. В этих обстоятельствах право на выдвижение популярных идей, расширяющих потенциал гражданского участия, постепенно будет переходить к новым политическим лидерам и оппозиционным движениям. Появление таких идей может приводить к полной дискредитации прежнего политического контента, исходившего от властей в период популярности. Будучи не в состоянии самостоятельно обновлять этот контент, власти будут вынуждены заимствовать его у оппозиции. В конечном счете это способствует росту авторитета и влияния их политических оппонентов.

В-четвертых, деморализация значительной части общества, разрушение традиционных социальных страт, социальная растерянность подавляющей части населения, разрыв социальных связей привели к беспрецедентной атомизации российского общества. Эта тенденция влечет за собой разрушение общества как комплекса неформализованных социальных связей, основанных на взаимопомощи, подрывает чувство солидарности.

В-пятых, продолжающиеся более двух десятилетий реформы политической жизни не только изменили содержание уже известных форм политической активности, но и инициировали появление новых. Наиболее распространенная, основная, а часто и единственная форма массового участия граждан в политике — это участие в избирательных кампаниях и выборах. Подчеркнем здесь, что наличие института выборов и участия в них граждан вовсе не является признаком развитости демократии, и согласимся с позицией, изложенной в цитированной уже книге «Насилие и социальные порядки». Ее авторы утверждают: «Выборы не приводят к неизбежному созданию демократии. Выборы требуют наличия институтов и организаций, а также убеждений и норм до того, как они создадут порядок открытого доступа с демократической конкуренцией за политическую власть». И далее: «Подобная точка зрения противоречит наиболее распространенному подходу в литературе о демократии, в соответствии с которым страна считается демократической, если в ней существуют выборы и прошла хотя бы одна смена власти» [11, 59]. Механизм выборов уже не обеспечивает эффективного диалога с населением и формулирования политических платформ, позволяющих восполнить ресурс доверия. Таким образом, поле участия граждан в политике сужается, им фактически остается лишь возможность проявления внеполитической активности, которая преподносится как развитие гражданского общества. В отличие от советского прошлого такое участие не может исчерпываться лишь периодическим посещением избирательных участков.

Кроме выборов, к формам непосредственного участия граждан России в осуществлении государственной власти относятся референдум, публичные слушания, гражданские инициативы. Референдумы проводятся для решения наиболее важных вопросов жизни; решения, принимаемые на них, являются общеобязательными и не нуждаются в дополнительном утверждении. Публичные слушания организуются по вопросам, представляющим обществен-

ный интерес. Они помогают выявить общественное мнение по проектам принимаемых решений (правовых актов) и служат цели выработки предложений и рекомендаций граждан. Вместе с тем, в силу частой нерепрезентативности выборки жителей, мнение подобранных жителей может использоваться для продавливания «нужных» решений. Под гражданской инициативой понимается право гражданина на обращение к депутату с предложениями о принятии или изменении закона.

В-шестых, очевидно, что наиболее широкое участие граждан в политике должно быть на местном уровне. Главный постулат Европейской хартии о местном самоуправлении гласит, что местные сообщества являются одной из главных основ любого демократического строя. Это первичная школа приобщения к общим делам и, что особенно важно, резерв государственных политиков и чиновников. Вместе с тем, в силу реального огосударствления местного самоуправления, этот институт, в отличие от развитых демократий, в России развит очень слабо, это не только ограничивает потенциал населения, его возможности принимать непосредственное участие в обсуждении совместных дел, формирует иждивенческие настроения, но и ослабляет потенциал самого государства. Не развивая практику самоорганизации населения, Россия и впредь будет испытывать кадровый голод. Иными словами, потенциал населения страны может быть использован в ее решительном преобразовании лишь через развитие местного самоуправления. Муниципалитет — место, где может реально осуществляться партнерство власти и граждан. Это партнерство затрудняется тем, что, по официальным данным Министерства финансов РФ, 96 % муниципальных образований страны не в состоянии собственными доходами обеспечить те расходы, которые вытекают из полномочий, возложенных на них законодательством. Успешное развитие и функционирование ряда муниципальных образований в России лишь подчеркивают характерную для страны слабость политических институтов и большую роль личности.

В-седьмых, наиболее часто обсуждаемой в стране и достаточно эффективной формой гражданского участия является протестное движение. Протест в современной России — это не просто массовое несогласие и неприемлемость народом существующего политического режима. Это не бунт, тем более «бессмысленный и беспощадный». Современный протест характеризует постепенный переход страны на новый этап развития с непривычным уровнем гражданской зрелости и готовностью правящих кругов не просто выслушивать, но и учитывать требования общества. Протест — это резкое несогласие народа с недемократическими методами властвования и реакция на ущемление его гражданских прав и свобод. Люди сегодня уже не хотят быть просто исполнителем чьей-то воли, просто орудием в руках лидеров. Протест становится не просто способом давления на государственную власть, но и способом гражданского самоутверждения.

Протестное движение последних лет продемонстрировало новые формы гражданской самоорганизации. Среди них:

— автомобильные акции протеста (например, автопробег под названием «Белое кольцо» с участием более 3 тыс. автомобилей);

– бессрочные лагеря оппозиции (например, в Москве – «Оккупай Арбат» у памятника Б. Окуджаве, «Оккупай Абай» на Чистых прудах у памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву);

– всероссийские акции протеста (против официальных итогов выборов в Госдуму, коррупции, роста коммунальных платежей, коммерциализации социальной сферы и др.);

– «контрольные прогулки» (чтобы проверить, соблюдают ли власти право людей на свободу собраний);

– лагеря протестного движения в регионах страны (Новосибирск, Нижегородская область, Карелия, Волгоград);

– митинги, шествия и марши свободы;

– одиночные пикеты;

– сетевые движения.

Следует обратить внимание на то, что протесты граждан с конкретным наличием политических требований стали широко освещаться в центральных СМИ лишь тогда, когда их эпицентр обозначился в Москве. Но это вовсе не означает, что протест как форма гражданской активности характерен только для нового слоя, «креативного» московского класса. Региональные события, особенно протестной направленности, как правило, «не замечаются» ни Центром, ни центральными средствами массовой информации, ни исследователями. Но если проанализировать более тщательно последнее десятилетие, то увидим, что в той или иной форме граждане и ранее стремились к демонстрации своего мнения на всей территории страны. Журнал «Эксперт Сибирь» [15] замечает, что в Сибири протест был выражен наиболее ярко. Наиболее известны массовые протесты шахтеров в Кузбассе в начале 1990-х гг.; протесты 2005 г., когда казалось, что разъяренные «монетизацией льгот» пенсионеры не ограничатся перекрытием дорог, а пойдут свергать правительство; протесты против строительства нефтепровода вдоль Байкала в 2006 г., введения запрета на праворульные машины, точечной застройки. Позже к ним добавились протесты против работы БЦБК. Зафиксируем также и то, что именно в этих районах, где политический протест граждан центральной властью был фактически проигнорирован, результаты выборов для партии власти «Единой России» были самыми низкими.

Игнорирование требований и мнения граждан превратилось в итоге в политическое протестное голосование. В условиях ограниченной демократии и развивающейся гражданской апатии побуждающим мотивом становится мода на гражданскую активность, особенно протестной направленности и особенно среди молодежи. Участие в таких действиях дает возможность для обычного человека, недовольного положением дел и, как следствие, властью, почувствовать себя частью большой, мощной народной массы, формирует чувство групповой солидарности. Говорить о политике и участвовать в митингах против «отсталого» и «совкового» Кремля становится «стильно, модно, молодежно» среди российских хипстеров.

В-восьмых, особенностью последних лет является усиление виртуального общения в организации гражданской активности. Интернет в целом и соци-

альные сети, в частности, оказывают существенное влияние на политический процесс. Социальные сети становятся важным каналом проявления гражданской позиции. Сети — открыты, каждый имеет доступ к информации в любое время и каждый может быть связан с каждым, они разрознены, не имеют единого центра и жесткой структуры, не локализуемы и часто анонимны. Именно здесь проявляются креативность и проектное мышление, поскольку у каждого участника есть не только право, но и техническая возможность представлять свои личные интересы и взгляды, без посредников участвовать в процессе принятия решений. Социальные сети становятся главным средством информации, особенно для молодежи, городского среднего класса, сетевые ресурсы превращаются в мультипликаторы недовольства.

«Живой журнал», первая массовая сеть российских блогов начала 2000-х гг., положила начало новому качеству российской политической среды, американский Facebook и его российский аналог «В контакте», а также Twitter стали не только сетью для друзей, но и площадкой для дискуссий, в том числе и политических, выступая не только коллективным каналом организации общественных интересов, но и средством пропаганды.

К условиям формирования сетевого движения отнесем наличие объединяющей идеи, общее коммуникативное пространство, равенство и связанность участников. Примером служит «Товарищество Инициативных Граждан России (ТИГР)», возникшее в 2008 г. в Приморье на волне возмущения постановлением правительства о повышении пошлин на ввозимые иномарки. Первоначально это было объединение участников автофорумов в Интернете, которое стало инициатором и организатором нескольких акций протеста с экономическими требованиями. После жесткого разгона одной из таких акций специально направленным московским спецотрядом МВД движение выдвинуло уже политические лозунги и потребовало отставки правительства, стало выражать весь спектр протестных требований среднего класса. Локально возникшее протестное движение одного региона превратилось в сетевое объединение, в котором представлены различные общественные группы и организации.

Новой современной формой гражданской самоорганизации при помощи сети является флэшмоб¹. Это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, быстро выполняет одновременно некие «замысловатые» действия и затем расходится, т. е. это кратковременная, неустойчивая форма коллективной деятельности. Цель такой акции — демонстрация действия, символизирующего общность, стимулирование у окружающих желания присоединиться, пусть хотя бы и мысленно. Участники (мобберы) организуются на основе обозначенной цели и разработанной лидерами и помещенной на сайте инструкции. Сценарий флэшмоба носит абсурдный характер, а действия мобберов не поддаются логическому объяснению.

---

¹ От нем. *der Mob* — сброд, чернь, подонки. Вместе с тем современная история знает примеры высокой эффективности таких действий. 20 января 2011 г. президент Филиппин Д. Эстрада стал первым в истории главой государства, потерявшим власть из-за действий «умной толпы» (категория смарт-моб приведена в работе [11]).

Участники флэшмоба незнакомы, во время акции не показывают, что их что-то связывает, поэтому действие кажется спонтанным.

Разновидностью флэшмобов являются политмобы [16, 24–31] — акции с социальной или политической направленностью. Примером такого действия в Интернете была кампания, связанная с Лукойлом, когда блогеры, размещая у себя аватар протестного содержания, протестовали против безнаказанности менеджера этой кампании, устроившего аварию. Примером использования данной формы для поддержки партии власти можно назвать флэшмоб «Единая Россия», организованный в Нижнем Новгороде 3 октября 2011 г. По замыслу организаторов группы молодежи и жителей города, люди одетые в национальные костюмы, должны были с разных сторон прошествовать к площади перед театром драмы. Участники движения должны были оставить на большом баннере отпечатки своих руки, окрашенных во все цвета радуги. Эта акция должна была символизировать единство межнациональной коммуникации. Мероприятие было проведено, но в Интернете не вызвало никакой реакции, не было замечено.

Отметим также и то, что протестные движения не только аморфны по своей структуре, но неустойчивы и недолговременны. Причины их появления мы уже рассмотрели, а причинами затухания этих протестных движений могут быть:

- выполнение требований, выдвигаемых в той или иной форме протеста;
- низкая эффективность и результативность политических протестов;
- устаревание выдвигаемых лозунгов;
- ужесточение действий власти по ограничению протестной активности (например, принятие законов типа Закона о митингах, возвращение в Уголовный кодекс статьи о клевете, ограничение помощи заграничных спонсоров российским правозащитникам, секвестр сетевой вседозволенности);
- социально-политическая неоднородность участников протестных движений в России, соединивших в себе практически всех недовольных нынешним политическим режимом: сторонников либеральных реформ, раздосадованных их непоследовательностью; адептов «левых» взглядов, требующих вовсе прекратить реформы; приверженцев национализма, нацеленных на иммиграционный железный занавес по национальному признаку и этническую чистку. Возможность временного объединения такого разношерстного состава людей была определена на первых порах одним — несогласием с нынешним политическим курсом. Но на одном лишь несогласии, без конструктивно привлекающих массы идей, протестный потенциал общества выдыхается.

Резюмируя отмеченное выше, скажем, что участие граждан в политике в современной России, особенно на региональном уровне, носит неотчетливый, неструктурированный характер. Отчуждение общества и государства становится все ощутимее. Игнорируя необходимость диалога, власть своими же действиями превращает протестующих в системную оппозицию.

Особо выделим еще одну очень важную причину, ограничивающую протестную активность: ориентацию большинства российских граждан на мирные способы решения проблем в силу «исчерпания лимита на революционные действия».

Отметим, что импульсивность механизмов массовой политической мобилизации влечет за собой чередование периодов политической активности: вслед за ее всплеском, как правило, наступает, период индифферентности и инертности. Незрелость институтов политического участия негативно влияет на процесс демократизации политической и общественной жизни в России, обуславливает противоречивость и непоследовательность данного процесса. В этих условиях Россию ждут либо «шаткая стабильность», либо «конец спокойного бездействия». Тем не менее мы можем совершенно обоснованно сказать, что население последовательно и все решительнее прощается с жестким патернализмом и действительно становится народом.

Формирование общества, не пораженного пассивностью, не растленного цинизмом двойной морали, не рвущегося на баррикады, но требующего партнерских отношений с властью, — дело сравнительно долгое. Но процесс пошел. Оптимальным в современных условиях представляется синкретический тип участия в политике, означающий смешение автономной, рациональной, самостоятельной и мобилизованной активности граждан.

-
1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012.
  2. Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. М., 1997.
  3. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция : пер. с англ. М., 2010.
  4. Даль Р. Проблемы гражданской компетентности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/dahl.php> (дата обращения: 25.03.2013).
  5. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
  6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
  7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). 1997. № 4.
  8. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. М., 1984.
  9. Мартынов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива? // Логос. 2008. № 1(64).
  10. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества : пер. с англ. М., 2011.
  11. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
  12. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997.
  13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
  14. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. 1999. № 5.
  15. Чернышов С. Протест умер, да здравствует протест // Эксперт Сибирь. 2013. № 5. 4 февр.
  16. Федорченко С. Н. Политический флэшмоб — предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2001. Т. 4, № 6 (20).
  17. Nagel J. N. Participation. N. Y., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 342.5 + 342.61 + 331.07 + 004.77

Е. Г. Дьякова

«СФЕРА ТРАНСФЕРА»: ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Переход к электронному правительству рассматривается в статье с позиций теории «модного менеджмента». Показано, как посредством системы международных рейтингов формируются основные индикаторы, на которые ориентируются национальные бюрократии при трансфере технологий электронного правительства. Одновременно доказывается, что благодаря интерпретативной гибкости концепции электронного правительства в рамках каждого национального государства ставятся собственные цели и задачи и осуществляется отбор решений, соответствующих национальной административной культуре. Для подтверждения данного тезиса осуществлен сравнительный анализ перехода к электронному правительству в США и Китае.

Ключевые слова: электронное правительство, теория «модного менеджмента», административная культура, административные реформы.

Для большинства теоретических моделей, описывающих переход к электронному правительству, характерно «обнуление» национальных контекстов, в которых данный переход происходит. Он рассматривается как глобальная интернациональная реформа и основывается на неявном предположении, что органы государственного управления во всем мире, независимо от характера существующего политического режима и специфики административной культуры, сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем и поэтому нуждаются примерно в одинаковых средствах для их решения.

Это предположение, являющееся предпосылкой для деконтекстуализации, лежит в основе теоретических моделей, описывающих переход к электронному правительству. В настоящее время существует не менее 12 таких моделей, различающихся представлением об основных стадиях перехода [14], однако объединенных идеей единого пути построения электронного правительства, от которого не может уклониться ни одна страна.

Наиболее распространенной моделью является так называемая «пирамида эволюции электронного правительства», разработанная Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) (см. рисунок) [17]. Именно на основе данной пирамиды UN DESA раз в два года осуществляет оценку степени развития электронного правительства и составляет рейтинги, включающие 192 страны мира.

Рейтинги являются агрегированными. Они рассчитываются на основе трех основных индексов, отражающих наиболее значимые, с точки зрения экспертов ООН, аспекты электронного правительства:

— телекоммуникационный индекс, отражающий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры;

Стадия 5. «Сетевое государство», функционирующее на основе интегрированного бэк-офиса

Стадия 4. «Трансакционная» — переход к оказанию государственных услуг полного цикла

Стадия 3. «Интерактивная» — отправка налоговых деклараций или заявлений в электронном виде

Стадия 2. «Повышенная» — создание архивов, появление ленты новостей, размещение образцов официальных документов

Стадия 1. Возникновение «электронного правительства» — появление электронных страниц или официальных сайтов органов власти с минимальным набором официальной информации

«Пирамида электронного правительства» по версии Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН

- индекс развития человеческого капитала, фиксирующий его способность «переварить» предлагаемые в рамках электронного правительства услуги;
- индекс развития электронных услуг (online-service index, в 2008 г. — web-measure index).

Расчет последнего индекса представляет особый интерес, так как именно он непосредственно отражает уровень развития структур электронного правительства. Для его составления эксперты ООН проводят анализ основного сайта/портала правительства страны, а также сайтов/порталов министерств, непосредственно отвечающих за развитие человеческого капитала (здравоохранения, образования, социальной защиты, труда и финансов), и фиксируют наличие (или отсутствие) соответствующих услуг.

В целом среди лидеров по уровню развития электронного правительства традиционно преобладают развитые страны. В 2012 г. это были Южная Корея, Нидерланды, Великобритания, Дания и США.

Россия в 2012 г. совершила рывок с 59-й позиции в рейтинге 2010 г. на 27-ю. Эти успехи объясняются созданием «очень солидного и репрезентативного портала государственных услуг со ссылками на все министерства и ведомства и богатым набором технических функций», который обеспечивает точку единого доступа ко всем государственным и муниципальным услугам [17, 39].

Разумеется, ООН далеко не единственная организация, которая занимается измерением уровня развития электронного правительства (подробнее см. [2]),

однако именно рейтинги UN DESA выступают в качестве основных ориентиров при разработке национальных стратегий перехода к электронному правительству и именно на них принято ссылаться при оценке эффективности данных стратегий.

При этом, как отметили еще в 2003 г. Янсен, Роттье и Сиджкерс, для большинства рейтингов, включая UN DESA, характерна четко выраженная позиция «поставщика»: наряду с набором «энвайроментальных показателей» («environmental indicators»), характеризующих не столько развитие электронного правительства, сколько состояние информационного общества в целом, учитывается количество услуг, которые граждане той или иной страны могут получить в электронном виде («output indicators») [13]. Причина вполне понятна: экспертам гораздо легче посчитать количество (формально) имеющихся на официальном сайте/портале услуг, чем проводить исследование того, используют ли граждане данные услуги и насколько они удовлетворены их качеством.

В результате сам факт существования рейтингов ООН на международном уровне приводит к тому, что на национальном уровне формирование электронного правительства осуществляется именно по тем показателям, которые в них учитываются. Ориентируясь на данные показатели, органы власти могут обеспечить себе повышение места в рейтинге. Национальная бюрократия вполне успешно подстраивается под требования международных экспертов. Иными словами, в силу логики бюрократической отчетности существует и развивается именно то, что измеряется международными рейтингами (например, «в России активно создаются веб-порталы (“front office”), которые могут быть оценены зарубежными исследователями... в то время как внутренние функции и процессы оказания государственных услуг (“back office”) остаются неизменными, но это не может быть оценено зарубежными исследователями при отсутствии соответствующей методологии» [7, 313]).

Данная контролирующая функция международных рейтингов обычно понимается в превращенном виде: предполагается, что эксперты не конструируют картину развития электронного правительства, а отражают ее. Так возникает образ более или менее успешного (в зависимости от рейтинговой позиции) трансфера общей для всех технологии. Проблемы, связанные с трансфером, понимаются как следствие либо а) отсутствия политической воли у тех, кто принимает решения, либо б) организационного сопротивления консервативных чиновников прогрессивным переменам (подробнее см. [6]).

Наличие рейтингов не только позволяет осуществлять деконтекстуализацию процессов перехода к электронному правительству, но и скрывает еще одну важную особенность этой интернациональной реформы: ее интерпретативную гибкость. Такая гибкость — характерная особенность технологически ориентированных реформ, исходящих из того, что существуют единые решения общих для всех проблем. Поскольку проблемы на деле очень разные, участники отбирают только те элементы преобразований, которые их по тем или иным причинам устраивают, или используют дискурс реформ для принятия решений, имеющих косвенное отношение к концепции реформ.

Данная проблематика подробно исследована в так называемой теории «модного менеджмента» («management fashion theory») на основе изучения организационных реформ в крупных корпорациях. Основатель данной теории Э. Абрахамсон определил «модные реформы» как «распространяемую тренд-сеттерами преходящую коллективную веру в то, что та или иная технология приведет к рациональному прогрессу в управлении» [8, 257]. Несколько позже Дж. Бендерс и К. ван Веен показали, что за «коллективной верой» скрывается борьба между участниками реформ за право определить их концепцию. В процессе этой борьбы осуществляется избирательная адаптация к существующей системе управления отдельных элементов предлагаемой реформы, причем возможна ситуация, когда между словами и действиями не будет вообще никакой связи [10].

Поэтому из того факта, что национальная бюрократия готовит «правильные отчеты» для международных организаций, отнюдь не вытекает, что она слепо следует, или вообще следует, их рекомендациям. Наоборот, переход к электронному правительству отличается ярко выраженной национальной спецификой, которая определяет цели этого перехода и, следовательно, набор конкретных решений, которые рассматриваются как приемлемые и потенциально эффективные. Чтобы осознать это, достаточно сравнить процесс перехода к электронному правительству в таких различающихся по многим социальным и культурным параметрам странах, как США и Китай.

Напомним, что сам термин «electronic government» был впервые употреблен вице-президентом А. Гором в 1991 г. Процесс внедрения информационных технологий в государственное управление в США проходил под лозунгами приближения его к гражданам и максимального вовлечения их в процесс принятия решений. Этот процесс отражал специфику американской управленческой культуры, которая определяется как «административная слабость при нормативной силе» (подробнее см. [11]).

В настоящее время основной акцент в сфере «электронного правительства» в США делается на гражданском участии, использовании в бизнесе «открытых данных» и других формах партнерства государства, бизнеса и общества. Соответственно наибольшее внимание уделяется тем технологиям, которые способствуют такому партнерству [4].

«Открытое правительство» уже успело превратиться из американской в международную управленческую моду («management fashion»). Создано и активно действует Международное партнерство по открытому правительству («Open Government Partnership»), куда подала заявку и Россия.

Внедрение элементов «открытого правительства» (например, форм обратной связи с гражданами), как и внедрение электронного правительства, может происходить в рамках административной традиции, которая предполагает прямое, а не нормативное воздействие на объекты управления. Рассмотрим подробнее пример Китая, учитывая, с одной стороны, его многовековую авторитарную историю, а с другой — процесс модернизации системы государственного управления, который осуществляется в стране последние тридцать лет. Какую роль в данном процессе играет трансфер технологий, обеспечивающих инфраструктуру электронного правительства?

Следует подчеркнуть, что вопрос о том, в какой мере модернизация китайской государственности опирается на традиционные устои, а в какой их преодолевает, является остродискуссионным. Существуют крайние точки зрения. Так, по мнению Д. С. Воропаева, модернизация управления в Китае ограничивается симулятивным дискурсом, не затрагивая основ конфуцианской по своей сути системы управления [1, 12]. В основе этого вывода лежит лингвистический детерминизм («символический характер письменности обуславливает командное место политики в обществе и форму государства» [Там же, 20]).

Большинство исследователей китайских управленческих реформ стоят на позициях не лингвистического, а институционального детерминизма и полагают, что модернизация означает определенный разрыв с традицией. Например, Б. Н. Кузык и М. Л. Титаренко утверждают, что информационно-коммуникационные технологии «не только создают возможности для существенной оптимизации функционирования государственного аппарата, для создания так называемого электронного правительства, но и закладывают совершенно новую основу для формирования гражданского общества в Китае» [3, 50].

Это, естественно, не предполагает полного разрыва с традицией. Более того, сама традиция может использоваться как эффективный инструмент решения современных политических проблем (ср. [5], где показано, как «правовые конструкции, созданные в одних исторических условиях (Цинская империя конца XVIII столетия), оказываются востребованными в совершенно иной политико-правовой ситуации (современный коммунистический Китай)»).

К. Т. Лю довольно подробно описал ожидания, связанные с внедрением в государственное управление информационных технологий. Китайские реформаторы исходят из того, что электронное правительство «позволит повысить административную эффективность, поскольку государственные служащие получат возможность контролировать ежедневные операции и поддерживать требуемый уровень подотчетности, основываясь на функциях, обеспечиваемых новой технологией» [15, 89]. Кроме того, предполагается, что переход к электронному правительству обеспечит более надежную коммуникацию между центральным правительством и региональными органами власти, что позволит своевременно прояснять суть новых политических задач и программ, а также выявлять острые социальные и экономические проблемы.

Почему приоритетом при формировании электронного правительства оказались контрольные функции? Дело в том, что в процессе административных реформ 80–90-х гг. значительная часть полномочий была передана местным властям для того, чтобы способствовать экономическому росту. В результате они обрели немалую независимость. Сейчас, как указывают Титаренко и Кузык, «для центра становится все более затруднительным получение систематической и достоверной информации о положении в регионах» [3, 52]. Электронное правительство рассматривается его сторонниками как новый и эффективный инструмент контроля над региональными элитами сверху.

Еще один важный аспект восприятия китайскими реформаторами электронного правительства — это стремление использовать его не только как инструмент контроля сверху, но и как инструмент дополнительного контроля снизу,

через подачу гражданами жалоб и обращений. Идеологической основой для этого служит левое неоконфуцианство, развивающее традиционную идею обязанности (просвещенных) подданных открыто критиковать власть, если она уклоняется от правильного пути (подробнее см. [9]). Отсюда политика, направленная на поощрение консультационной демократии на муниципальном уровне и сбор «сигналов» от граждан о плохом руководстве на местах, что и представляет собой китайскую версию «открытого правительства».

В целом выстраиваемая в КНР система носит вполне логичный характер и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти. Использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности. Основной упор при этом, по справедливому мнению Яна Дали, делается на «порядок, а не на демократические идеалы, на технократический контроль, а не на гражданское участие (кроме низового), на управляемость, а не на тип режима» [18, 311].

Китайский опыт перехода к электронному правительству показывает, что трансфер технологий представляет собой не просто их внедрение, но переопределение в новом национальном контексте. Тем самым подтверждается сделанный Р. Роузом на основе сравнительного анализа процессов перехода к электронному правительству в Дальневосточном регионе вывод о том, что для того, чтобы понять, какую роль Интернет играет в государственном управлении, требуется понять, как такое управление осуществлялось без Интернета [16, 338], то есть какие ценности, нормы и интересы реализовались в уже сложившихся государственных институтах.

Таким образом, несмотря на глобальный характер дискурса электронного правительства и развиваемых в рамках этого дискурса моделей, реальные формы использования информационных технологий в государственном управлении имеют ярко выраженную национальную специфику, связанную с особенностями соответствующей административной культуры.

Дискурс электронного правительства отличается интерпретативной гибкостью, а основанные на нем проекты — достаточно высокой степенью избирательности. Это не избавляет участников процесса от многочисленных неудач: как показал Р. Хикс, до 85 % (!) проектов в сфере электронного правительства либо не приносят ожидаемой отдачи, либо приводят к провалу, то есть являются затратами в чистом виде [12].

Иными словами, переход к электронному правительству — достаточно дорогостоящий процесс с неочевидной степенью эффективности, что абсолютно не мешает его сторонникам рассуждать о его экономических преимуществах. Это позволяет предположить наличие в проектах, связанных с информатизацией государственного управления, составляющей «модного менеджмента», а также устойчивой ориентации на поставщиков, а не потребителей электронных услуг.

В целом можно говорить о том, что технологии электронного правительства используются скорее для демонстрации соответствия локальных управленческих реформ мировому опыту и «управленческой моде», а также глобальным

трендам, а не как инструмент радикальной административной реформы. Безусловно, они способны обеспечить повышение эффективности управления в рамках соответствующей административной традиции, однако не способны выйти за ее пределы.

Дальнейшие исследования трансфера технологий электронного правительства, направленные на выявление его национальной специфики, будут способствовать повышению качества решений в сфере электронного правительства и качества управления в рамках национальных государств.

1. *Воронаев Д. С.* Социокультурные основания китайской модели политической модернизации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
2. *Дьякова Е. Г.* Переход к электронному правительству в международных и российских рейтингах // Современные исследования социальных проблем. Красноярск. 2012. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2012/8/dyakova.pdf> (дата обращения: 30.03.2013).
3. *Кузык Б. Н., Титаренко М. Л.* Китай — Россия 2050: Стратегия саморазвития. М., 2006.
4. *Митяева Ю.* Открытые данные США: организационная структура [Электронный ресурс]. URL: <http://gov-gov.ru/?p=3325#more-3325> (дата обращения: 30.03.2013).
5. *Руденко В. Н.* Жеребьевка из Золотой Урны — институт публичного права Китая (с приложением документов об избрании духовных лидеров тибетского буддизма) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 7. 2007. С. 284–309.
6. *Трахтенберг А. Д.* Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Там же. Вып. 11. Екатеринбург, 2012. С. 285–297.
7. *Трутнев Д. П.* Влияние международных рейтингов на содержание планов развития электронного правительства // Информационные системы для научных исследований : тр. XV Всерос. объединен. конф. «Интернет и современное общество». СПб., 2012. С. 311–315.
8. *Abrahamson E.* Management Fashion // *Academy of Management Review*. 1996. Vol. 21, № 1. P. 254–85.
9. *Bell D. A.* Reconciling Socialism and Confucianism? Reviving Tradition in China // *Dissent*. 2010. Vol. 57, № 1. P. 91–99.
10. *Benders J., Van Veen K.* What's in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions // *Organization*. 2001. Vol. 8, № 1. P. 33–53.
11. *Dobbin F., Sutton J. K.* The Strength of a Weak State: The Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104, № 2. P. 441–476.
12. *Heeks R.* Most eGovernment-for-Development Projects Fail: How Can Risks be Reduced? // IDPM i-Government Working Paper. 2013. № 14 [Electronic resource]. URL: <http://www.sed.manchester.ac.uk/idpm/research/publications/wp/igovernment/index.htm> (дата обращения: 30.03.2013).
13. *Janssen D., Rothier S., Snijkers K.* If You Measure It They Will Score: An Assessment of International E-Government Benchmarking // *Information Polity Journal*, 2004. Vol. 9, № 3/4. P. 121–130.
14. *Lee J.* 10 Year Retrospect on Stage Models of E-Government: A Qualitative Meta-Synthesis // *Government Information Quarterly*. 2010. Vol. 27. P. 220–230.
15. *Liou K. T.* E-Government Development and China's Administrative Reform // *International Journal of Public Administration*. 2007. Vol. 31 (1). P. 76–95.
16. *Rose R.* Governance and the Internet // *Global Change and East Asian Policy Initiatives*. 2004. P. 337–364.

17. UN Department of Economic and Social Affairs // United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People. Geneva, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 30.03.2013).

18. *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, CA, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 342.5 + 342.61 + 004.77

А. Д. Трахтенберг

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: СТИМУЛ ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ?

Концепция электронного правительства рассматривается как институциональный миф, то есть как административная идеология, выполняющая функцию рациональной легитимации существующей системы управления. Проанализированы основные элементы концепции: базовый миф об «Электрическом возвышенном», производная от него «калифорнийская идеология», а также теория нового государственного менеджмента с ее центральным звеном — концептом «государственных услуг». Продемонстрирована устойчивость данной идеологии, несмотря на хронические провалы в сфере информатизации государственного управления; на конкретном примере показано, как осуществляется борьба за право операционализации символов электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, институциональный миф, рациональная легитимация, «Электрическое возвышенное», «новый государственный менеджмент».

За эффективным термином «электронное правительство» («e-government») скрывается более или менее системное внедрение и использование в государственном управлении информационно-коммуникационных технологий.

Сам термин появился в 1991 г., когда президент США Б. Клинтон приступил к радикальной (одиннадцатой по счету в XX в.) реформе государственного управления, позиционированной как «изобретение государства заново» («reinventing the government»). Была поставлена задача «изменить саму культуру федерального правительства» [20], резко повысив эффективность коммуникаций как внутри органов власти, так и между органами власти и гражданами. Важнейшую роль в повышении эффективности коммуникации призваны были сыграть информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в связи с чем и появился соответствующий термин.

С самого начала перед электронным правительством были поставлены максимально амбициозные задачи: вместо иерархической, малоподвижной и закрытой управленческой системы должны были появиться гибкие, связанные по

горизонтали структуры, оперативно взаимодействующие между собой, открытые для контроля в любом звене и быстро и качественно взаимодействующие с гражданами, в том числе в проактивной форме (то есть не ожидая поступления запроса от пользователя) (см., например, [14]).

Инициаторы перехода к электронному правительству обещали, что в результате внедрения информационных технологий в государственное управление уже на первом этапе (то есть до радикального преобразования государства) произойдет существенное повышение качества управления. При этом подчеркивалось, что технологии электронного правительства носят универсальный характер, а отказ от их внедрения чреват суровыми последствиями: тяжелым кризисом системы управления, не сумевшей приспособиться к реалиям информационного общества, ростом недоверия граждан к органам власти, усиливающимся политическим абсентеизмом и т. п.

Сразу же подчеркнем, что сама по себе подобная риторика не отличалась новизной: например, в статье 1958 г., написанной, с современной точки зрения, на заре информационной революции, Ливитт и Уислер предсказывали, что информационные технологии заменят традиционную иерархическую организационную пирамиду структурой, напоминающей песочные часы, причем за счет ликвидации слоя менеджеров среднего звена произойдет резкое повышение эффективности системы управления [18]. В 70-е гг. Д. Данцигер писал о казавшихся чересчур оптимистичными «литаниях электронной обработке информации» (EDP, «electronic data processing»): от внедрения компьютеров в государственное управление ожидали уменьшения расходов, сокращения штатов, повышения качества управленческих решений, а также роста контроля над деятельностью сотрудников органов власти [10].

Можно привести аналогичные примеры несбывшихся ожиданий из работ отечественных авторов, начиная с трудов академика В. Г. Афанасьева, в которых подчеркивалась важность использования ЭВМ в научном управлении обществом, и завершая проектом грандиозной Общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС), разработанным академиком В. М. Глушковым с целью радикального решения проблемы социалистического хозяйства.

Между тем реальный опыт внедрения информационных технологий в государственное управление вовсе не свидетельствовал о том, что ожидания и обещания сбудутся. Традиционно провал попытки создать ОГАС объясняется принципиальной невосприимчивостью советских управленческих структур к инновациям: «кибернетики стремились реформировать советскую систему управления посредством внедрения информационных технологий, но эта система, являясь пользователем данных технологий, сумела навязать свою волю», так что «вместо локомотива реформ, они стали средством сохранения существующего экономического и политического порядка» [2]. Однако Кремер и Кинг, основываясь на анализе сорокалетнего американского опыта внедрения ИКТ в систему государственного управления, которая всегда считалась значительно более гибкой и открытой инновациям, чем советская, пришли к аналогичному выводу: информационные технологии никогда не были инструментом реформы, наоборот, они укрепляли иерархическую структуру бюрократических организаций,

усиливая возможности менеджеров по контролю над нижестоящими структурами [17].

Несмотря на хронические разочарования в сфере информатизации государственного управления, каждый новый этап в развитии информационных технологий сопровождается очередным этапом обещаний радикального преобразования системы государственного управления. В настоящее время, в связи с появлением социальных сетей, основные ожидания связываются с так называемым «открытым правительством» («open government»), предоставляющим гражданам подробную информацию о состоянии общества, накопленную в ходе выполнения рутинных управленческих функций, и на этой основе взаимодействующим с ними по актуальным социальным проблемам.

Концепция «открытого правительства» порождает не меньше сложностей и противоречий, чем ее предшественницы. Например, президент Б. Обама уверенно называет свою администрацию самой прозрачной в истории США: «все, начиная с информации о любом посетителе Белого дома, теперь доносится до общества. Каждый закон, который мы принимаем, каждое правило, которое мы принимаем, мы размещаем онлайн для всеобщего сведения». Одновременно с этим выясняется, что самая прозрачная администрация не сочла нужным проинформировать граждан о том, что в местах массового скопления народа теперь будут использоваться беспилотные самолеты, задача которых — уничтожать террористов [24]. Оказывается, что процесс выделения средств на реализацию проектов в сфере открытости является полностью закрытым, а их реальная отдача неизвестна [13], что открытые данные не востребованы гражданами и их надо специально учить ими пользоваться, и т. д.

Очень высокая планка ожиданий сторонников и устойчивость против критики заставляет подозревать, что концепция электронного правительства в разных ее вариантах представляет собой разновидность идеологии (в отечественной литературе на идеологический характер концепции электронного правительства впервые обратила внимание Е. Г. Дьякова [3]). Как и положено, концепция приняла натурализованную форму, то есть воспринимается как само собой разумеющаяся.

Именно натурализация идеологии в классическом граммшианском смысле этого термина способна породить парадокс, отмеченный Р. Хиксом и С. Байлёр при анализе исследований в сфере электронного правительства [15]. Они обнаружили, что, как правило, модели электронного правительства разрабатываются «с чистого листа», без всякой теоретической основы, причем для авторов характерен «наивный оптимизм»: они исходят из того, что внедрение информационных технологий — это всегда хорошо. Информация об отрицательных сторонах такого внедрения игнорируется, точно так же, как игнорируется информация о многочисленных провалах.

За такого рода «наивным оптимизмом» скрываются ряд посылок, идеологическая ориентация которых достаточно очевидна.

С одной стороны, это технологический детерминизм, выражающийся в игнорировании социальной составляющей перехода к электронному правительству. Неявно предполагается, что в качестве субъекта изменений выступают

сами информационные технологии, а административные структуры должны каким-то образом прийти им в соответствие.

Устойчивость данной установки, несмотря на ее очевидную ограниченность, свидетельствует о ее идеологическом статусе. При этом можно говорить о многоуровневой идеологической структуре. Глубинно она связана с так называемым мифом об «Электрическом возвышенном» («Electric Sublime»). Данный термин был введен Дж. Кэри для описания риторики «секулярного миллениаризма», возникшей вокруг первого средства коммуникации, использующего электричество, — электрического телеграфа [8]. Помимо прочего предполагалось, что с помощью телеграфа будут уничтожены пространственные барьеры и воплощены в реальность идеалы «прямой демократии» и соседского сообщества (подробнее см. [5]). Впоследствии миф последовательно экстраполировался на все новые изобретения в сфере информационно-коммуникационных технологий [23] и лег в основу самых разнообразных идеологических построений как доминантного, так и контркультурного характера.

На формирование концепции «электронного правительства» больше всего повлияла неolibеральная «калифорнийская идеология», связывавшая с ИКТ надежды на создание идеального саморегулирующегося рынка («рынка без трений», как определил его Б. Гейтс в работе «Дорога в будущее» [1]), который позволит навсегда покончить с кризисами и станет инструментом успешного решения существующих социальных проблем.

Как показали еще в 1996 г. Р. Барбрук и Э. Кэмерон, вера в эмансипационный потенциал новых технологий ни в коей мере не была естественным следствием развития этих технологий, а представляла собой противоречивую смесь технологического детерминизма (истолкованного с позиций контркультуры) с вполне традиционной джефферсонской экономической моделью, основанной на идее государства — «ночного сторожа» [7].

Данная идеология получила дальнейшее развитие в работах такого типичного «калифорнийца», как Т. О'Рейлли. Именно он ввел понятия «Web 2.0» и «государство 2.0». Под «государством 2.0» понимается структура, в которой все решения принимаются объединенными усилиями граждан (методом краудсорсинга) на основе открытых данных. Как показали К. Морозов [21] и Н. Ткач [25], О'Рейлли мыслит государство по типу рынка программных продуктов, на котором необходимо поддерживать максимальную конкуренцию. По мнению Н. Ткача, «политика, смоделированная по “базарному типу” развития компьютерных программ, в лучшем случае выглядит как очередной поворот в продолжающемся наступлении рыночных принципов на государство» [Там же].

Последнее высказывание напрямую выводит нас на вторую составляющую идеологии электронного правительства. Для его разработчиков и сторонников, характерен не только технологический детерминизм, но и принятие ряда нормативных концептов. Главным из них, на наш взгляд, является концепт «государственные услуги», базирующийся на представлении о государственном управлении как о рынке, на котором идет борьба за право предоставлять клиентам определенного рода ценности. Данный концепт воспринимается как естественный и само собой разумеющийся. Задача информационных техноло-

гий — максимально оптимизировать бизнес-процессы, связанные с предоставлением государственных услуг.

Между тем ничего естественного в идее «рыночного государства» и «государственных услуг» нет. Современная административная идеология, то есть нормативные представления о том, как должно функционировать правильно организованное государство, имеет вполне определенные корни. Она сформировалась как результат отрицания классической иерархической модели государства, которую традиционно называют «веберовской», и получила название «нового государственного менеджмента» («New Public Management», NPM).

Именно в рамках NPM была сформирована концепция «государственных услуг», которые органы власти, по аналогии с частными компаниями, обязаны оказывать населению, в свою очередь превратившемуся из граждан в потребителей. С этой целью рекомендовалось создавать в государственном управлении конкурентную среду и активнее стимулировать чиновников материально за высокий конечный результат. Иными словами, речь шла о переносе технологий, выработанных в рамках корпоративного управления, на государственные структуры.

Концептуально идеология NPM опиралась на некоторые положения микроэкономики и теории организационного менеджмента [16]. Как идеология, «новый государственный менеджмент» достаточно быстро приобрел глобальный характер, хотя активнее всего внедрялся в странах англосаксонской традиции, где профессиональная бюрократия немецкого типа так полностью и не привилась. Однако уже к концу прошлого века граждане начали жаловаться на то, что обновленные органы власти работают еще хуже, чем раньше (см., например, [22]), а руководители органов власти — отмечать, что система материальных стимулов и создание конкурентной среды разрушают традиционную этику служения обществу. П. Данливи, Э. Маргеттс, С. Бэстоу и Дж. Тинклер, проанализировав двадцатилетний опыт внедрения NPM в самых разных странах, пришли к выводу, что такое внедрение почти нигде не обеспечило достижения поставленных целей, а в ряде случаев привело к управленческим катастрофам [12].

Однако, как известно, идеология может существовать, регулярно приходя в противоречие с реальностью, но интерпретируя хронические неудачи как случайные провалы, связанные с недостатком мотивации у рядовых исполнителей. Характерно, что П. Данливи с соавторами, подвергнув суровой критике теорию нового государственного управления за игнорирование специфики административной культуры и социального контекста, в котором функционируют органы власти, тут же выразили уверенность, что на новом этапе, используя технологии Web 2.0., удастся избежать неудач, потому что преимущества этих технологий говорят сами за себя [Там же]. Резкий переход от вполне разумной критики к некритическому перечислению преимуществ электронного правительства еще раз показывает, насколько устойчивой является та идеологическая платформа, на которой сформировалась эта концепция.

Поэтому теория «нового государственного менеджмента» продолжает развиваться, не меняя исходных принципов. Самая последняя версия электронного правительства получила название «стройное правительство» («lean

government»). Как и концепция открытого правительства, она базируется на идеях Т. О'Рейлли (в данном случае о «правительстве как платформе»). В отличие от концепции «открытого правительства», в концепции «стройного правительства» акцент делается на сохранении контроля государства над открытыми данными. С этой целью органы власти должны создавать платформы, на которых коммерческие и некоммерческие структуры могли бы обсуждать актуальные темы, вырабатывать предложения, создавать новые инструменты для оказания услуг и т. п. За счет этих добровольных помощников можно будет сократить численность чиновников, упростить структуру органов власти и повысить качество услуг (отсюда и название «стройное правительство»). При этом особо подчеркивается, что l-government позволит органам власти вести мониторинг того, что происходит в сформированной им социальной сети, и направлять взаимодействие в желательную для себя сторону [15].

Таким образом, несмотря на многочисленные провалы, связанные с большими затратами, идеология электронного правительства упорно продолжает сохранять привлекательность. Для того чтобы объяснить устойчивость данной идеологии, целесообразно использовать неоинституциональный подход к анализу государственного управления. Как показано в классической работе П. Димаджио и У. Пауэлла, посвященной анализу «институционального изоморфизма», то есть структурного сходства между организациями, выполняющими самые различные функции, при проведении управленческих реформ на первом плане зачастую находится не эффективность, а легитимность: реальная отдача от реформ не важна, важен сам факт их проведения по принципу «быть как все» [11].

Несколько ранее Дж. Мейер и У. Роуэн сформулировали данный тезис в еще более жесткой форме, заявив, что новые технологии играют в организации не практические, а мифологические функции. Они внедряются вне зависимости от их реальной эффективности, поскольку помогают легитимировать организацию в качестве рационально действующей и современной. Использование новых технологий свидетельствует о социальной ответственности и позволяет избежать обвинений в плохом выполнении своих функций [19].

С этой точки зрения «электронное правительство» может рассматриваться как институциональный миф, обеспечивающий устойчивость организации путем приведения ее в соответствие с внешними критериями рациональности. Иными словами, сайты органов власти и порталы государственных услуг выполняют церемониальные функции, демонстрируя, что организация идет в ногу со временем.

Все сказанное не означает, что информатизация системы государственного управления не приносит пользы. Как показывает мировой опыт, результатом внедрения информационных технологий обычно является ряд небольших позитивных изменений. Именно поэтому известный теоретик электронного правительства Д. Вест называет переход к электронному правительству не радикальной, а «частичной реформой», то есть реформой, которая постепенно, шаг за шагом, методом проб и ошибок обеспечивает серию улучшений и может в перспективе породить (непредвиденный) кумулятивный эффект [26].

Проблема, однако, в том, что идеологически сторонники электронного правительства ориентированы не на кумулятивное накопление позитивных изменений, а на радикальную реформу. Поэтому перед ними постоянно стоит непростая задача соотнесения идеологических символов с практическими действиями. Как показали Т. Кристенсен и П. Лэгрэд [9], в ряде случаев при этом ограничиваются чисто символическими заявлениями, не имеющими с действительностью ничего общего, однако обеспечивающими желаемую легитимацию. Однако чаще осуществляется операционализация символов с целью приведения их хотя бы в относительное соответствие с обещаниями.

Право на операционализацию, которая тождественна праву на интерпретацию степени эффективности инноваций, является предметом борьбы между участниками процесса внедрения электронного правительства. Можно привести множество как отечественных, так и зарубежных примеров такой борьбы.

Например, в марте 2013 г. Министерство здравоохранения РФ заявило, что «Россия первой в мире смогла создать единый государственный информационный ресурс в сфере здравоохранения, работающий по общим правилам и позволяющий осуществлять мониторинг оказания медицинской помощи практически во всех медицинских учреждениях в стране в режиме реального времени» [4]. Это высказывание тут же было подвергнуто критике на страницах специализированного издания «PC Week» экспертами, представляющими фирмы-разработчики программного обеспечения, а также представителями региональных органов здравоохранения. По их мнению, в лучшем случае можно было говорить о формировании инфраструктуры, которая «в будущем позволит вести мониторинг оказания медицинской помощи» [Там же]. На форуме «Medsoft 2013», представляющем собой публичную площадку для взаимодействия сотрудников Министерства здравоохранения с представителями регионов и компаний-разработчиков, формулировки стали еще более жесткими. Было заявлено, что медицинская информационная система ориентирована «на сбор статистики и учетные задачи преимущественно в интересах Минздрава РФ» и мало помогает практическому врачу, а дорогостоящие решения в сфере телемедицины остаются невостребованными [6]. Таким образом, Министерству здравоохранения не удалось сохранить символическое высказывание в неприкосновенности; борьба за право интерпретировать, что считать успешной информатизацией здравоохранения, будет продолжена.

На этом небольшом примере мы видим, насколько сложным является процесс поддержания институциональных мифов (особенно таких многосоставных, как миф электронного правительства) в работающем состоянии. Ситуация дополнительно осложняется тем, что концепция электронного правительства до сих пор остается идеологией «для внутреннего административного пользования» и плохо воспринимается гражданами (как показывают наши исследования, они до сих пор плохо понимают, что такое «государственные услуги»). Поэтому концепция «электронного правительства» выполняет функцию легитимации только частично, несмотря на целый ряд позитивных сдвигов в сфере предоставления «государственных услуг» (и значительные расходы). Еще сложнее ситуация с «открытым правительством».

Можно предположить, что по мере рутинизации тех или иных функций электронного правительства, будет происходить сдвиг идеологии в новые сферы и технологии (как это уже произошло с «открытым правительством»). Эффективность институционального мифа все время будет подвергаться сомнению, что не будет мешать его устойчивому воспроизводству.

---

1. *Geïтс Б.* Дорога в будущее. М., 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/geits_bill/geits_bill_doroga_v_budushee/ (дата обращения: 01.04.2013).

2. *Герович В. А.* Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/ge4.html> (дата обращения: 01.04.2013).

3. *Дьякова Е. Г.* Электронное правительство» как идеологический конструкт // Социум и власть. 2009. № 3 (23). С. 4–10.

4. *Павлова О.* Информатизация здравоохранения: время первых итогов // PC Week Review, 18 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pcweek.ru/gover/article/detail.php?ID=148292> (дата обращения: 01.04.2013).

5. *Трахтенберг А. Д.* В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиадискурса // Изв. УрГУ. Сер. 3 : Общественные науки. 2010. № 1. С. 28–38.

6. *Шеян И.* От молниеносного внедрения к эффективной эксплуатации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osp.ru/medit/2013/04/13034843.htm> (дата обращения: 01.04.2013).

7. *Barbrook R., Cameron A.* The Californian Ideology // *Science as Culture*. 1996. Vol. 6, № 26. P. 44–72.

8. *Carey J. W.* Technology and Ideology: The Case of Telegraph // *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. N. Y. : Routledge, 1989.

9. *Christensen T., Laegred P.* Administrative Reform Policy: The Challenges of Turning Symbols into Practice // *Public Organization Review*. 2003. Vol. 3. P. 3–27.

10. *Danziger J.* Computers, Local Government and the Litany of EDP // *Public Administration Review*. 1977. Vol. 37, № 1. P. 28–37.

11. *DiMaggio P. J., Powell W. W.* The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. P. 147–160.

12. *Dunleavy P., Margetts H., Bastow S. et al.* New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2006. Vol. 16, № 3. P. 467–494.

13. *Fretwell L.* Open government's double standard [Electronic resource]. URL: <http://govfresh.com/2013/03/open-governments-double-standard/> (дата обращения: 01.04.2013).

14. *Heeks R., Bailur S.* Analyzing E-government Research: Perspectives, Philosophies, Theories, Methods and Practice // *Government Information Quarterly*. 2007. Vol. 24. P. 243–265.

15. *Janssen M., Estevez E.* Lean Government and Platform-Based Governance – Doing More with Less // *Government Information Quarterly*. 2013. Vol. 30. P. 51–58.

16. *Kettle D. E.* The Global Revolution in Public Management: Driving Themes, Missing Links // *Management Sciences*. 1997. Vol. 40. P. 40–55.

17. *Kraemer K. L., King J. L.* Information Technology and Administrative Reform: Will E-Government Be Different // *International Journal of Electronic Government Research*. 2005. Vol. 2, № 1. P. 1–20.

18. *Leavitt H. J., Whisler T. L.* Management in the 1980's // *Harvard Business Review*. 1958. Vol. 36. P. 41–48.

19. *Meyer J. W., Rowan B.* Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *The American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83, № 2. P. 340–363.

20. Moe R. C. The “Reinventing Government” Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences // *Public Administration Review*. 1994. Vol. 54, № 2. P. 111–122.

21. Morozov E. The Naked and the TED, *New Republic*. August 2, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.newrepublic.com/article/books-and-arts/magazine/105703/the-naked-and-the-ted-khanna> (дата обращения: 01.04.2013).

22. Noordhoek P., Saner R. Beyond New Public Management: Answering the Claims of Both Politics and Society // IX Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, 2–5 Nov., Madrid [Electronic resource]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/Other/UNPAN021304.pdf> (дата обращения: 01.04.2013).

23. Sconce J. *Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television*. Durham ; L., 2000.

24. Stirland S. L. Obama: “This is the Most Transparent Administration in History”, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://techpresident.com/news/23512/obama-most-transparent-administration-history> (дата обращения: 01.04.2013).

25. Tkacz N. ‘Openness’ is the New Magic Word in Politics – but Should Governments Really Be Run like Wikipedia? // *Aeon*, 28 January 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.aeonmagazine.com/world-views/nathaniel-tkacz-open-source-government> (дата обращения: 01.04.2013).

26. West D. M. *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*. Princeton Univ. Press, Princeton, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 323.3 + 32.001 + 316.46.058

А. Г. Наронская

ПРИМЕНЕНИЕ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Данная статья посвящена теоретическим проблемам исследования политической элиты. Утверждается необходимость всестороннего изучения методологических оснований феномена политической элиты. По мнению автора, применение неоинституционального подхода дает возможность не только исследовать ее существенные характеристики, но и определить тенденции ее институционального развития.

Ключевые слова: неоинституциональный подход, политическая элита, политический процесс, система рекрутирования элиты, формальные и неформальные институты.

Особенностью современного российского политического процесса является то, что формальные установления и правовые нормы расходятся с реальным функционированием новых политических институтов. Этот вывод объединяет большинство отечественных исследователей, несмотря на разнообразие методологических подходов, теоретических концепций в научной литературе о современном российском политическом процессе. Осмысление данного положения приводит автора к необходимости всестороннего теоретико-методологического

исследования правящей элиты, того ключевого политического субъекта, который имеет властные ресурсы, а также легитимное право на выработку государственной политики и принятие важнейших решений [8, 29–34].

В настоящей статье мы рассмотрим возможности применения неoinституционального метода к исследованию развития политической элиты, в частности российской элиты. На наш взгляд, данный подход дает возможность исследовать не только основные этапы развития политической элиты, но и тенденции политического процесса.

Известно, что неoinституциональный подход был разработан Д. Нортон, Р. Коузом, Дж. Бьюкененом и другими авторами. В рамках неoinституционализма под «институтом» понимаются «правила игры», или «созданные человеком ограничительные рамки, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между субъектами политической элиты, уменьшают неопределенность в межличностных взаимодействиях» [9, 17]. Существуют формальные и неформальные институты. Формальные институты включают в себя прежде всего правовые нормы, регулирующие формирование и функционирование политической элиты. Они имеют универсальный характер, а их соблюдение гарантируется государством. Неформальные институты не универсальны, это обычаи, которые призваны решать вопросы координации поведения представителей политической элиты; они проявляют себя в виде традиций или взаимных соглашений и контролируются исключительно заинтересованными акторами. Другими словами, неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции и определяют отношение индивидов к различным вариантам «формальных институтов», предлагаемых государством [6, 54].

Если изменение формальных институтов может происходить достаточно быстро, через введение новых правил игры, то неформальные институты весьма устойчивы, меняются постепенно и медленно. Когда мы говорим о траектории развития данных институтов, то преобладание формальных характеристик формирования и функционирования политической элиты, на языке неoinституционального подхода — «верховенство права», означает готовность основных групп политической элиты следовать универсальным нормам и правилам. В свою очередь, отсутствие верховенства права означает доминирование неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах (таких, как клиентелизм и коррупция) [Там же, 21].

Таким образом, «институционализация» означает процесс превращения определенных видов деятельности политической элиты в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который становится привычным образцом поведения субъектов власти [5, 207–209]. Неформальная институционализация — это вытеснение формальных институтов неформальными правилами [7, 20], «когда при сохранении своей формальной оболочки механизмы, призванные обеспечить демократию и верховенство права, либо разрушаются изнутри, либо превращаются в собственную противоположность» [4, 10]. В этом случае формальные институты становятся фасадом неформальных или не имеют никакого значения. Однако формальные и неформальные характеристики не только находятся во взаимном противостоянии, но и дополняют друг друга. Когда про-

исходит опережающее разложение старых механизмов формирования и функционирования элиты по сравнению с созданием новых либо новые правила не работают, регулирование данных механизмов происходит через неформальные нормы. Там, где правительство неподотчетно парламенту, важнейшие решения принимаются не выборными представителями граждан, а узкими властными группами; там, где политические партии не способны обеспечить политическую взаимосвязь элиты и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме «партии власти» и т. д. [3, 16–29].

Итак, траектория развития формальных и неформальных институтов определяет эффективность эволюции элиты. Эффективным можно считать такое развитие, в результате которого происходит конвергенция (сближение) новых формальных институтов и неформальных практик. Процесс конвергенции может протекать весьма долго и противоречиво, но он в большей или меньшей степени способствует институциональному развитию. И наоборот, если конвергенции не происходит, то формальные и неформальные нормы противостоят друг другу. В этом случае институциональное развитие заходит в тупик, новые механизмы, принципы формирования и функционирования политической элиты могут отторгаться. Это означает, что развитие политической элиты неэффективно [10, 59–60].

Можно сделать вывод о том, что неинституциональный подход позволяет не только анализировать тенденции развития формальных и неформальных институтов функционирования политической элиты, но и определить качество ее институционального развития.

В ходе настоящей статьи мы сосредоточим внимание на трех ключевых факторах развития политической элиты, а именно: 1) на институтах, регламентирующих рекрутирование элиты; 2) составе элиты; 3) принципах деятельности представителей элиты.

Вопрос о критериях отбора политической элиты является важнейшим при ее исследовании. Механизм формирования и функционирования любой политической элиты напрямую зависит от действия системы рекрутирования элиты, от динамики политического процесса, совмещающего разнообразные, но реальные типы поведения его основных участников. Система рекрутирования элиты может быть представлена в виде следующих компонентов: а) механизмы рекрутирования (принципы выдвижения в состав элиты новых представителей — наследование, кровное родство, владение собственностью, профессиональная компетентность, образование, партийная принадлежность и т. д.); б) каналы рекрутирования (пути продвижения вверх во властной иерархии — государственный аппарат, политические партии, силовые структуры, религиозные организации, органы местного самоуправления, система образования) [2, 12–13]. Элементы системы отбора политической элиты не статичны, они подвержены изменениям, динамике. Усиление или ослабление того или иного критерия элитообразования не только влияет на структурные особенности элиты, принятие стратегических решений, но и определяет характер политической системы в целом.

Принципиально важно, какое место установленные формальные критерии рекрутирования политической элиты занимают в институциональном порядке,

а также какую роль играют неофициальные отношения в системе элитообразования. Безусловно, в самой жесткой институциональной структуре существует пространство для неофициальных взаимоотношений между представителями политической элиты (подтверждение этому — исследования П. Блау, М. Крозье) [1, 8–30]. При этом следствием институциональных изменений может быть «сжатие» пространства политики, его непубличный характер, другими словами, доминирование нелегитимных норм поведения элиты, неправовых механизмов элитообразования. В этом случае ключевыми факторами изменения принципов формирования политической элиты становятся неофициальные, «закулисные» персональные связи и отношения. Подобная ситуация может привести к разрыву между публичной демократической системой отбора политической элиты и действительным способом формирования власти. В результате вместо политических взаимоотношений «правящая элита — оппозиция» складываются формы межкомандной, межкорпоративной конкуренции, когда место политических партий и других политических посредников занимают группировки, кланы, которые в качестве механизмов взаимодействия используют принципы этнической солидарности, земляческие и родственные связи. При этом сомнительно, что даже оптимальное преобразование политических институтов создаст более совершенные институциональные условия. Надо быть готовым к тому, что в подобной ситуации сохранится прежний стиль руководства, а возможно, традиционные структурные элементы прежней элиты.

Другим важным фактором эволюции политической элиты является ее социально-групповой состав. Группы, составляющие политическую элиту, отличаются степенью участия в процессе принятия решений, типом деятельности, уровнем социального статуса, образом жизни и престижем. В состав политической элиты входят группы, обладающие политическими, административными, экономическими и социокультурными ресурсами. Важной характеристикой композиции и состава политической элиты является степень разделения данных групп. При этом установление демократических институтов (например, каналов рекрутирования элиты) не обязательно приводит к разделению между группами политической элиты. Вместо критериев компетентности, при формальном существовании демократических механизмов и каналов отбора политической элиты, могут использоваться принципы персональной и групповой лояльности. В таком случае процедура выборов становится механизмом перегруппировки сил внутри правящей элиты, ставящей на место нормативных требований права критерии обладания материальными, информационными и другими ресурсами.

Следует отметить, что синтез различных групп политической элиты свидетельствует о формальном характере системы разделения властей. Синкретизм политических, административных и экономических групп элиты — достаточно опасное явление. В этом случае профессиональные чиновники неизбежно сами становятся «политическими деятелями» и могут фактически менять смысл любого закона в зависимости от собственных конъюнктурных интересов. Вероятным следствием данных процессов является пространство для злоупотреблений и коррупции, то есть для всевозможных теневых отношений. Вокруг того или иного государственного чиновника формируются «команды», включающие

в свой состав как сотрудников административного аппарата, так и представителей финансово-экономических групп и даже криминальных структур. В подобной ситуации субъектами политической элиты становятся специфические неформальные социальные образования: «кланы», «команды», «клики», которые связаны отношениями личной зависимости и преданности. Данные социальные образования не только могут влиять на принятие политических решений, но и определять институциональную среду власти. С помощью многочисленных неформальных связей между этими группами, теневого согласования позиций происходит перераспределение властных ресурсов, распределение должностей и избрание представительных органов власти. Таким образом, они становятся главными политическими субъектами, которые в переходных условиях могут играть стабилизирующую роль, но одновременно с этим неизбежно ведут к коррупции правовых механизмов принятия решений [11, 123–133].

Особенности элитообразования и состава элиты характеризуют деятельность властвующих субъектов. Рассматривая развитие политической элиты в рамках неинституционального подхода, мы выделяем такие изменения ее деятельности, которые отклоняются от институциональных традиций формирования и функционирования политической элиты. При этом данные действия и их последствия могут иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер, что также может характеризовать особенности развития конкретной политической элиты. Типы деятельности представителей политической элиты определяются их интересами, мотивацией, а также характером, объемом, значимостью имеющихся у них политических ресурсов. Выделим следующие типы деятельности субъектов элиты:

– *управленческая деятельность* — предполагает изменения существующих институциональных правил и характеристик рекрутирования политической элиты, которые, например, необходимы по причине неэффективности существующей системы рекрутирования. Так, постепенное разложение советской политической элиты (медленная ротация, распространение теневых принципов отбора и взаимодействия между группами элиты, коррупция и т. п.) определило необходимость изменения сущностных принципов ее функционирования [5, 508–509];

– *инновационная деятельность* — определяет, каким образом представители политической элиты используют новые институциональные возможности. Стремление сохранить и повысить свой статус через присвоение новых ресурсов, наряду с несовершенством законодательства и нестабильностью политического процесса, позволяет представителям политической элиты, адаптируясь к новым условиям, использовать полуправовые формы принятия важнейших политических решений. Поэтому инновационная деятельность может способствовать как повышению, так и снижению эффективности системы рекрутирования политической элиты [Там же, 510];

– *нелегитимная деятельность* — означает отказ субъектов политической элиты адаптироваться и приспосабливаться к новым институциональным правилам. Подобная ситуация может быть обусловлена защитой представителями политической элиты своих традиций, интересов или ресурсов власти. Вместе с тем

закрепление неформальных и теневых правил поведения в институциональном пространстве приводит к постепенной деформации элитообразования и деградации самой элиты [5, 510–511].

В процессе институциональных преобразований инновационная и нелегитимная деятельность часто пересекаются друг с другом, а в некоторых случаях совпадают. Это неудивительно, потому что все указанные типы деятельности взаимосвязаны и их разделение достаточно условно. В новой институциональной среде представители политической элиты приобретают большую возможность выбора между формальным и неформальным поведением. Когда государственные решения противоречат интересам групп элиты, то последние оказываются перед выбором: либо, во вред себе, подчиниться данным требованиям, либо игнорировать их, продолжая действовать как раньше — в расчете на отсутствие или слабость контроля, либо «получить» неформальное право не выполнять неудобное нововведение.

В заключение отметим, что применение неоинституционального подхода дает возможность исследовать не только сущностные характеристики политической элиты, но и анализировать развитие политической элиты в качестве целостного исторического, экономического и социокультурного процесса. Поэтому теоретические проблемы, обозначенные в статье, представляют не только академический интерес, но являются основанием разработки сценариев развития современного российского политического процесса.

---

1. *Блау П. М.* Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994.

2. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006.

3. *Гельман В. Я.* Постсоветские политические трансформации // Полис. 2001. № 1.

4. *Гельман В. Я.* «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2 (57).

5. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.

6. *Либман А. М.* Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // Общественные науки и современность. 2006. № 6.

7. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1.

8. *Наронская А. Г.* Методологические проблемы исследования феномена элиты // Изв. Урал гос. ун-та. Сер. Общественные науки. 2009. № 3 (69).

9. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

10. *Панов П. В.* Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6. С. 59–60.

11. *Тощенко Ж. Т.* Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социс. 1999. № 11.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 323.3 + 32.001 + 316.46.058

О. В. Попова

**СИСТЕМНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ
(по результатам социологического исследования 2012 г.)***

В статье на основе дискурс-анализа неформализованных интервью проанализированы представления региональной политико-административной элиты об основных проблемах профессиональной деятельности. Выделены системные противоречия профессиональной деятельности субфедеральной политической элиты, порождаемые особенностями политических процессов (смена губернатора в регионе, коррупция и т. д.) в современной России. Кроме того, определены факторы психологического дискомфорта в работе чиновников регионального уровня. Отмечены проблемы, которые рассматриваются управленцами как несущественные.

Ключевые слова: Россия, региональная политико-административная элита, профессиональная деятельность, системные противоречия, общественное мнение, глубинное интервью, анализ дискурса.

- Кому на Руси жить хорошо?
- Чиновникам.

*Типичный ответ обывателей в России
начала XXI в. на «вечный» некрасовский вопрос*

Проблемы российской элиты, в том числе и региональной, активно исследуются и политологами, и социологами. Достаточно назвать таких крупных

---

* Статья написана на основе данных, полученных в ходе реализации исследовательского проекта Российской ассоциации политической науки «Рекрутирование политических лидеров муниципально- и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности» (проект 149/К). При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127-рп.

Исследовательская группа: доктор политических наук, профессор, завкафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) О. В. Попова (руководитель проекта); заведующий отделом социологии регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Москва) В. Л. Римский; кандидат политических наук, доцент О. В. Лагутин; кандидат политических наук, доцент Е. О. Негров; преподаватель А. В. Шентякова (все трое — преподаватели кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ). Ответственные за сбор информации в регионах: Алтайский край — доктор политических наук, профессор Я. Ю. Шашкова (Барнаульский госуниверситет); Воронежская область — доктор политических наук, профессор А. В. Глухова (Воронежский госуниверситет); Краснодарский край — доктор политических наук, профессор Е. В. Морозова (Кубанский госуниверситет); Ленинградская область — кандидат политических наук О. В. Лагутин (СПбГУ); Омская область — доктор политических наук, профессор И. А. Ветренко (Омский госуниверситет); Пермский край — доктор политических наук, профессор П. В. Панов (Пермский госуниверситет); Республика Коми — доктор политических наук, профессор В. А. Ковалев (Сыктывкарский госуниверситет); Республика Татарстан — доктор политических наук, профессор А. Г. Большаков (Казанский госуниверситет); Санкт-Петербург — доктор политических наук, профессор О. В. Попова (Санкт-Петербург).

специалистов, как А. С. Быстрова, Д. П. Гавра, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Дука, Н. В. Колесник, Н. Ю. Лапина, В. Г. Ледяев, В. П. Мохов, П. В. Панов, Я. А. Пляйс, О. Б. Подвинцев, С. Н. Пшизова, А. И. Соловьев, А. М. Старостин, Д. Б. Тев, А. Е. Чирикова, Е. Б. Шестопап и др. [1–9].

Представленные в статье материалы позволяют ответить на два важных вопроса: а) методический — о возможности выявления информации по проблемам, на которых собственно интервью не было сфокусировано; б) содержательный — о степени адекватности и полноты восприятия глубинных противоречий в деятельности регионального чиновничества самими чиновниками на основе анализа их дискурсивных практик. В социологическом исследовании «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности», проведенном в 2012 г. в девяти регионах, из 90 проведенных глубинных неформализованных интервью в 27 респондентами выступили региональные чиновники.

В качестве эпиграфа к данной статье взят типичный ответ рядовых граждан на «вечный» российский вопрос, который четко отражает их представление о беспроblemности и комфортности существования российского чиновничества в постсоветский период. Однако такое представление граничит с очень многими заблуждениями и ложными стереотипами, распространенными в общественном мнении. Безусловно, объективные условия профессиональной деятельности чиновников регионального уровня делают их очень уязвимыми. Исследовательский вопрос заключается в том, насколько точно и адекватно сами представители этой профессиональной группы осознают «узкие места» своей работы.

Как показало исследование, консерватизм системы региональной исполнительной власти в России существенным образом замедляет не только изменения условий и возможностей карьерного роста в институтах этой ветви власти, но и осознание ее сотрудниками необходимости изменений в организации своей работы. С учетом того что деятельность представителей региональной исполнительной власти имеет определяющий характер для жизни граждан субъектов Российской Федерации, обозначенные проблемы выходят далеко за рамки обсуждения просто особенностей профессиональной деятельности региональных чиновников и приобретают политический характер. Анализ данных глубинных нестандартизованных интервью с представителями региональной политико-административной элиты позволил выявить ряд системных противоречий в их деятельности, субъективно осознаваемых данной профессиональной группой и проявляющихся в их дискурсивных практиках.

Успешность карьеры региональными чиновниками понимается двояко, но в обоих выявленных вариантах предельно прагматично. С одной стороны, это быстрое получение очередной, более высокой и прибыльной, должности при сохранении возможности продвижения в рамках региональной исполнительной власти вверх. С другой стороны, осознаваемые чиновниками ограничения роста внутри одной организации позволяют им считать формально успешной просто итоговое получение должности начальника, даже если для этого приходится менять сферу и характер деятельности.

Наиболее четко проявляющиеся в дискурсе противоречия связаны с ожиданиями темпов карьерного роста, мотивацией деятельности и пониманием альтернативных возможностей повышения социального статуса за пределами «своей» организации. Существенные отличия по этим параметрам проявляются в младшей возрастной группе (до 35 лет) и в старшей (от 45 лет). Отсутствие открытых вертикальных лифтов в органах региональной исполнительной власти порождает необходимость для большей части людей ориентироваться на горизонтальную карьерную мобильность («У нас люди, порой, как приходят главным специалистом работать, так и уходят на пенсию главным специалистом»; «карьера может развиваться поступательно не только с номинальным продвижением вверх, но есть и перемещение по горизонтали из маленького района в большой, из маленького города в большой город. Номинально это та же лестница иерархии, но по объему задач, которые стоят перед руководителем либо района, либо города, это работа иного качественного уровня, который требует и подготовки, который предполагает особое отношение, более требовательное, к себе как к руководителю, которое предполагает учет опыта предыдущей работы»).

Для молодых сотрудников региональной исполнительной власти характерна ориентация на быстрый карьерный рост, преодоление нескольких «ступенек» за 2–3 года при том, что для большинства это маловероятный срок получения следующей, более высокой должности («Можно и за год, и за два выйти на высокий уровень для тех, кто этого захочет»). Большинство представителей старшей возрастной группы чиновников высказываются за постепенный карьерный рост (нахождение в одной должности примерно 5 лет, недопущение руководством «перепрыгивания» карьерных ступенек сотрудниками).

Как наиболее предпочтительный тренд рассматривается возможность только вертикальной мобильности в управленческой иерархии, а переход в другие области — как вынужденная мера в случае ограничения быстрого карьерного роста. Также обнаруживается несоответствие ожиданий и реального характера работы в исполнительной власти людей, пришедших в эти структуры по рекомендации из общественных организаций.

Молодые региональные чиновники в меньшей степени, чем сотрудники старшего возраста (граница — 45 лет), склонны демонстрировать социоцентрические мотивы своей работы в органах власти. Более того, для них характерно прагматичное понимание следования инструкциям/правилам как смысловое ядро своей профессиональной деятельности. При этом необходимость каждодневно решать какие-либо проблемы населения региона рассматривается как досадная помеха либо (в исключительных случаях) как возможность расширения штата своей организации или получения дополнительных финансовых ресурсов.

Управленцы старшего возраста настроены более компромиссно: для них приемлемы перемещения в иной регион для занятия аналогичных должностей, возможно, в другом комитете. Горизонтальная профессиональная мобильность при отсутствии повышения статуса, то есть ориентация на сохранение достигнутых, пусть и невысоких, позиций, оценивается как допустимая и желательная. Чиновники из средней и старшей возрастной группы рассматривают возможность переезда в «более интересный» регион (ближе к европейской части

России, в южные регионы, промышленно более развитые, имеющие хорошие возможности для получения средств в бюджет) при сохранении своего профессионального статуса и характера работы как вертикальный лифт (*«Во всяком случае, я внутренне готов к тому, чтобы попробовать себя в иной сфере, может быть, в сфере, связанной с государственным управлением, как, впрочем, я внутренне готов к работе на другом качественном уровне, более интересном, в другом регионе. Это не проблема»*).

Наблюдается различие между «старыми» и «молодыми» кадрами и в стратегии получения более высокой должности: «старички» выжидают, когда их повысят, в то время как молодые открыто просят/требуют повышения (*«Для меня до сих пор на этой должности легкий шок, когда сотрудники приходят и предлагают их повысить. Может, я отстал и сейчас это нормально, но я в легкий ступор попадаю, когда такое происходит. Все-таки оцениваешь через себя, у меня вот так получилось, что я никогда никуда не просился. Определенные обстоятельства меняли мое местоположение в вертикали власти»*). Четко прослеживаются иллюзии молодежи относительно уменьшения объема работы при росте заработной платы на более высоких должностях в управленческом аппарате (*«Кстати, многие считают, особенно молодежь, что чем выше должность, тем меньше работы. Но это совсем не так. Чем выше, тем работы этой было больше»*).

Кроме того, фиксируются прямо противоположные оценки значимости отношения к управленцу его коллег. Некоторые респонденты утверждают, что это вообще для них не значимо, но гораздо важнее, как к ним относится руководитель. Более того, в некоторых интервью прослеживалась мысль о том, что руководитель ни в коем случае не должен ориентироваться при повышении в должности своего подчиненного на то, как к тому относятся коллеги (*«В принципе, я думаю, да, независимо от того, что мы живем в условиях жесткой иерархии, у нас один руководитель, но тем не менее я думаю, руководитель при принятии того или иного решения либо прямо, либо опосредованно, либо с чьей-то рекомендацией должен оценивать то, как воспринимают человека в коллективе, какая у него репутация, как будет квалифицироваться решение о его повышении, а это говорит о состоятельности руководителя, который принимает решение о повышении»*). Лишь некоторые респонденты (преимущественно из старшей возрастной группы) называли психологический климат в коллективе важным фактором успешной деятельности как отдельного сотрудника, так и всей структуры в целом.

В ходе интервью проявилось противоречие между декларацией представителями региональной политико-административной элиты высокоморальной, социоцентрической мотивации своей работы в органах власти и заявлениями о прагматических, а подчас и корыстных причинах работы в органах власти «других», окружающих их чиновников. Достаточно часто в интервью звучат заявления по поводу неоправданно высокой самооценки людей, находящихся на более высоких должностях.

К наиболее негативно оцениваемым самой региональной политико-административной элитой противоречиям в их профессиональной деятельности относятся следующие шесть, касающиеся условий их работы.

Во-первых, чиновники отмечают противоречие между официально существующим механизмом формирования кадрового резерва, в списках которого человек может находиться долгие месяцы и даже годы без надежды получить должность, и неформальными практиками, при которых карьерный рост зависит почти исключительно от того, замолвит ли словечко за претендента, ожидающего в очереди, кто-то из чиновников более высокого уровня (вариант — скрытый конфликт в организации между людьми, пришедшими на должность «с улицы» (их меньшинство, по оценке самих чиновников), и теми, кто формально выиграл конкурс, однако получил место по протекции). При этом, по мнению политико-управленческой элиты, существующие механизмы формирования кадрового резерва выявляют низкий уровень знаний многих претендентов на должности в системе госуправления регионального уровня (*«Я был приглашен на обстоятельную беседу, меня зачислили в какой-то резерв и про меня не вспоминали... Я, честно говоря, подумал, что это вещь некая ритуальная. Потом уже Поздняков В. Я. предложил меня Сурикову А. А. в качестве консультанта Комитета администрации края по взаимодействию с органами местного самоуправления. Может, тогдашний руководитель краевого Совета предпринимателей Н. А. Чертов слово замолвил? Кстати, вот у нас краевой уровень, у нас реально люди есть, которые пришли через конкурс, пришли, что называется, с улицы, без всякой протекции»*).

Во-вторых, как существенная проблема воспринимается несоответствие между строго регламентированными должностными инструкциями и правами, в том числе и такими для некоторых должностей, как бессрочный контракт, и наличием неформальных практик ограничения нахождения в должности в связи со сменой команды губернатора и необходимостью в этом случае увольняться «по собственному желанию» (*«Коль скоро мы находимся на службе, у нас всегда есть ощущение того, что на каком-то этапе нам скажут, что сменить работу — это не только ваше желание, но и желание нас как руководителей, тем более за эти времена сколько я уже писал заявлений о доверии, назовем их так, хотя по закону я должен находиться и нахожусь на бессрочном контракте, но когда губернатор переназначался... и т. д.»*). Фактически подобные заявления содержат скрытое признание зависимости карьерного роста от политической ситуации в регионе, от того, кто с подачи федерального Центра возглавит региональную исполнительную власть.

В-третьих, у сотрудников региональной исполнительной власти вызывает дискомфорт необходимость безропотно принимать иерархически организованную структуру должностных ступеней и подчиняться вышестоящим начальникам при жестком требовании постоянного саморазвития для подтверждения права занимать ту ступеньку, на которой сотрудник находится в данный момент; в этом случае рост профессионализма, саморазвитие и самосовершенствование гарантией успеха и карьерного роста не являются (*«Человек на госслужбе, который на что-то рассчитывает, должен понимать, что он служащий... субстанция, персона или лицо (это формулировка из закона, кстати, взятая, 79-го), находящееся на определенной иерархической лестнице, а это значит, что все, кто сверху, — это твои руководители. Не секрет, что порой возникают мысли...*

Кто те, что сверху? А почему не я? Иногда возникает соблазн подвергнуть их некой критике с точки зрения и интеллектуального уровня, и умения строить отношения с внешним миром, и т. д., но это данность и ее нужно воспринимать»).

В-четвертых, этих людей тревожит несоответствие между наличием формальных требований к квалификации управленцев, критериев эффективности их работы, с одной стороны, и фактической необходимостью решения проблем региона и населения региона — с другой. Эти две системы оценивания между собой практически не связаны («Компьютерная грамотность, технические навыки совершенно очевидно. Это есть в нормативных документах, более того, это сейчас записано у нас в квалификационных требованиях, определенный оптимум владения вот этими всеми вещами»).

В-пятых, сотрудники региональной исполнительной власти убеждены, что огромный объем возложенных на них полномочий/обязанностей явно не соответствует крайне невысокому уровню заработной платы на большинстве должностей в этих структурах; ситуация усугубляется практической невозможностью для большинства из них получить дополнительный приработок из-за отсутствия свободного времени и ограничений, налагаемых различного рода законодательными актами и инструкциями («Отличительной особенностью работы... на уровне госвласти в крае является не очень высокая зарплата»). Скрытым образом фиксация такого противоречия призвана морально оправдать возможность/неизбежность коррупционных действий чиновников.

Наконец, в-шестых, налицо противоречие между заявлениями чиновников о собственной моральной чистоте в профессии и необходимостью использования таких механизмов предотвращения коррупции, как постоянное перемещение в другие структуры, чтобы не обрасти связями («И, кстати, очень интересен партийный опыт, когда человек переводился из района в район, из региона в регион, в этом есть очень большой смысл... Это вот лежит в том самом ряду, когда мы говорим о коррупции, о сращивании ветвей власти и т. д. Вот эти вот вещи, мне кажется, достаточно серьезны для вменяемых людей, серьезный заслон, чтобы этого не делать»).

Отдельный блок противоречий работы региональных чиновников в исполнительной власти связан с эмоциональным восприятием правил работы в организации и своей роли в ней. Наиболее болезненно воспринимаются противоречия между ощущением своей избранности/удачи в жизни как обладателя статуса регионального чиновника и постоянным страхом потерять работу управленца. Психологический дискомфорт вызывает и противоречие между необходимостью «держат лицо», сдерживать эмоции в любой ситуации и субъективной внутренней потребностью оставаться правдивым и искренним человеком («Недюжинное терпение, умение, когда есть необходимость, сдерживать свои эмоции, что, кстати, не является моей сильной стороной»). Респонденты старшей возрастной группы специально подчеркивали проблемы неизбежности нравственных компромиссов при работе в региональной исполнительной власти («Он не должен быть предателем, хотя должен быть склонным к компромиссам»).

Вместе с тем лишь некоторые из респондентов отметили такую проблему, как ответственность за последствия принятого неправильного решения. Однако

они не испытывают психологического дискомфорта из-за негативных последствий своих ошибок для населения региона. Чиновников тревожит лишь угроза для их карьеры. Кроме того, только как временная проблема дискомфорта воспринимается расхождение между престижностью карьеры чиновника, его привилегиями и критикой работы управленцев в СМИ и общественном мнении.

Осознаваемая чиновниками необходимость четкого встраивания в иерархическую систему, подавления на рабочем месте индивидуальности и яркости личности, востребованность только качеств, регламентированных должностными инструкциями в наименьшей степени вызывает психологический дискомфорт в старшей возрастной группе (*«Нужно задать себе вопросы и постараться на них максимально честно ответить: а способен ли я работать на госслужбе? Ведь человек берется на госслужбу, чтобы быть... неким винтиком... элементом гармонично работающей системы. Для того чтобы человеку принять решение о переходе на госслужбу, он должен к себе прислушаться и сказать: я готов быть либо винтиком, либо элементом»*). Для них важен эффект карьеры «по накатанной», когда успешно начавший в системе госуправления карьеру человек и дальше движется столь же быстро, забираясь все выше по карьерной лестнице без учета реальных заслуг (*«Чем дальше продвигаешься, имеешь более высокое положение, это влияет на карьеру и получение новых, так скажем, чинов»*).

Также в ходе анализа глубинных интервью были выявлены проблемы профессиональной деятельности чиновников, которые осознаются ими как несущественные. Так, обсуждаемая респондентами проблема вступления в партию выявила три основных подхода. Лишь некоторые осознают необходимость выбора между вступлением в «партию власти» ради карьерного роста и реализацией в общественной жизни собственных политических убеждений. По их мнению, вступление в «Единую Россию» следует рассматривать как дополнительный — возможный, но не всегда работающий — ресурс карьерного продвижения. Вступление же в любую другую партию осознается только как дополнительное серьезное препятствие роста в должности (*«Присутствие того или иного чиновника в “партии власти” не помогает и не препятствует в карьерном продвижении. А нахождение в другой партии может стать препятствием. То есть здесь двояко... Как инструмент продвижения это не рассматривается, а как препятствие рассматривается точно»*). Вторая группа респондентов заявила, что будет держаться до последнего и не вступит ни в одну партию, если это не будет обязательным условием сохранения их должности. Наконец, нашлись такие чиновники, которые утверждали, что в соответствии с законодательством о государственной службе они не имеют права вступать в партию (на самом деле эта норма не существует; чиновников регионального уровня сложно заподозрить в незнании законопроектов, касающихся их профессиональной деятельности; вероятнее всего, в данном случае имеет место скрытое сопротивление тенденциям огосударствления «партии большинства»).

Реализация творческого потенциала управленца-профессионала, ориентированного на различного рода инновации, более вероятна в регионе, где руководство позиционирует свой субъект Федерации как успешно развивающийся. Однако именно в этих областях наблюдается устойчивая тенденция к более

быстрой ротации кадров «по горизонтали» без реальных вертикальных лифтов карьер. Таким образом, по мнению чиновников, активная деятельность и инновационные усилия оказываются бесполезной тратой усилий, не дающих реальных результатов.

Итак, на два вопроса, поставленных в начале этой статьи, можно ответить следующим образом. Если на первый — о возможности использования глубинных интервью для выявления позиций респондентов о несфокусированной теме — следует без всяких оговорок ответить положительно (в данном случае дискурсивные практики респондентов позволяют очень четко зафиксировать их позицию по широкому кругу вопросов, связанных с карьерами субфедеральной элиты), то на второй вопрос — об адекватности оценки собственной профессиональной деятельности — положительный ответ оказывается весьма относительным, с оговорками.

Региональная политико-административная элита прекрасно понимает, что в современной российской политической практике важна лояльность. Она распространена исключительно широко как требование внутригрупповых элитных отношений и условие успешной карьеры. Последнее особенно касается чиновников, которым наряду с этим качеством предписывается еще и «политический нейтралитет». Так, согласно норме статьи 15 «Основные обязанности гражданского служащего» Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» государственные служащие обязаны проявлять политическую лояльность, обеспечивая поддержку конституционного строя и соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации [10]. Такая формулировка закона акцентирует именно поведенческую составляющую лояльности, что очень четко отражается в сознании регионального чиновничества.

Однако налицо эгоцентристское восприятие представителями региональной политико-административной элиты своей профессиональной деятельности. Так, в дискурсе представителей элиты отсутствует любое упоминание о других институтах региональной власти (представительные законодательные институты и суды), с которыми они связаны. Общество (граждане) воспринимаются только как объект воздействия, постоянно создающий проблемы, но не как партнер в решении социальных и политических проблем и уж точно не как фактический работодатель. Кроме того, все без исключения представители региональной исполнительной власти в один голос заявили о неполитическом характере своей профессиональной деятельности, и это при том, что именно исполнительные структуры остаются доминирующим институтом управления и политической власти на региональном уровне.

---

1. Властные структуры и группы доминирования / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2012.

2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2006.

3. Гаман-Голутвина О. В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции. М., 2005.
4. Кочетков А. П. Корпоративные элиты. М., 2012.
5. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М., 2000.
6. Политический класс в современном обществе : коллектив. моногр. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2012.
7. Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ : коллектив. моногр. / под ред. Е. Б. Шестопал, А. В. Селезневой. М., 2012.
8. Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М., 2010.
9. Элиты и общество в сравнительном измерении : сб. статей / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2011.
10. Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (редакция от 14.02.2010) (принят ГД ФС РФ 07.07.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=97557;p=5#p1108> (дата обращения: 20.03.2013).

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 321.72 + 342.53

А. А. Керимов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

Для обществ постсоциалистической трансформации чрезвычайно актуальным был вопрос выбора модели правления и реализации ее на практике. В статье рассматриваются преимущества парламентарного правления и выделены факторы, порождающие трудности на путях его становления и внедрения в политическую систему трансформирующихся обществ.

Ключевые слова: демократия, парламентаризм, парламент, народное представительство, принцип разделения властей, переходное общество, модернизация.

В трансформирующихся обществах роль парламента как ведущего элемента парламентаризма в социально-политических преобразованиях возрастает многократно, поскольку именно представительные учреждения, выполняя законодательные функции, становятся центром одновременно и конфликта, и сотрудничества различных политических сил, мобилизуют политические элиты, артикулируют групповые интересы и способствуют рационализации политических решений. В то же время нестабильный характер политических институтов трансформирующихся государств, обусловленный отсутствием опыта функционирования и взаимодействия в новой социально-политической среде, становится предметом непрекращающихся дискуссий о том, какие факторы и условия, политические и социальные институты и структуры делают ту или иную

систему демократической, каково соотношение парламентаризма и исполнительной власти. Иными словами, актуализируется и оказывается в центре политологического дискурса проблема выявления эффективности той или иной конституционной модели, ее воздействия на процесс формирования демократического общества и политической социализации граждан.

Для России эти вопросы остаются актуальными на протяжении всего периода постсоциалистического развития. В условиях транзита к либеральной модели социально-политического и экономического развития чрезвычайно важным стал вопрос выбора модели правления и ее реализации на практике. Поиск Россией собственного пути демократического развития был затруднен отсутствием базовых условий для формирования органов государственной власти на демократических началах. Политические шатания 90-х гг. прошлого столетия и сегодняшний авторитаризм негативно отразились на практике внедрения в политическую систему демократических ценностей и стали причиной незавершенности процесса ее модернизации. В то же время имеются поучительные примеры успешного перехода ряда стран за относительно короткие исторические сроки от тоталитарной системы к демократической модели развития. В современных условиях, когда глобализация все более охватывает мировые социально-политические, экономические, культурные процессы, есть надежда на то, что и Россия с учетом имеющегося мирового опыта и умелым управлением сможет успешно реализовать переход к демократии.

Одним из главных достижений современной демократии, несомненно, является повсеместное распространение института парламентаризма. Сегодня трудно представить страну, где бы не было парламентского учреждения. Парламентское учреждение обладает двуединой природой, выражающейся в сочетании его представительного и законодательного начал. Эти начала тесно связаны между собой, поскольку именно «выборность и доверие народа позволяют парламенту законодательствовать и выполнять другие функции» [7, 53]. Но парламент — это не просто орган, а сложная многоэлементная конструкция, имеющая разнообразные связи и отношения с другими институтами государства и общества. Именно по этой причине парламентский институт является системообразующим в контексте государственности и демократии.

Парламент — единственный институт, который представляет политическое сообщество не только в целом, но и во всем его многообразии. В современных развитых политических системах объединение политических интересов становится первейшей и специфической задачей парламентов. Их опыт подтверждает вывод о том, что деятельность по защите общественных интересов наиболее успешно протекает в странах с устойчивыми демократическими традициями. Прежде всего это страны с высоким уровнем дохода на душу населения, где, по мнению руководителей парламентов мира, в законодательных органах находят свое выражение интересы практически всех социальных, финансово-промышленных и политических групп и слоев населения. Серьезной проблемой для стран с низким уровнем дохода является представительство интересов и нужд низших социальных слоев населения. Более половины генеральных секретарей парламентов этих стран считают, что интересы данных

слоев не реализуются, хотя именно они составляют здесь большинство населения [7, 57].

Таким образом, в развитых странах мира парламентаризм выступает как выражение верховенства закона и законодательной власти в обществе. Попытки принизить роль и значение парламента, подменить его исполнительной властью указывают на то, что в государстве недостаточно развита политическая и правовая культура. Для политической жизни подобных стран характерны произвол, беззаконие, высокая коррумпированность чиновничества, нестабильность политического положения, падение жизненного уровня населения.

Совершенно иначе обстоят дела с развитием парламентаризма в обществах постсоциалистической трансформации. Возникают проблемы с выбором той или иной модели, хотя очевидно, что, несмотря на наличие нескольких разновидностей современного парламентаризма, политическая практика не знает «чистых», идеальных моделей данного института. Любая вариация парламентаризма, кроме собственных типовых признаков, включает в себя и признаки других типов парламентаризма.

Такое утверждение согласуется с точкой зрения В. Е. Чиркина, который отмечает, что в современном мире все более отчетливо проявляется тенденция к созданию гибридных, смешанных, переходных форм государственного правления. Прежние классические формы президентской, парламентской республики, федерализма, автономии, государственных режимов постепенно исчезают, их заменяют полупрезидентские, полупарламентарные республики, региональные государства, сочетающие черты унитаризма, федерализма, автономии. Возникают новые методы осуществления государственной власти, иные формы государственных режимов, соединяющие некоторые элементы авторитаризма и демократии [8, 65].

В современной западной политической науке некоторые политологи, разрабатывая теорию власти, пересматривают традиционные принципы демократии [2–5]: на смену теории разделения властей приходит концепция «единой власти»; тезис о верховенстве парламента заменяется обоснованием необходимости сосредоточения основных прерогатив в органах исполнительной власти; теория народного представительства объявляется устаревшей и неприменимой в современных условиях.

Действительно, в современную эпоху соотношение законодательной и исполнительной власти в государстве изменилось. Исполнительная власть сосредоточила в своих руках все наиболее важные полномочия по осуществлению как внутренней, так и внешней политики. Эта тенденция находит выражение в росте полномочий премьер-министра (или президента, если он возглавляет правительство), который получил возможности самостоятельно принимать важнейшие политические решения.

Но при этом необходимо иметь в виду, что оправдание отказа от теории «верховенства парламента» или «равновесия властей», доказательство целесообразности и необходимости передачи основных рычагов государственного управления в руки исполнительной власти нисколько не укладываются в концепции народовластия, поскольку парламент не только законодательный орган, но

является еще и органом представительства социальных слоев, нации во взаимодействии с другими ветвями власти.

Парламентаризм возможен при условии соблюдения принципа разделения властей, предусматривающего четкое разграничение функций между законодательной, исполнительной и судебной властями. Парламентаризм предполагает наличие представительного, парламентского правления, включающего формирование правительства на основе соотношения сил в парламенте и его ответственность перед парламентом. Парламентарное правление также выражается в переходе исполнительной власти от главы государства к правительству, в возможности решения вопросов, связанных с правом вето и правом досрочно роспуска парламента самими парламентариями.

Безусловно, история не знает идеальных моделей, форм государственного правления. По этому поводу Р. Арон справедливо отмечал, что «неразумно утверждать, что один режим хорош, а другой плох, один воплощает добро, а другой — зло, оба несовершенны, хотя и по-разному» [1, 277].

Естественно, каждая форма, которая известна человечеству с древнейших времен, несовершенна по-своему, хотя потенциально каждая содержит в себе высокую конструктивную силу. Все зависит от конкретных исторических условий, совокупной политической воли народа — суверена власти, профессионализма, нравственных и политических предпочтений правящей элиты. Наиболее существенным недостатком президентской республики является заключенная в ней тенденция к ограничению демократических свобод и реальная возможность возрождения авторитаризма и ухода исполнительной власти от парламентского контроля. Президентские системы, по утверждению американского политолога Х. Линца, таят в себе потенциальную угрозу для единства политической культуры. Такие системы чреватые серьезными острыми конфликтами между президентом и конгрессом, отсутствием достаточно эффективных институциональных механизмов преодоления указанных расколов и конфликтов [6, 54–55]. С этой точки зрения парламентские системы более устойчивы и приспособляемы к кризисным ситуациям.

Но данное утверждение оспаривается многими авторами (например, М. Шугартом, Дж. Кэри, Б. Г. Капустиным, В. Е. Чиркиным), которые считают, что и парламентским республикам не в меньшей степени присущи нестабильность и конфликты различных ветвей власти, частые правительственные кризисы, перманентные реорганизации управленческих структур. Таким образом, стабильности власти способствуют не только парламентаризм и высокий авторитет президента, но и высокая представительность президентской партии в парламенте и органах управления, благоприятные условия для коалиционной политики, концентрация исполнительной власти в руках высокопрофессионального правительства.

Общим принципом деятельности исполнительной власти в демократических государствах является то, что любое правительство должно пользоваться доверием парламента и контролироваться с его стороны. Особенность парламентского контроля выдвигает более конкретную проблему министерской ответственности, являющуюся с формальной стороны основой основ парламента-

ризма. Также с формальной стороны проблема ответственности правительства перед парламентом имеет много аспектов, и, как показывает парламентская деятельность, она тесно связана с процедурой роспуска парламента.

Принцип ответственности правительства перед парламентом исходит из признания права представительного учреждения выражать народный суверенитет. Поскольку формально в силу конституции законодательная власть является высшей властью в государстве, постольку правительство может выполнять свои обязанности только до тех пор, пока оно пользуется доверием избранного народом органа. Отсюда вытекает право парламента осуществлять контроль над деятельностью правительства. Формально юридически к способам парламентарского контроля над правительством относятся постановка вопроса о доверии правительству или его порицании, интерпелляции, запросы депутатов, обращение к членам правительства.

В парламентарных государствах правительство несет ответственность перед парламентом и обязано уйти в отставку в случае вынесения последним вотума недоверия или, если было использовано главой государства право роспуска парламента, в случае поражения на новых выборах.

Объектом контроля со стороны парламента кроме исполнительной власти в отдельных случаях выступают глава государства, судебная власть, местное самоуправление, а также деятельность государственных и частных предприятий. Объем реализации функций контроля в различных государствах неодинаков, порой он зависит от форм правления и государственного устройства. В зависимости от форм правления и государственного режима нередко сам парламента на практике, в свою очередь, также находится под контролем правительства или, во всяком случае, испытывает с его стороны достаточно сильное воздействие.

В ряде стран устанавливается скрытый контроль над законодательной деятельностью парламента. Наряду с этим во всех ведущих современных странах, кроме Великобритании, контроль над законодательной деятельностью парламента принимает узаконенные формы в виде так называемого конституционного надзора: например, в США это толкование Конституции Верховным судом, в ФРГ — надконституционные решения федерального Конституционного суда.

Таким образом, общей тенденцией для современных государств является ослабление принципа парламентарской ответственности правительства и укрепление исполнительной власти. Эти тенденции порождаются усложнением общественной жизни, необходимостью предотвращения чрезмерного вторжения парламентаризма в сферу деятельности исполнительной власти.

На фоне общемировой тенденции к нивелированию отдельных полномочий и прав парламентартов в обществах постсоциалистической трансформации парламентаризм сталкивается с рядом дополнительных трудностей, которые приводят к снижению его престижа и усилению влияния исполнительной ветви власти.

Крен в пользу исполнительной власти происходит по той причине, что она располагает кадровыми, финансовыми и материальными ресурсами, которые

позволяют ей оперативно влиять на любую ситуацию в обществе. Возможность быстрого решения проблем создает почву для возвышения исполнительной власти и создания в восприятии масс впечатления о том, что именно от исполнительной власти, а не от парламентариев зависит реальное положение дел.

Трудностью для развития парламентаризма можно считать и специфику деятельности исполнительной власти, на которую всегда ложится большая доля ответственности за проделанную работу, чем на парламентариев, которые не в полной мере отвечают за принятие даже откровенно слабых законов.

Не случайно законодатели чаще выступают в роли обвинителей, но не обвиняемых, так как критиковать всегда легче, чем практически реализовывать социально-экономический курс. Поэтому население скептически относится к народным избранникам, которые, по их мнению, создают трудности в работе правительства.

Немаловажную роль в создании позитивного имиджа исполнительной власти и принижении значения парламента играют СМИ, поскольку некоторые из них находятся в непосредственной зависимости от исполнительной власти. В силу материально-финансовой зависимости, и не только, они часто представляют работу правительства в более благоприятном свете, нежели деятельность парламентариев. Иной раз СМИ не только подвергают критике деятельность парламента, но и ведут целенаправленную работу по дискредитации самих парламентариев.

На пути развития парламентаризма стоит и трудноразрешимая историческая проблема ментального характера. В массовом сознании всегда сильны традиции этатизма, состоящие в том, что народ чаще уповает на сильную личность в лице президента (премьера), способную навести жесткий порядок, чем на представительный орган, в стенах которого ведутся бесчисленные дискуссии. Тем более у избирателей возникает иллюзия по поводу роскошной жизни парламентариев, существующих за счет средств налогоплательщиков.

Как показывает практика, в экономически развитых государствах с устойчивой политической системой гражданское общество не проявляет должного интереса к политике. Приоритетом в данных обществах является стремление к личному успеху, а интерес к политике отодвигается на задний план. На фоне индивидуализации жизни граждане утрачивают интерес к деятельности парламентариев, а победа президента на выборах, который олицетворяет всю нацию, является прекрасным примером в достижении высоких целей. Поэтому не случайно общественное мнение, особенно на переломных этапах истории, чаще всего оказывается на стороне президента, а не законодательного органа.

Несмотря на трудности на пути развития парламентаризма в переходных обществах, практика развитых стран наглядно демонстрирует, что парламент отнюдь не изжил себя и не исчерпал свою роль как важного института демократии. Послевоенный опыт развития политической системы в развитых странах свидетельствует о том, что парламент обладает рядом достоинств и может служить стабилизирующим фактором государственного строя, в частности, он вместе с другими органами власти осуществляет все основные функции

государства, придавая этому процессу характер осуществления воли всего населения: легализует власть, облекая ее в форму представительного правления народа; способствует достижению компромиссов между различными политическими партиями и соглашения между консервативными и социал-реформистскими партиями; принимает законы, образуя важнейшую часть правовой надстройки.

Таким образом, несмотря на трудности и противоречивость развития парламентаризма в обществах постсоциалистической трансформации, в этих странах парламенты становятся органической частью государственной власти. Они выполняют главную властную функцию через создание законодательной основы общества, которая определяет вектор развития стран молодой демократии.

-
1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
  2. Йеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
  3. Фабрициус Ф. Права человека и современная политика. М., 1995.
  4. Akler J. Constitutional and Administrative Law. 2nd ed. L., 1994.
  5. Lewell M. E., Patterson S. C. The Legislative Process in the United States. N. Y., 1996.
  6. Линц Х. Опасности президентства // Полис. 2001. № 5.
  7. Романов Р. М. Парламентаризм: теория, история и современность. М., 2002.
  8. Чиркин В. Е. Государственное и муниципальное управление. М., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 316.772.4 + 316.653 + 32.001

В. А. Гуторов

СМИ КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (ЧАСТЬ 1)

В статье анализируются теоретические вопросы эволюции западных политологических концепций функционирования СМИ в либеральных демократиях во второй половине XX в. Сформировавшись после Второй мировой войны в политической науке США и Западной Европы, они стали играть определяющую роль в том сегменте мирового научного дискурса, который связан с анализом структур современных массовых и политических коммуникаций. Особое внимание уделяется автором тем концепциям, которые и в наши дни определяют теоретические подходы к изучению роли СМИ в политическом процессе. К их числу относятся теория «минимального эффекта», теория «медиакратии», модели «исследования воздействия» (Effects Research) и «анализа текста» (Text Analysis), теория «использования и удовлетворения» (Use and Gratification Approach) и ряд других. Автор уделяет большое внимание теории структуризации А. Гидденса, которая во многом обобщает современные научные дискуссии о роли СМИ, развивавшиеся на протяжении десятилетий в западной политологии и политической социологии.

Ключевые слова: массовые и политические коммуникации, политический анализ, средства массовой информации, общественное мнение, политические идеологии, политические процессы, государство, корпорации.

В послевоенный период исследования влияния СМИ на развитие политических коммуникаций проводились в Западной Европе и США под воздействием сложившихся концепций политического процесса, авторы которых, в свою очередь, опирались на вполне определенные теоретические модели демократического общества. Как отмечал Д. Хелд, один из наиболее авторитетных современных специалистов в области теории демократии, «политические аналитики, рассуждая об исключительной неупорядоченности индустриального капиталистического мира в XX в. — двух колоссальных войнах, русской революции, депрессии тридцатых, подъеме фашизма и нацизма, поражались той относительной политической и социальной гармонией, которая последовала за Второй мировой войной. Американские, британские и континентальные политологи и социологи, работавшие в конце 50-х и начале 60-х гг., стремились дать объяснения такого положения дел. Одна известная группа, аргументация которой строилась в рамках классического плюрализма, развивала тезис о “конце идеологии”. Этот тезис был особенно созвучен со взглядами, выражаемыми в конце 50-х — начале 60-х гг. средствами массовой информации, основными политическими партиями, официальными политическими кругами и многими организациями в рабочем движении. Другая, гораздо более малочисленная группа выражала радикально противоположную точку зрения: она давала интерпретацию событий, в которой содержалось совсем мало симпатии (если она вообще когда-либо

существовала) к основным институтам государства, экономики и культуры, однако имела огромное воздействие на студентов и новые радикальные движения протеста шестидесятых годов. Эта вторая группа, строя аргументацию в рамках модифицированного марксизма, анализировала так называемый “конец идеологии” как выражение далеко зашедшего репрессивного порядка: “одномерного общества”» [33, 224–225].

В течение всех послевоенных десятилетий ученые, специализирующиеся в области теории политических коммуникаций, предлагали различные модели, объясняющие воздействие СМИ на общественное мнение и, следовательно, на формирование и развитие политического процесса. В 1940-е гг. многие американские и западноевропейские аналитики считали, что пресса и радио, контролируют мысли людей в общественной сфере. Однако после Второй мировой войны, до начала 1970-х гг., господствующим был скорее обратный взгляд: независимо от того, идет речь о прямом обращении СМИ к индивидам или же косвенном (семья, знакомые, клубы и т. д.), их влияние на формирование позиций индивидов по отношению к обществу и политике имеет минимальный эффект (теория «минимального эффекта») [36, 42, 44].

На рубеже 1980–1990-х гг. маятник стал опять двигаться в противоположную сторону и акцент вновь был сделан на признании влияния СМИ. По мнению французского исследователя Р. Дебре, который ввел в научный оборот термин «медиакратия», СМИ сегодня выполняют функции, принадлежавшие в средневековой Европе церкви [1, 14].

В отличие от исследователей 1940-х гг. ученые стали склоняться к мнению, в соответствии с которым СМИ сами по себе не осуществляют прямого контроля над обществом. При этом они фокусировали внимание на более тонких формах взаимосвязи между социальными группами в рамках политического процесса [10, 53, 73; ср.: 16, 54, 175–190].

Можно ретроспективно выделить две основные модели, ориентируясь на которые ученые изучали влияние СМИ. Первая связана с исследованием воздействия массовых коммуникаций на индивидуальное поведение и вообще на социальную жизнь. Вторая, развивавшаяся в последние тридцать лет XX в. под влиянием культурологии, культурной антропологии, структуралистских теорий, семиотики и других междисциплинарных наук, была ориентирована на понимание связей между «текстами», индивидами и более обширными социальными образованиями. В дальнейшем эти модели получили в научной литературе соответствующие лапидарные названия — модель «исследования воздействия» (Effects Research) и модель «анализа текста» (Text Analysis) [65, 81 sq.].

Теория политических коммуникаций, развиваясь как одно из наиболее динамичных направлений политической науки, будучи первоначально более ориентированной на первую модель, постепенно все более испытывала влияние междисциплинарных исследований. Однако и в настоящее время можно вполне согласиться с мнением ученых 1990-х гг., что до создания единой всеобъемлющей концепции политической коммуникации еще очень далеко. «Неспособность построить интегрированное поле политических коммуникаций, — отмечали Л. Джекобс и Р. Шапиро, — выявит вполне обоснованные вопросы относительно

того, является ли воздействие СМИ преувеличенным или же в сущности неисследованным. Выгодная сторона междисциплинарного подхода заключается в том, что он призывает к методологическому плюрализму» [37, 11].

Существует немало определений политической коммуникации. В работе М. Гуревича и Дж. Блумлера «Системы политической коммуникации и демократические ценности» была предпринята попытка дать ее краткое определение, обобщавшее предшествующие аналитические разработки: «Политическая коммуникация фактически может быть определена как передача информации и различных видов воздействия к индивидам и от индивидов, которые совершенно явно не являются равными и разделяются на высокоинформированных и глубоких невежд, обладающих огромным влиянием и совершенно бесправных, постоянно вовлеченных [в политику] и блаженно безразличных. Таким образом, сама структура политической коммуникации включает в себя различия между инициаторами и активаторами наверху и наблюдателями внизу, налагающая ограничения на ту энергию участия, которую система может породить» [26, 27].

Такое определение вполне вписывалось в «модель воздействия» и использовалось преимущественно политологами. В западных университетах исследование проблемы политической коммуникации обычно осуществляется, помимо политологических факультетов, на специальных отделениях массовых коммуникаций, радио и телевидения, журналистики, речевых коммуникаций и риторики. На протяжении десятилетий представители этих дисциплин сосуществовали друг с другом, как правило, не обращая внимания на их «взаимодополняемость» и на те противоречия, которые могли возникнуть в результате «параллельного анализа». Даже когда исследовались сходные вопросы, ученые далеко не всегда ориентировались друг на друга, чтобы определить уровни возможностей ответа на них [31, 38, 49, 63; ср.: 6, 15]. В результате исследователи, даже не подозревая об открытиях друг друга, чисто случайно приходили к аналогичным заключениям, публикуемым иногда с разницей в несколько месяцев. В 1980–1990-е гг. так случилось, например, с публикацией четырех американских работ, принципиально важных для изучения политических коммуникаций. Две из них были посвящены новым особенностям составления президентских посланий и речей на президентских выборах в США [32, 41]. Две другие были посвящены обоснованию того положения, что заранее планируемая стратегия освещения выборов в прессе становится господствующей схемой, в рамках которой избиратели вовлекаются в выборный процесс [39, 55].

Так или иначе, но указанные четыре работы, как и многие другие — зарубежные и отечественные, до сих пор вполне однотипно рассматривают процесс политической коммуникации, акцентируя внимание прежде всего на взаимодействии различных каналов информации, по которым источники информации (коммуникаторы) воздействуют на аудиторию. Для теории коммуникации сама категориальная пара «коммуникатор — аудитория» является традиционной. К функциям аудитории, обычно определяемой как «совокупность людей, к которым обращаются СМИ и которые воспринимают обращенную к ним информацию», относят понимание, принятие решения, а также эвристическую функ-

цию. Тем самым предполагается, что аудитория «является не просто объектом воздействия, но и непосредственным участником коммуникации» [2, 59; 59].

Такое понимание отношения коммуникатора и аудитории, естественно, порождает немало вопросов. Ведь характер интерпретации данного отношения, его эвристическая ценность во многом зависят от методологии анализа, избираемой тем или иным ученым. Например, если какой-либо информационный сигнал производит различное воздействие на однородные по своим характеристикам аудиторные группы, тогда, независимо от тех объяснений, которые вызваны случайными событиями или факторами, следует признать, что одна и та же информация воспринимается неоднородно на индивидуальном уровне.

Другая, на наш взгляд, не менее важная проблема заключается в следующем: приписывают ли рядовые читатели, зрители или слушатели воспринимаемой ими информации те же характеристики, что и исследователи? Если нет, то тогда ученые могут и дальше продолжать интерпретировать феномен восприятия информации в понятиях, которые им представляются истинными, но не могут быть адекватно восприняты аудиторией.

Такого рода «эпистемологические расхождения» в оценках между исследователями и аудиторией являются лишь одной из сторон тех неоднозначных связей, которые существуют между СМИ и объектами их информационного воздействия. Как отмечал еще в 1975 г. С. Чаффи, издатель сборника «Политическая коммуникация», пользующегося большим авторитетом в научном мире, «по крайней мере, со времени опубликования основополагающих данных осуществленного Колумбийским университетом синтеза, в результате которого было установлено только ограниченное влияние СМИ... в академических кругах было вполне типичным утверждать, что коммуникационные кампании могут оставлять лишь небольшие вмятины на здании, именуемом политикой. Восприятие гражданами информации, даваемой СМИ, рассматривалось как крайне избирательное, обусловленное партийными предпочтениями и подчиненное межличностным влияниям... Как предполагалось, почти любая получаемая информация могла дать хороший шанс для усиления существующего состояния личностного сознания» [12, 19].

Хотя авторы вышеупомянутого сборника придерживались противоположной точки зрения и рассматривали роль СМИ как решающую в определении политических позиций избирателей, и в этом случае трудности методологического характера, конечно, сохранялись. Например, серьезную проблему этического и политического характера представляет тенденция современных СМИ к стереотипизации политических образов. «Для того чтобы сделать политику понятной для гражданина, — отмечал У. Шульц, — она должна быть сведена журналистами к нескольким простым структурным образцам» [57, 29].

Но вернемся к методологическим проблемам «технологий исследования». В 1980–1990-е гг. представление о том, что СМИ играют ведущую роль в передаче информации, воздействующей на политические ориентации граждан, совпало с распространением в области социальных наук многообразных, иногда довольно изощренных методов анализа — лабораторного эксперимента, статистического анализа, контент-анализа и других методов обработки информационного

материала. Их первоначальная цель состояла в обосновании характера и особенностей влияния СМИ на индивидуальные позиции и поведение. Однако уже с самого начала обнаружилась тенденция, которая ставила под сомнение достигнутые западными учеными результаты: предмет исследования — индивидуальное поведение — нередко лишался своей социокультурной составляющей, поскольку предполагалось некое единообразие воздействия СМИ на индивида. Подобный униформизм, как уже отмечалось выше, господствовал несколько десятилетий [50, 253].

На протяжении этого периода теория «властных СМИ» стала подвергаться критике с самых различных методологических позиций. Уже в упомянутой выше работе Д. Клаппера «Эффекты массовой коммуникации» содержался призыв к систематическому исследованию ее «опосредующих факторов» [42]. Несмотря на упорное сопротивление сторонников традиционной «модели воздействия», ссылавшихся для подтверждения своей позиции на лабораторные данные и материалы психологических экспериментов, оно все же не могло преодолеть настоящего вопроса, которому первоначально придавался оттенок исторической ретроспекции: можно ли утверждать, что обитатели возникшего в 1950-е гг. «массового общества» были только послушными автоматами, подвергавшимися систематическому оболваниванию со стороны СМИ?

Поскольку с каждым новым десятилетием защищать этот тезис становилось все труднее, возникло сомнение — обладают ли СМИ вообще каким-либо серьезным влиянием или же речь идет о более тонком воздействии, последствия которого могут быть выявлены только с течением времени. Из этого сомнения возникло несколько вариантов пересмотра традиционных подходов.

Первый из них, связанный с именами Д. Клаппера, Дж. Блумлера и Э. Каца и получивший наименование теории «использования и удовлетворения» (*use and gratification approach*), во многом примыкал к традиционному взгляду 1940-х гг., согласно которому массовая аудитория, пассивно потребляя продукцию СМИ, удовлетворяет тем самым свои специфические потребности [9, 43, ср.: 35, 61, 69].

В начале 1970-х гг. были предприняты попытки свести аргументацию в рамках данного направления в единую систему, придав ей некую общую перспективу. Находясь под большим влиянием социологической теории функционализма, концепция «использования и удовлетворения» внесла существенный вклад в разработку идеи «активной аудитории» в рамках модели «активного воздействия».

Другая перспектива была обозначена в работах Г. Гербнера и Л. Гросса, Н. Синьорелли и М. Моргана [20, 21, 60]. Созданное ими направление получило название *cultivation analysis* («анализ культивирования»), поскольку его сторонников интересовала не столько активность аудитории, сколько долгосрочный кумулятивный эффект, возникающий в результате взаимодействия импульсов, образов, системы ценностей, которые лежат в основе разнообразных телевизионных программ [21, 21]. Воздействие телепрограмм рассматривалось, таким образом, скорее в контексте «культивирования культуры», а не в плане влияния на изменение индивидуальных политических позиций.

Такой подход был окрещен в западной политологической литературе как «ревизионистский», поскольку он стремился преодолеть трудности концепции воздействия СМИ, исходящей из модели гомогенной, пассивной аудитории. Апелляция к методу контент-анализа с его акцентировкой объективного систематического изучения количественных переменных [7, 19, 51, 55, 56] не могла, однако, помочь решению проблемы, поскольку базисные предпосылки и социальная философия, лежавшие в основе «модели воздействия», оставались в сущности неизменными (ср.: [40, 14–15]). Это была философия индивидуализма, эволюционирующая под влиянием различных эмпирических социологических теорий в направлении более строгой, научно обоснованной концепции взаимодействия СМИ и индивидов [68, 75–79].

В социологическом плане представления сторонников «модели воздействия» были вполне ортодоксальными: социальный мир состоит из акторов, преследующих свои собственные цели и осуществляющих выбор из тех средств, которые им доступны. Условия, в которых они действуют, фундаментально структурированы имеющими нормативный характер предписаниями относительно того, что является допустимым действием. Политический процесс рассматривается с помощью вездесущей концепции социализации: роли определяют социальные позиции и нормативные ожидания, сопутствующие этим позициям; в ходе социализации нормы и ценности, соответствующие нашим ролям, интериоризируются внутри культуры.

Системы ролей, в свою очередь, соотносятся с институциональными структурами, которые объединяются в сложный организм, сущностными элементами которого они и являются. В конечном итоге на самом общем уровне всеобъемлющий культурный консенсус обеспечивает продолжительное функционирование всей системы.

Такого рода «социальная онтология» проявлялась в работах специалистов в области политической коммуникации самым различным образом. В простейшей своей форме она выражалась в вульгарном детерминизме, подталкивающим исследователей к простой фиксации «прямых» воздействий массовых коммуникаций на формирование и изменение позиций и ценностей. Эта тенденция, названная Д. Роном «сверхсоциализированной концепцией человека» [72, 184] и предполагавшая взгляд на социального актора как на «культурного остолопа» [18], лежала в основе концепции пассивной манипулируемой аудитории, развивавшейся теоретиками «массового общества» и их последователями.

Более сложные версии лишь слегка ослабляли узы нормативных связей. Например, концепция «использования и удовлетворения» делала больший акцент на активную ориентацию аудитории, направленную на удовлетворение определенных потребностей как в сфере политики, так и вне ее.

Тем не менее источники потребностей и критерии выбора предполагались в рамках данной концепции в качестве нормативных и в принципе неизменных. Теоретически они могли характеризовать свойства «активной аудитории», состоящей из социальных акторов, ведущих переговоры относительно границ и условий использования информации. При этом переговорный процесс не стремится к нарушению консенсуса и культурных правил игры.

Модель «активного воздействия», находившаяся в русле классической западной социологической традиции, пренебрегала такими вопросами, как социальное конструирование значения, переводя эти вопросы, с одной стороны, в сферу технических задач контент-анализа, а с другой, ссылаясь на воспринимаемый как данность социальный контекст. В результате нередко возникала ситуация порочного круга: например, в наиболее прямолинейных теориях «массовой культуры» господство последней узаконивает веру в мощный эффект СМИ, в то время как убеждение в существовании данного эффекта делает правомерным вывод о возрастающей «массификации». При этом вариативность структур значения и проблема разнородности культурных пластов и социальной практики как бы исключались из рассуждения.

Итак, следует признать, что варианты «модели воздействия», даже наиболее прогрессивные, оставляли неизменным взгляд на отношения между обществом и индивидом и, следовательно, между аудиторией и средствами массовой коммуникации. Даже те исследователи, которые отвергали консенсусную модель социального порядка, предлагая вместо нее конфликтный и «манипулятивный мир», в котором господствуют СМИ, контролируемые борющимися политическими группировками, всегда сохраняли концепцию социализированного актора в качестве центральной.

«Модель воздействия» в том виде, в каком она была охарактеризована выше, привлекла внимание к «вредным эффектам» массовых коммуникаций вообще и СМИ в частности. На эти же моменты обратили внимание сторонники традиции «анализа текстов», сформировавшейся как реакция на различные элитарные теории массовой культуры.

Первоначально это направление оформилось на основе противопоставления высокого искусства и утонченной культуры банальной потребительской культуре [4, 58]. В дальнейшем (на рубеже 1950–1960-х гг.) оно было дополнено скрупулезным анализом популярных культурных текстов [67, 47–68]. В дальнейшем к литературным критикам, искусствоведам и культурологам примкнули социологи, разочарованные ограничениями, которыми на них налагала ортодоксальная теория массовых коммуникаций, специалисты по теории образования и др. [29, 62, 70, 71].

Методологическую основу текстового анализа составили структурализм и семиотика как наука, изучающая различные знаковые системы. Воздействие структурализма проявлялось в определенном понимании культурного «текста» путем разработки соответствующей техники анализа и установления «рабочих кодов» в соответствующих «языках». Это был путь, открывающий перспективу подхода к общей теории значения. Греша очевидным формализмом, структуралистский метод уделял особое внимание формальным качествам текстов и меняющимся контекстам, в которых они создавались и «прочитывались».

В методологическом плане основные принципы текстового анализа были сформулированы в рамках «структуралистского марксизма» Л. Альтюссера. Центральное место в нем уделялось идеологии и ее функциям, конституирующим конкретных индивидов в качестве «идеологических субъектов» [5, 160].

Под влиянием альтюссеровской концепции детерминации субъекта идеологическими текстами специалисты, группировавшиеся вокруг «Бирмингемского центра современных исследований», обратились к изучению СМИ с целью выявления роли культуры во взаимодействии «базиса» и «надстройки», стремясь объединить в своем анализе психоанализ Лакана с концепцией гегемонии А. Грамши. Как свидетельствовали работы рубежа 1970–1980-х гг., такого рода теоретический синтез стимулировал не только критическое отношение к традиционным социологическим теориям, но и многообразие поисков в сфере эмпирических исследований [11, 30].

В 1970-е гг. развитие «текстового анализа» совпало с кризисом эмпиризма в его применении к социальным наукам. Разрыв с эмпиризмом стимулировался составившими эпоху трудами Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др., создавшими предпосылки для развития конвенционалистских теорий в области философии науки [17, 45, 46]. Развивавшаяся одновременно с этими теориями реакция против «внешней» и «объективистской» социальной науки, а также параллельное развитие реакции против «внешней» и «объективистской» социальной науки усиливала требование сделать интерпретацию значения в социальном действии центральным пунктом новой методологии исследования массовых коммуникаций. Сосредоточившись на изучении роли артефактов в общественной жизни, обладающих специфическим значением, «текстовый анализ» выдвинул проблему метода в качестве принципиальной. Каким образом можно обосновать истинность «текста» как в узком, так и в более широком социокультурном контексте, не прибегая ни к традиционной ссылке на эмпирическую очевидность, ни к не менее традиционным методам литературной или эстетической критики? Возникшая в качестве ответа на этот вопрос постэмпирическая эпистемология активно использовала, как уже отмечалось выше, семиотику и психоанализ для обоснования принципов верификации новой теории значения.

Однако, начав с утверждения, что любые теории и, следовательно, знание являются социально детерминированными, сторонники этого направления, отбросив инструментальный эмпирический взгляд на теорию как орудие производства знания о действительности, превратили действительность в некую условность. В результате реальность оказалась поглощенной теорией. В рамках такой эпистемологии стало возможным создавать (в воображении, конечно) столько же реальностей, сколько возникло теорий для их объяснения [47, 15–16]. Вследствие этого оказалось невозможным найти критерии различия данных теорий в их отношении к реальному миру. Возникла необходимость заменить конвенционалистский взгляд на теорию как на конституирующую мир перспективу новой концепцией, включавшей в себя и отношения между различными теориями, и взаимодействие последних с феноменальным миром. Фундаментальным в теории текстового анализа является отношение между «обществом» (значение которого интерпретируется различным образом в различных теориях), «текстом» и «читателем». Данное терминологическое трио фокусирует внимание на трех основных сферах: а) производстве, восприятии и потреблении культурных артефактов социальными агентами; б) воздействии

«контекстуальных факторов» на эти процессы; в) той роли, которую эти процессы играют в более обширных социальных и исторических образованиях.

В границах такой ориентации можно выделить две взаимодействующие тенденции. Первая из них подчеркивала воздействие текста на позицию читателей, стремясь доказать, что структура их реакции (отклика) на «тексты» задана ими самими. Как отмечал Г. Тэрнер, «тексты всегда и неудержимо говорят нам, как их следует понимать» [67, 107]. Читатели, следовательно, «включены в идеологию» в зависимости от их «размещения в тексте». Таким образом, текст имеет читателей, «вписанных» в него, предлагая «предпочтительное (предпочитаемое) чтение» [48].

Главную тенденцию такого анализа можно усмотреть в представлении о текстах как об идеологических орудиях, определяющих предмет чтения. Но в таком случае, если тексты функционируют, определяя место читателей в качестве субъектов (культуры, политики, социума и т. д.), у читателей практически остается очень мало возможностей для «маневра» в процессе их интерпретации.

Сторонники данного направления подчеркивали, однако, что «полисемантическая» текста является вполне надежной гарантией против превращения социальных агентов в культурно оболваненных пассивных потребителей. Тем самым отбрасывался альтюссерровский детерминизм. При этом признавалось, что противоречивость и различные уровни свободы в истолковании текста сами по себе являются внутренним свойством полисемантических систем, даже если тексты рассматриваются в их отношении к доминирующему типу культуры [27, 28]. В процессе «декодирования» читатель может воздействовать на сам процесс чтения, может противостоять «предпочтительному чтению», являясь в этом смысле активным социальным агентом.

И все же, даже при наличии интерпретативной свободы, деятельность и воображение действующих индивидов ограничены типом культуры, в рамках которой они проходят процесс социализации. Потребляемые ими тексты не могут с необходимостью программировать их социальную позицию. Существуют возможности сопротивления и «преодоления», заложенные, как уже отмечалось выше, в самой природе полисемантической. Тем не менее окончательно преодолеть влияние идеологии (контролирующее и сдерживающее) невозможно [3, *passim*].

Анализ работ теоретиков «текстового анализа» подводит к мысли, что различия в теориях нередко зависят от того, какой из категориальных пар — «общество — индивид», «идеология — субъект» или «текст — читатель» — отдается предпочтение. В большинстве этих теорий общество воспринимается как система, принуждающая индивида преимущественно посредством идеологии. Это достигается благодаря способности идеологии «конституировать субъектов». По мере конституирования возникает отношение между текстом и читателем при детерминирующей роли первого. Таким образом, процесс чтения создает жизненно важный микромеханизм, при помощи которого осуществляется связь между обществом и индивидом на макроуровне.

В 1980-е гг. вновь были предприняты попытки рассматривать «чтение» как более открытый процесс (взгляд, широко распространенный в постструктуралист-

ских концепциях). Это, в свою очередь, привело к возобновлению интереса к взгляду на аудиторию как на структуру, активно воздействующую на отношение «текст — читатель». Тем не менее в концептуальном плане эти попытки не выходили за пределы дуалистической онтологии, характерной для работ 1970-х гг. Традиционная модель детерминации «общество — идеология — текст» уступила место тезису о творческих возможностях триады «индивид — субъект — читатель» с сильным акцентом на активную роль аудитории.

В известном смысле «текстуальный анализ» развивался параллельно с дискуссиями в современной социологии относительно роли макро- и микроструктур в социально-политических процессах [4, 13, 34, 47 и др.]. Из предшествующего краткого обзора методологии анализа массовых и политических коммуникаций в рамках социологических и культурологических моделей, распространенных в западной науке, становится очевидным, что изучение СМИ как в узком, непосредственном, так и в более общем культурном контексте во многом зависит от статуса теории, которая находится в основе такого изучения. Дискуссии последних тридцати лет выявили серьезные методологические трудности анализа СМИ в рамках традиционной «модели воздействия», хотя данная модель по-прежнему остается популярной, особенно среди теоретиков социалистического и леворадикального направления [8, 47].

Но если «модель воздействия» (как и ряд других моделей в социологии) страдала от ритуального преувеличения эмпирических методов, «текстуальный анализ» страдал от преувеличенного теоретизирования, связанного во многом с конвенционалистской критикой социологического эмпиризма и стремлением выявить относительный характер полученных с его помощью данных.

В настоящее время является несомненным, что многие специфические методы анализа, возникшие в русле обеих традиций, должны играть большую роль в изучении современных СМИ. Количественные данные, систематический анализ исторического материала, психоаналитически и семиотически обоснованные интерпретации текстов, сбор данных о характере их прочтения с помощью интервьюирования, периодические наблюдения за аудиторией — все эти методологические аспекты могут стать существенными элементами для построения теоретической модели анализа СМИ в структуре политических коммуникаций.

Приведенный выше обзор может, на наш взгляд, свидетельствовать также в пользу того мнения, что, несмотря на различия в мировоззренческих позициях, «модель воздействия» и «текстуальный анализ» функционировали в рамках сходной онтологической системы, выдвигая на передний план дуалистические схемы — «индивид и общество», «структура и действие», «текст и читатель» и т. д. Более того, на первой стадии развития обе традиции постоянно склонялись в сторону одного из полюсов биполярной структуры, подчеркивая относительную пассивность индивида как социального агента, которого связывают (посредством социализации, места в идеологической системе, обусловленной текстом субъективности и т. д.) общество, СМИ, язык, текст. Позднее сформировались и новые гипотезы, которые преувеличивали значение «другой стороны», а именно способности индивида действовать автономно. Например,

концепция «использования и удовлетворения», став преемницей традиционной «модели воздействия», выдвинула идею активной аудитории.

Такие альтернативы, конечно, не могут рассматриваться как исключительно ложные. Но, играя роль именно альтернатив, они не могли преодолеть традиционных для них противоречий.

В 1970–1980-е гг. одна из наиболее творческих попыток преодолеть окаменевший дуализм была предпринята английским социологом А. Гидденсом [22–24]. Основная задача, которую он перед собой поставил, заключалась в стремлении разработать новые основания социальной теории для того, чтобы преодолеть традиционные дуалистические дихотомии, отличавшие как «модель воздействия», так и «анализ текста». Сердцевиной проблемы, как полагает Гидденс, является признание учеными всеобщего дуализма «объективизма» и «субъективизма». «Под первым из этих понятий, — отмечал Гидденс, — я подразумеваю ту перспективу в социальной теории, в соответствии с которой социальный объект, т. е. общество, обладает приоритетом над индивидуальным агентом и в которой общественные институты рассматриваются в качестве главного компонента социального анализа. Субъективизм, в сущности, означает противоположность объективизма. В соответствии с его точкой зрения человек как действующее лицо рассматривается как центральный пункт социального анализа» [25, 530].

Альтернатива А. Гидденса — теория структуриации — заключалась в новой концептуальной трактовке этого дуализма в виде «двойственности структуры» (duality of structure), основанной на онтологии, в которой объективное и субъективное, структура и деятельность рассматриваются не как полярные противоположности, но как глубоко взаимосвязанные между собой элементы.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время стало очевидным, что противоположность между объективизмом и субъективизмом была центральным пунктом в социологическом и культурологическом исследовании СМИ. Обе традиции продемонстрировали аналогичное смещение акцентов от первоначального «базового» объективизма в сторону субъективизма. В этом смысле, как нам представляется, подход Гидденса оказался одним из наиболее перспективных вариантов синтеза всего ценного, созданного обеими традициями.

Разумеется, его теоретическая позиция не была единственной. На рубеже 1980–1990-х гг. появились теории, обосновывавшие новые подходы к изучению СМИ в различных культурных контекстах, авторы которых разделяли некоторые положения Гидденса [52, 64, 66].

Итак, А. Гидденс стремился дать новую концептуальную трактовку отношению между структурой и действием без установления приоритета случайности или, наоборот, онтологической причинности при их взаимодействии друг с другом: в общем плане структура и действие всегда предполагают друг друга, но в такой форме, которая не может быть адекватно выражена в рамках традиционного методологического дуализма. Структура — это внешняя принуждающая «сила». Потенциально она всегда является сдерживающей и стимулирующей к действию, так же как язык равным образом ставит ограничения тому, что мы способны сказать, одновременно являясь необходимым условием нашей способности говорить. Обоснование структуры не может быть представлено только

в виде описательной концепции, как это часто представлялось сторонниками применения методов естественных наук в социологии и политологии. Для Гидденса структура наблюдается лишь в своих проявлениях, в определенном образом упорядоченных формах социальной активности, условием и следствием которых она одновременно является. Заимствуя ряд положений у структурализма (правда, с существенными модификациями), он рассматривает структуру как целостность, определяющую структурирующие свойства, «создающую возможность для существования в различных промежутках времени и пространства аналогичных видов социальной практики, поддающихся различению и придающих им “системную” форму» [24, 17].

В свою очередь, деятельность соотносится не с направленными дискретными актами, но с потоком (flow) поведения, совершаемого индивидами. Не являясь целенаправленными, последствия индивидуального поведения (независимо от того, признаются они ли нет) спонтанно воспроизводят структурированные социальные отношения.

Гидденс различает три вида «сознания», которыми индивиды могут обладать в процессе своей деятельности: «1) “дискурсивное сознание”, т. е. самое непосредственное, раскрывающее способность социальных акторов сообщать о своих намерениях, позициях, чувствах и т. д.; 2) на другом полюсе находится “бессознательное” — сфера подавления мотивов и желаний, не артикулируемых самими социальными акторами (и не доступных им непосредственно); 3) между ними находится “практическое сознание”, включающее в себя “все вещи”, относительно которых акторы могут молчаливо предполагать, как они развиваются в контекстах социальной жизни, будучи не в состоянии дать им прямое дискурсивное выражение» [24, XXIII].

Акцент на том, кого А. Гидденс называет «квалифицированным, хорошо осведомленным субъектом» (skilled knowledgeable subject), подводит его к концептуальной формулировке структуры значения, расположенной в первую очередь «в методологическом аппарате, запечатленном (embedded) в практическом сознании рутины повседневной социальной жизни» [25, 538], и тем самым к усилению внимания к роли установившейся практики и шаблонам (routinization).

Естественно, возникает вопрос: каким образом эти новые социологические формулы могут быть применены для обоснования новых принципов исследования СМИ? И в традиционной теории массовых коммуникаций, и в обозначенных выше способах их исследования речь всегда, как правило, шла о специфических видах культурных образований (артефакты, тексты) и социальной практике, связанной с их производством и потреблением. Тексты и соответствующие виды социальной практики являются структурированными, они существуют в пространственно-временной сфере и являются особыми случаями «ситуативной активности людей». Они являются, следовательно, результатами специфических процессов производства и воспроизводства, социальными агентами системных социальных отношений. На самом общем уровне вопрос должен ставиться так: каким образом производятся и воспроизводятся тексты и соответствующие виды социальной практики? Как они соотносятся с производством и воспроизводством других форм общественной деятельности? Создаваемые эвристические

модели должны не просто указывать, как именно идеология принуждает или как аудитория использует свободную игру источников информации. Они должны выявлять механизм, при посредстве которого структура и деятельность постоянно взаимодействуют в процессе идентификации и формирования отношений между сферами, определяющими структуру и многообразие сознания, в котором отражается деятельность.

Таким образом, в процессе создания таких моделей внимание может фокусироваться на практическом осознании индивидами текстовых систем или же на деятельности институтов, создающих эти системы. Разумеется, речь идет только о формировании теоретических принципов, обосновывающих методологию анализа СМИ в политическом процессе. Концепция «практического сознания» А. Гидденса, опирающаяся на очень давнюю, восходящую к Аристотелю, традицию политической и социологической мысли, представляется чрезвычайно важной, поскольку выражаемый ею аспект анализа очень часто оказывался вне сферы внимания при изучении массовых коммуникаций. Способность людей конструировать тексты может быть сравнима только с самим процессом, в результате которого эти значения становятся общими для обширных человеческих групп. СМИ, выступая в сфере политики как коммуникационная система, порождающая специфическую структуру политических текстов и смыслов, должны изучаться с позиций постоянно совершенствуемой методологии.

-
1. *Иголкин А.* Пресса как оружие власти // Ярлыки и мифы, М., 1996.
  2. *Мельник Г. С.* Mass-Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.
  3. *Abercrombie N., Hill S., Turner B.* The Dominant Ideology Thesis. L., 1980.
  4. *Alexander J. C., Giesen B., Munch R., Smelser N. J.* (eds.). The Macro-Micro Linc. Berkeley, 1987.
  5. *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses // L. Althusser. Lenin and Philosophy and Other Essays. L., 1971.
  6. *Bennett W. L.* The Ritualistic and Pragmatic Bases of Political Campaign Discourse // Quarterly Journal of Speech. 1977. № 63. P. 219–138.
  7. *Berelson B.* Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL., 1952.
  8. *Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. Brighton, 1979.
  9. *Blumler J. G., Katz E.* (ed). The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratification's Reseach. Beverly Hills, L., 1974.
  10. *Brody R.* Assessing Presidential Character: The Media, Elite Opinion and Public Support. Stanford, 1991.
  11. *Carey J. W.* Communications as Culture: Essay on Media and Society. Boston, 1989.
  12. *Chaffee S. H.* (ed.): Political Communication. Beverly Hills, 1975.
  13. *Clarc J., Modgil C., Modgil S.* (eds.). Authony Giddens: Consensus and Controversy. L., 1990.
  14. *Debray R.* Cours de mediologie generale. P., 1991.
  15. *Edelman M.* Constructing the Political Spectacle. Chicago, 1988.
  16. *Fan D. P.* Predictions from the Mass Media: Content Analysis and Mathematical Modeling. Westport, CT, 1988.
  17. *Feyerabend P.* Against Method. L., 1975.
  18. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Engelwood Cliffs, N. J., 1967.

19. *Gerbner G., Holsti O. R., Kippendorf K., Paisley W. J., Stone P. J.* (eds.). *The Analysis of Communication Content*. N. Y. ; L. ; Sydney ; Toronto, 1969.
20. *Gerbner G., Gross L.* Living with Television: The Violence Profile // *J. of Communication*. 26(2), 1976. P. 173–199.
21. *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelli N.* Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process // *Perspectives on Media Effects* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, N. Y. ; L., 1986.
22. *Giddens A.* *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. L., 1976.
23. *Giddens A.* *Central Problems in Social Theory: Action Structure and Contradiction in Social Analysis*. L., 1979.
24. *Giddens A.* *The Constitution of Society: Outline of Theory of Structuration*. Cambridge, 1984.
25. *Giddens A.* Action, Subjectivity and the Constitution of Meaning // *Social Research*. 1986. 53. P. 529–545.
26. *Gurevitch M., Blumler J. G.* *Political Communication Systems and Democratic Values // Media Power in Politics*. 3-d Ed. / ed. by Doris A. Graber. Washington, 1994.
27. *Hall S.* *Cultural Studies: Two Paradigms // Media, Culture & Society*. 1980. 2. P. 57–72.
28. *Hall S.* *Encoding / Decoding // Culture, Media, Language* / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe, P. Willis. L., 1980. P. 128–138.
29. *Hall S., Whannel P.* *The Popular Arts*. L., 1964.
30. *Hall S., Hobson D., Lowe A., Willis P.* (eds.). *Culture, Media, Language*. L., 1980.
31. *Hart R. P.* *Verbal Style and the American Presidency*. N. Y., 1984.
32. *Hart R.* *The Sound of Leadership*. Chicago, 1987.
33. *Held D.* *Models of Democracy*. Stanford, 1987.
34. *Held D., Thompson J. B.* (eds.). *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics*. Cambridge, 1989.
35. *Herzog H.* *Professor Quiz: A Gratification Study // Radio Research* / ed. by P. F. Lazarsfeld, F. N. Stanton. N. Y., 1942.
36. *Iyengar S., Lenart S.* *Beyond “Minimal Consequences”: A Survey of Media Political Behavior Annual*. Vol. 2 / ed. Samuel Long. Boulder, CO, 1989.
37. *Jacobs L. R., Shapiro R. Y.* *Toward the Integrated Study of Political Communications, Public Opinion and the Policy-making Process // Political Science & Politics*. Vol. XXV. 1996. № 1, March.
38. *Jamieson K. H.* *Packaging the Presidency: A History and Criticism of Presidential Campaign Advertising*. N. Y., 1984.
39. *Jamieson K. H.* *Dirty Politics*. N. Y., 1992.
40. *Jamieson K. H., Cappella J. N.* *Bridging the Disciplinary Divide // Political Science & Politics*. Vol. XXIX. 1996. 1.
41. *Kernell S.* *Going Public: New Strategies of Presidential Leadership*. Washington, DC, 1986.
42. *Klapper J. T.* *The Effects of Mass Communications*. Glencoe, IL., 1960.
43. *Klapper J. T.* *Mass Communication Research: An Old Road Resurveyed // Public Opinion Quarterly*. 1963. № 27. P. 515–527.
44. *Kraus S., Davis, D.* *The Effects of Mass Communication on Political Behavior*. University Park, PA, 1976.
45. *Kuhn T.* *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago ; L., 1962.
46. *Lakatos I.* *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programs // I. Lakatos and A. Musgrave (eds.). Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge, 1970.
47. *Lovell I.* *Pictures of Reality: Aesthetics, Politics and Pleasure*. L., 1980.
48. *MacCabe C.* *Realism and the Cinema: Notes on Some Brechtian Theses // Screen*. 1974. 15 (2). P. 7–27.

49. *Mc Combs M., Shaw D.* The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press. St. Paul, MN, 1977.
50. *Mc Quail D.* Mass Communication Theory. L., 1987.
51. *Miller W., Goldenberg E. N.* and Erlbing, L. Typ-Set Politics: Impact of Newspapers on Public Confidence // *American Political Science Review.* 1979. 73. P. 67–82.
52. *Murdock G.* Critical Inquiry and Audience Activity // *Rethinking Communication.* Vol. 2. Paradigm Exemplars / ed. by B. Dervin, L. Grossberg, B. J. O'Keefe, E. Wartella. L., 1989. P. 226–249.
53. *Page B. I., Shapiro R. Y.* The Rational Public. Chicago, 1992.
54. *Page B. I., Shapiro R. Y., Dempsey G. R.* What Moves Public Opinion // *American Political Science Review.* 1987. 81. March.
55. *Patterson Th.* Out of Order. N. Y., 1993.
56. *Poll I. de Sola (ed.).* Trends in Content Analysis. Urbana, IL., 1959.
57. *Schulz W.* One Campaign or Nine // *Communicating to Voters: The Role of Television in the First European Parliamentary Elections* / ed. by J. G. Blumler. Beverly Hills, Calif., 1983.
58. *Shils E.* Mass Society and its Culture // *Culture for Millions?* / ed. by N. Jacobs. Princeton ; N. Y., 1961.
59. *Shramm W.* The Nature of Communication between Human // *The Process and Effect of Mass Media.* Urbana, 1971.
60. *Signorelli N., Morgan M.* Cultivation Analysis: New Directions in Media Effects Research. Newbury Park ; L. ; New Dehli, 1990.
61. *Suchman E.* An Invitation to Music // *Radio Reseach* / ed. by P. F. Lazarsfeld, F. N. Stanton. N. Y., 1942.
62. *Thompson D. (ed.).* Discrimination and Popular Culture. Harmondsworth, 1964.
63. *Thorson E., Christ W. G., Caywood Cl.* Effects of Issue-Image Strategies, Attack and Support Appeals, Music and Visual Content in Political Commercials // *J. of Broadcasting and Electronic Media.* 1991. 35. P. 465–486.
64. *Tudor A.* Monsters and Mad Scientists: A Cultural History of the Horror Movie. Oxford, Cambridge, MA., 1989.
65. *Tudor A.* Culture, Mass Communication and Social Agency & Society. Vol. 12. L. ; Thousand Oaks ; New Dehli, 1995.
66. *Tulloch J.* Television Drama: Agency, Audience and Myth. L. ; N. Y., 1990.
67. *Turner G.* British Cultural Studies. Boston, 1990.
68. *Wilson T. P.* Normative and Interpretative Paradigms in Sociology // *Understanding Everyday Life* / ed. by J. D. Douglas. L., 1971.
69. *Wolfe K. M., Fiske M.* Why Children Read Comics // *Communication Research* / ed. by P. F. Lazarsfeld, F. N. Stanton. N. Y., 1949.
70. *Wood R.* Hitchcock's Films. L., 1965.
71. *Wood R.* Howard Hawks. L., 1968.
72. *Wrong D. H.* The Oversocialised Conception of Man in Modern Sociology // *American Sociological Review.* 26. 1961. P. 183–193.
73. *Zaller J. R.* The Nature and Origins of Mass Opinion. N. Y., 1992.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 070.431.2 + 316.77 + 32.019.5

G. Simons

THE DEATH OF THE FOURTH ESTATE: CORPORATE MEDIA AND NEWS PRODUCTION

The notion of the fourth estate is the ideological foundation of journalism in the West. It implies that journalism is something that fulfils and supports the public interest, and acts as an independent check and balance against the excesses of the state. However, changes in the news production cycle and process and ownership have seen the destruction of the fourth estate in practice. This paper accounts for some of the reasons why the fourth estate cannot be considered as being a functioning mechanism in the current times.

Key words: fourth estate, journalism, news, Western media, corporate media, public relations, decline of journalism.

Introduction

The notion of the fourth estate is critical to Western journalism and forms a cornerstone of the espoused guiding ideology. As such, this places journalism and news as critical elements in society by informing and protecting the public interest. This is the ideal setting for the way journalism and news should be formed and their roles in society. However, currently the ideal is very far from being a reality. It is not uncommon to hear academics say that the fourth estate is dead or at least on life support.

It is the intention of this article to investigate the 'ideal' nature of journalism and news within a liberal media system. Then to study those elements that have a tendency to undermine those ideal values and states of being. What are the internal transformations within the news production system of mass media outlets that harm or affect their ability to discharge their fourth estate role? Most of the cases drawn for this article are from the English language and Anglo-Saxon dominated information environments.

As an initial point of departure, the nature and role of journalism and news are discussed. This shifts to the significance of historical key driving ideological factors that shaped and acted upon journalism in the West. The next section shall discuss those factors that have had an adverse impact upon the 'sacred' values that are enshrined in the notion of the fourth estate and journalism in its ideal profession. The final point to be discussed is the consequences for mass media and journalists for straying from their historically defined path and role in society.

Journalism: What is in a Word?

The exact meaning of words are potentially a very delicate, contested and at times, divisive. This relates to their properties to convey or usurp legitimacy or to give a sense of credibility or to influence the way an intended audience is to think

and react. What is 'legitimate' and 'common knowledge' for one group may not be so for another. Hence conflict may arise over the precise definition and therefore meaning of words. Denis McQuail [25, 561] gives a clear definition of journalism.

Literally taken, this refers to the product or the work of professional 'news people'. As product it typically means informational reports of recent or current events of interest to the public. In this sense, journalism is another word for 'news', with its many typical and familiar features, especially the aim of being up to date, relevant, credible and interesting to a chosen audience.

A number of points emerge from McQuail's definition, which entangle journalism and news production. One of the major points is that journalism is to serve public interest with accurate, relevant and reliable information. These very points are also stressed by other authors, such as Ettema and Glasser [12], Berry [7], Fitzgerald and Housley [14] and Allan [2]. The importance of journalism and the written word was stressed by Walter Lippmann [22], when he argues that the public learn about politics and society not necessarily from their own experience, but more likely by words written by others.

However, when news production and journalism are not objective and serving the public interest, it can be a vehicle for influencing target publics. The situation that transpires in this case is that hidden select interests are served by the power, real or imagined, of the mass media. Herman and Chomsky [18] discuss the role of mass media in creating a desired effect through influencing public opinion within the frame of their propaganda model. Bennett, Lawrence and Livingston [6] provide a number of case studies, including building the case for the 2003 invasion of Iraq, when the mass media failed to protect public interest and worked actively for a narrow set of political and economic interests. One of the threats identified in terms of narrowing the pluralism of views and opinions is the concentration of mass media ownership into fewer and often corporate hands that tends to aid the control of news flows [4, 11].

Historical Backgrounds of Western Journalism

In the Western ideological setting of journalism, the concept of the Fourth Estate is rhetorically held as being sacred and a driving force of journalism. In the late 18th Century, Edmund Burke coined the term Fourth Estate: "in this model the journalistic media are also watchdogs, comprising in their collective function a 'fourth estate': an independent institutional source of political and cultural power which monitors and scrutinises the actions of the powerful in other spheres" [24, 19–20]. This gives journalism and journalists a sense of legitimacy and moral ascendancy in society.

In keeping with their 'sacred' role Bill Kovach and Tom Rosenstiel [21, 5–6] list the elements of journalism, which gives a utopian understanding of what journalism should look like from the Western understanding of its development.

1. Journalism's first obligation is to the truth
2. Its first loyalty is to the citizens
3. Its essence is a discipline of verification

4. Its practitioners must maintain an independence from those they cover
5. It must serve as an independent monitor of power
6. It must provide a forum for public criticism and compromise
7. It must strive to make the significant interesting and relevant
8. It must keep the news comprehensive and in proportion
9. Its practitioners have an obligation to exercise their personal conscience
10. Citizens, too, have rights and responsibilities when it comes to the news

The journalists assumption that in order to remain 'objective' there needs to be some kind of emotional distance or remoteness from the event, may actually prove to be an additional disadvantage on occasion too. This form of self-imposed isolation may also incur some kind of remoteness from grassroots issue concerns and attitudes to those issues, which in effect can isolate a media outlet from its consumer base (readers, listeners and viewers). A lack of empathy on the part of the journalist towards the plight of those being covered in the news (in case of some sort of emergency, disaster or crisis) may be perceived by the community as well. Thereby they are erecting a wall between professional ethics on the one hand and basic human emotions on the other.

How journalists see their professional mission also has an impact on the way they set about engaging in their work. The mass media is the source from which the public 'experiences' events that occur remotely, in a physical sense from their lives, and which they may not normally witness otherwise. If the ability to gain information on an event is difficult to source, for any number of reasons, an impact is exerted by the nature (or lack) of information that is acquired. The mass media, especially in the late 20th century, have come to be viewed as being an all-powerful influence on society.

"As the late twentieth century history of moral panics and food scares demonstrates, the journalistic media have become steadily more important as 'reality defining' institutions. They have become synonymous with the public sphere — that intermediate zone between governors and the governed where public opinion is formed and reformed. The journalistic media are the main source of our information about politics and public affairs in general as well as setting the agenda. Politicians and public organisations — social actors in general — have gradually come to understand this and adapt their organisations and practices accordingly" [24, 55].

This potential power has not gone unnoticed by those seeking to influence the news content and agenda. In the United States one of the noted trends that are occurring is the establishment (bankrolling) of start-up news organisations around the country by conservative groups. These news organisations are aggressive in their coverage of government and politics, which comes precisely at the time when newspapers are cutting back their statehouse bureaus. The new news organisations almost exclusively use the internet and appear (visually) like traditional news media outlets. On the political level, this type of journalism is viewed with scepticism and organisations that issue press credentials for statehouse reporters have denied some of the outlets membership. This decision is motivated by citing their links to pressure groups [26].

Death of the Fourth Estate

An important point that is brought out in this quote is the aspect that mass media can act as a 'bridge' between the authorities and the public. The exact way that the mass media goes about acting as a 'bridge' is determined by a number of different factors. Those who bring the public the news are an important factor in the news production cycle. Journalists are influenced by the environment in which they work, the influences being drawn from the nature of their profession, their workplace and an individual journalist's particular world view. Brian McNair highlighted the importance of journalists in the frame of the nature of the effects upon communication.

"Journalism, therefore, like any other narrative which is the work of human agency, is essentially ideological – a communicative vehicle for the transmission to an audience (intentionally or otherwise) not just of facts but of the assumptions, attitudes, beliefs and values of its maker(s), drawn from and expressive of a particular world-view" [24, 6].

The effect of the human element upon the news production process is an important one to consider, and it is likely to ensure that the utopian ideal of 'truly' objective news is unlikely to be reached. Therefore a question that should be asked is high quality news needed in order for a citizen to be adequately informed and to make sound judgements based upon that information? If this good quality news is absent from mass media, does this mean that this adversely affects the public from making the appropriate decisions?

A number of studies have shown that newspaper content has serious concerns about its quality. The University of Technology in Sydney, Australia conducted a six month survey of content of ten newspapers, seven of which were owned by Rupert Murdoch's *News Corporation*. The aim of the study was to gauge the level that Australia's major newspapers relied on PR to generate stories. Some 2203 articles were analysed over a five day period.

- Nearly 55 per cent of the stories were initiated by public relations;
- More than 24 per cent of stories "had no significant extra perspective, source or content added by reporters";
- 70 per cent of the Daily Telegraph (Murdoch owned) stories were PR driven, the worst performer;
- 42 per cent of the Sydney Morning Herald (Fairfax) content was PR driven, the best performer [34].

These findings, albeit for a period of one week only, reveal a dismal performance of Australian newspaper journalism, some relying heavily on sources that have a vested interest. This raises an important point and question, is this case an isolated one? Other studies of this nature have been conducted. One of them was done by Nick Davies of Cardiff University (in research for his book *Flat Earth News* from 2008). The origins of some 2000 UK news stories from five newspapers were surveyed by Davies and his team.

- 12 per cent of stories were wholly composed of material researched by reporters;
- 8 per cent of stories, the origin was not certain;

- 80 per cent of stories were found to be wholly, mainly or partially written from second hand material, provided by news agencies or the PR industry;
- 12 per cent of news stories had evidence of the facts being thoroughly checked [34].

These studies show that there is a likelihood that the poor standards of journalism are not isolated cases, which paints a worrying picture in terms of the role being played by mass media in society. One line of argument exists that if there is at least some access to good quality information, and blanket coverage of poor information does not exist, the public should still be able to make well-informed decisions [9, 17, 20]. However, this line of thinking implies that the audience in question possesses a sufficient degree of media literacy to know when the quality of news is poor and where to look for alternative (good quality) sources.

It is not just the use and reliance on information provided by PR agencies and other sources that have a vested interest in releasing that particular information. There is an increasing tendency to rely on the use of a narrow group of pundits in order to generate opinions. However, in doing this the effect is that mass media tends to generate more opinions than facts. Jeri Karcey, a Republican from Ashland (Oregon) characterised the problem further down the news production track. “It is never what they are saying that is the problem. It is what they are not saying. That is where the lack of balance comes in. It is distortion by omission” [1]. Thus the issue of censorship through omitting alternative views and information may also be a problem, although a less obvious one to an external observer.

Within the traditions of the Western Liberal Press theory is the idea of the Fourth Estate, which is meant to (ideally) be the check and balance of the executive, legislative and judicial power. However, there is a rich supply of cases that demonstrate that those checks and balances are replaced by collusion between key figures in the mass media and politics. One of the influential media figures is Roger Ailes, the head of *Fox News*, which is part of Rupert Murdoch’s *News Corporation*. In an interview with *The New York Times Magazine* in 2008, President Barack Obama said that the so-called Fox Effect had cost him two to three points in the polls. In another case, a Republican candidate in the 23rd Congressional District in upstate New York withdrew after an independent candidate was endorsed by *Fox News* [8]. This demonstrates the potential of those in the mass media to use its potential to shape the political landscape, according to their particular tastes and interests.

One of the assumptions to be held is that the corporate owners of mass media assets are much more interested in money (profit making) than in ideology. However, this is not necessarily the case, especially when the long-term perspective is considered over the short-term one. Rupert Murdoch of News Corporation has supported a number of leading political figures, including Margaret Thatcher and Tony Blair, helping in shaping opinion and political ideas in Australia, United Kingdom and the United States.

Murdoch’s media assets supported free market thinking, and in the past newspapers such as the *New York Post*, *London Times* and *The Australian* lost millions of dollars (US\$) in supporting this position. He was once attributed to having we said that

those in the media business are “ruled by ideas”. *The Weekly Standard*, like its owner Rupert Murdoch, was a strong supporter of President G. W. Bush and the 2003 invasion of Iraq. The magazine received an annual subsidy of US\$1 million per year (corporation revenue was US\$32 billion), and Murdoch’s speech writer, Bill McGurn was also Bush’s chief speech writer [23]. This situation demonstrates that a union between politics, business and media is not only feasible, but a reality.

The above mentioned situation has a flow on effect on the public’s consumption of mass media output. A survey in 2010 found that 92 per cent of Americans get their daily news from multiple sources. The Project for Excellence in Journalism report rated the internet as the third most popular news medium. Local and national television topped the list, newspapers and radio broadcasts trailed the internet. Some 59 per cent of respondents get their news from both on-line and off-line sources. Only seven per cent relied solely on either the internet or local television as their news source. Interestingly enough, some 69 per cent of respondents consider it their social or civic obligation to get the news. This survey also found an attitude towards news organisations. 63 per cent consider that news organisations do a good job covering subjects that matter. However, 72 per cent think that news sources today are biased in their coverage [28].

Media outlets are beginning to position themselves in order to adapt to the new age of news gathering and production. Among the outlets that have announced structural and procedural changes designed to evolve to the new news environment is AOL. In December 2009 AOL launched *Seed.com*, which is aimed at grooming freelance writers to cover a diverse range of subjects and interests. Saul Hansell, Programming Director at *Seed* said that “AOL is repositioning itself as a news and information company” [9]. The motivation for using this particular model of operation seems to be its cost effective means (as opposed to the establishment of an off-line/traditional media operation) of entering the news business.

The ability of a frank and open debate is for the most part not possible in the mainstream mass media. There is a tendency to ‘weed-out’ views that do not conform to the media outlet in question. To illustrate this point I shall use an example from Sweden. In terms of freedom of speech and freedom of press, Sweden consistently ranks in the top countries [31]. This means that there is little or no state interference in the content of the mass media.

Yet censorship still does exist. A debate article appeared in the Swedish newspaper *Expressen* [13], which concerned the Latvian economic crisis and the Swedish bank *Swedbank*. Perhaps the most interesting part of this article is the reader comments. Some of which included (paraphrased): Sweden had given Latvia a firm lesson in capitalism, that Latvians were irresponsible and another comment that all three Baltic States should be expelled from the European Union. I wrote a comment that pointed that Sweden is not really in a position to be giving lessons in capitalism, that Swedbank is facing a very difficult period in its eastern markets (such as Latvia and Ukraine), and spending beyond one’s means is far from a solely Latvian phenomenon. This was posted, but within 24 hours was removed. This hints at the role in censorship that is played by the mass media themselves, in a country where freedom of speech is supposedly cherished.

However, even within the EU member states there have been a number of attempts by governments to muzzle free speech, at times this is simultaneously running with the rhetoric of nourishing the idea of freedom. A number of different mechanisms are being considered or tried to 'reign in' troublesome journalists. A selected list of some of these means include:

– Just prior to assuming the rotating EU presidency in 2011, the Hungarian government introduced a new media law that greatly increased state powers in monitoring and penalising the media. This received heavy criticism from fellow EU member states, which is rare. The law has been slightly revised, but is still heavily criticised [20].

– Romanian broadcast laws have been amended six times in the last year, with up to 40 per cent of broadcast time reserved for the national news agency. The parliament is also debating the imposition of annual psychiatric controls for journalists.

– In France a fall in readership and a recent wave of newspaper/TV takeovers has been said to threaten the independence of some of the country's most established media outlets. *Le Monde* also accused the French presidency of ordering counter-intelligence agents the source that leaked information to the newspaper.

– The law restricting media ownership concentration in Italy is due to expire, which would allow the embattled Prime Minister Berlusconi to increase his media empire.

– The Bulgarian government is considering introducing a new media law. There has also been widespread wiretapping of journalists, and an improper investigation of a recent bomb explosion at the headquarters of the magazine *Galeria* in Sofia [35].

The Fourth Estate and the Crisis of Legitimacy

Concern over the decline in the standards of journalism has reached the point in the European Union (EU) when the European Federation of Journalists (representing unions in 24 countries) has called for the EU to back journalism as a 'public good.' Arne König, the President of the European Federation of Journalists (EFJ) characterised the 'spiral of decline' as being due to economic factors. He sees the decline as being a significant threat. "A toxic mix of editorial cuts, precarious working conditions and unethical journalism has created a spiral of decline for media and democracy in Europe." The hardest hit sectors of journalism due to the economic hard times are editing, investigative and specialist news reporting. The union has gone as far as to call for protection and funding from the EU, putting part of the blame with policy makers. Secretary General of the EFJ stated that "EU policy makers have not done enough to protect standards, to protect ethical journalism" [30]. However, this raises a number of questions on the relationship between the state and the mass media when public funding of private business is proposed. Not the least of which is editorial independence of the mass media versus journalistic transparency and accountability to the European taxpayer.

Some two years prior to this event, on 3 October 2008 the Council of Europe past Resolution 1636 on indicators for media in a democracy. Resolution 1636 puts a focus on the role of freedom of information and expression in the media being

a crucial element for democracy. It is stated in 1636 that “public participation in the democratic decision-making process requires that the public is well-informed and has the possibility of freely discussing different opinions.” There is a list of some 27 basic principles in the document. The third principle states that “media ownership and economic influence over media must be made transparent” [10]. This implies that journalism is in serious crisis, especially regarding its capacity to act as an effective and functioning Fourth Estate, otherwise there would be no need for such a proposal to be lobbied. Interestingly, the links between the crisis of journalism and the crisis of democracy being interwoven is not a new one. Walter Lippmann [22, 5] wrote about the same problem over 90 years ago!

Increasingly they (the public) are baffled because the facts are not available; they are wondering whether government by consent can survive at a time when the manufacture of consent is an unregulated private enterprise. For in an exact sense the present crisis of Western democracy is a crisis in journalism.

Journalists still stick to their mantra as being a fourth estate, and therefore entitled to certain rights and privileges as the public guardian. However, their work that is broadcast and published seems to undermine this notion that they are an independent monitor of power. One need only look at the reader comments on corporate mass media material that has been published on the internet to understand the public’s distrust and suspicion of journalism. Various polls and reports back up this observation.

“More evidence of public disapproval concerning Europe’s media in general is contained in a poll published in early 2008 by Comres. It polled a range of people working in public affairs, and found that 73 % of respondents believed that journalists regularly sensationalise issues rather than reporting them for their inherent worth. As many as 22 % also said they trusted journalists «not at all»” [19].

This is a worrying figure for a profession that projects its image as a guardian of public interest, when public trust is this low in them as a profession. Other polls and surveys tend to support a low level of trust in journalists, which is decreasing over time. *YouGov* has been conducting surveys for Prospect Magazine since 2003, which have shown a remarkable slide in trust across the types of media (TV and newspapers). For instance, trust in ITV journalists fell from over 80 per cent in 2003 to 33 per cent in 2010. The trust in BBC journalists dropped from 81–60 per cent over the same period. The Times, Daily Telegraph and the Guardian lost 24 points over this period. The Sun, Daily Mirror and Daily Star fell from 14–10 per cent [16]. This drop has occurred under circumstances of ‘normal’ conditions, the effect of an extraordinary event can exercise a very powerful effect upon the issue of public trust that is linked to perception of an event. The News of the World hacking scandal in the UK saw a drop in the trust of national newspapers, broadsheet and tabloid, by 25 points.

“The public, however, do not appear to have made this distinction. Trust in tabloid journalists (asked by referring to ‘journalist in newspapers such as The Sun, The Mirror or the Daily Star’) has similarly fallen by around a quarter, although as this is from a much, much lower starting point the absolute change is relatively small” [32].

Although this particular story was carried by a broadsheet newspaper, exposing the misdeeds of tabloid newspaper, all newspapers suffered as a result of the scandal.

There seems to be, as is noted in the quoted text, a lack of distinction or differentiation between different styles of journalism, even within the relatively narrow strata of media as national newspapers. But does a lack of trust in journalists equate to a lack of trust in media and news?

A 2006 Trust in the Media poll revealed among the ten countries surveyed (UK, USA, Brazil, Egypt, Germany, India, Indonesia, Nigeria, Russia and South Korea) that people tended to trust media more than their governments, with the exceptions of the UK and USA. Of the 10230 adults interviewed, one in four (28 per cent) had abandoned a media source over the last year after losing trust in its content. Some 57 per cent also believed that the government interfered too much with the media. Trust in media in the UK had increased from 29 per cent in 2002 to 47 per cent in 2006 [5].

In the US there has been a gradual downward trend in public trust in the media. Some 57 per cent of respondents say that they have little or no trust in the mass media to report the news fully, accurately and fairly. The main concern/complaint was that media were considered as being too liberal (48 per cent). 63 per cent of respondents perceived a bias of some sort [27]. The annual Pew Centre poll in 2011 revealed a series of negative perceptions about journalists.

- 72 per cent believe that journalists try to cover up their mistakes when they get something wrong.

- 57 per cent believe that journalists are professional.

- 68 per cent think that they care about the quality of their work.

- 63 per cent believe reporters are “politically biased in their reporting.”

But seemingly paradoxically there is a reasonable level of trust in the news, even if journalists are not trusted.

- 69 per cent said that they trust information in local media outlets a lot or some.

- 59 per cent said that they have a lot or some trust in national media outlets [3].

The poll shows an interesting result insofar as people seem to trust information appearing in media outlets, but not the people that produced that news. A number of reasons and excuses have been set forth to try and explain some of the apparent failings of the mass media. For example, Nik Gowing [15] places the blame on ‘the tyranny’ of deadlines. That information flows are shifting much faster currently than ever before, added to this is the competition to be the first to break the story. This is to be fast, but not necessarily accurate.

However, other factors are also at play. Not least of which is how news should be produced, the nature and format of it. Previously, news was considered to serve to inform the public to enable them to make informed decisions. This entailed an analytical approach and format to explaining the pros and cons of the subject or object at hand. Under the current conditions this has shifted to a more entertaining format, infotainment, in order to keep the news consumer tuned in. But this has the effect of making the format descriptive and not suitable for creating the environment where informed decisions can be made [33, 1].

Conclusion

Traditional mass media have been undergoing a number of fundamental changes in the way that they operate as a business and in the production of news [29]. The concentration of mass media ownership and changes in the production of news (including the use of the infotainment format) does little in the way of protecting public interest. What may be uttered rhetorically by journalists as being in the public interest can in fact be remote from the actual situation. Underlying interests need to be taken into account, hence the lobbying and trying to get the EU to declare journalism as a public good, thereby bringing a greater sense of transparency and accountability is particularly revealing about the current absence of these aspects.

This gap between the idealised role and goals of journalism and the actual situation are growing, which may account for the exodus of subscribers to mass media products. There is an increasing gulf between what the public expect from journalism and what they receive. This has left many in the mass media industry questioning why this trend increases each year, in terms of traditional mass media products losing their market share, but without really questioning if it is something linked to the increasingly alienation from the public's concerns and interests.

The list of elements of journalism by Kovach and Rosenstiel seems to be a historical note now, especially judging by the manner and means in which news is currently produced by the corporate press. This transformation for the worst seems to be a reflection of changes in the news production process that has a faster pace and is now 24/7. Given the increased competition among news media, the temptation is to be first to break the story for some perceived temporary market advantage. There is also evidence that news is also selected or omitted based upon the interests of the corporate owners, who may have close ties to the political establishment. These situations serve to undermine the basis of accurate and informative news that is designed to make a better informed citizen who is more capable of making good decisions. Instead the situation suggests that mass media are serving the role of influencers of public opinion, not to serve the interests of the public, but a narrow few in the elite political and business circles.

---

1. *Achen P.* Goodman Calls for More Thorough Journalism: Author, TV and Radio Host Laments Skewed Media Coverage of Health-Care and US Involved Wars, *The Mail Tribune* [Electronic resource]. URL: <http://www.mailtribune.com/apps/pbcs.dll/article?AID=/20091123/NEWS/911230319>, 23 November 2009 (accessed 27 November 2009).

2. *Allan S.* *News Culture*, Buckingham, Open University Press, 2001.

3. *Alvarez A.* Poll Shows Public Opinion of Media at an All-Time Low, But Americans Still Trust the News, *Mediaite* [Electronic resource]. URL: <http://www.mediaite.com/online/poll-shows-public-opinion-of-media-at-an-all-time-low-but-americans-still-trust-the-news/>, 23 September 2011 (accessed 23 October 2011).

4. *Baker C. E.* *Media Concentration and Democracy: Why Ownership Matters*. N. Y., 2007.

5. BBC / Reuters / Media Centre Poll: Trust in the Media [Electronic resource]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/02_05_06mediatrust.pdf, 2 May 2006 (accessed 24 October 2011).

6. *Bennett W. L., Lawrence R. G. & Livingston S.* When the Press Fails: Political Power and the News Media From Iraq to Katrina. Chicago, 2007.
7. *Berry D.* Journalism, Ethics and Society, Farnham, Ashgate, 2008.
8. *Carr D., Arango T.* A Fox Chief at the Pinnacle of Media and Politics // The New York Times [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2010/01/10/business/media/10ailes.html?ref=roger_e_ailes, 9 January 2010 (accessed 18 January 2010).
9. *Chapman G.* AOL Plants Seed for Internet Age News Operation // Google.com [Electronic resource]. URL: <http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5iNFc9ltJnZFBCKUuk7gHZ9KN4w>, 16 March 2010 (accessed 23 March 2010).
10. Council of Europe Passes Resolution on Indicators for Media in a Democracy // Press Release, Article 19 in IFEX [Electronic resource]. URL: http://www.ifex.org/international/2008/10/09/council_of_europe_passes_resolution/, 9 October 2008 (accessed 12 October 2008).
11. *DiMaggio A. R.* Mass Media, Mass Propaganda: Examining the American News in the "War on Terror", Lanham (MD), Lexington Books, 2009.
12. *Ettema J. S., Glasser T. L.* Custodians of Conscience: Investigative Journalism and Public Virtue. N. Y., 1998.
13. Expressen [Electronic resource]. URL: <http://www.expressen.se/debatt/1.1736069/sluta-plaga-oss-letter-sverige> (accessed 23 October 2011).
14. *Fitzgerald R., Housley W.* (editors), Media, Policy and Interaction. Farnham, Ashgate, 2009.
15. *Gowing N.* 'Skyful of Lies' and Black Swans: The New Tyranny of Shifting Information Power in Crises. Oxford, 2009.
16. *Greenslade R.* Public Trust in Journalists Declines Still Further, Greenslade Blog // The Guardian [Electronic resource]. URL: <http://www.guardian.co.uk/media/greenslade/2010/sep/23/newspapers-dailyletgraph>, 23 September 2010 (accessed 23 October 2011).
17. *Gripsrud J.* Understanding Media Culture. L., 2002.
18. *Herman E. S., Chomsky N.* Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N. Y., 2002.
19. *Horsley W.* Public Trust in Media: Why is it Declining? // Report for the Association of European Journalists, Linz, November 2008. P. 3-4.
20. Hungary's New Media Law Puts EU Presidency in Doubt // The Telegraph [Electronic resource]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/hungary/8220836/Hungarys-new-media-law-puts-EU-presidency-in-doubt.html>, 23 December 2010 (accessed 13 March 2011).
21. *Kovach B., Rosenstiel T.* The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. N. Y., 2007.
22. *Lippmann W.* Liberty and the News. N. Y., 1920.
23. *McKnight D.* Philosophy Papers // The Sydney Morning Herald [Electronic resource]. URL: www.smh.com.au/articles/2008/11/07/1225561136700.html, 8 November 2008 (accessed 20 November 2008).
24. *McNair B.* The Sociology of Journalism. L., 2004.
25. *McQuail D.* McQuail's Mass Communication Theory, 6th Edition, L., 2010.
26. *Miller J.* News Sites Funded by Think Tanks take Root // Associated Press in The Daily Herald [Electronic resource]. URL: <http://www.dailyherald.com/story/?id=372982&src=109>, 13 April 2010 (accessed 16 April 2010).
27. *Morales L.* Distrust in US Media Edges Up to Record High // Gallup [Electronic resource]. URL: <http://www.gallup.com/poll/143267/distrust-media-edges-record-high.aspx>, 29 September 2010 (accessed 23 October 2011).
28. *Ngo D.* Internet Changes News Consumption Landscape // CNET News [Electronic resource]. URL: http://news.cnet.com/8301-1023_3-10460854-93.html, 1 March 2010 (accessed 1 March 2010).
29. OECD, Working Party on the Information Economy // The Evolution of the News and Internet. DSTI/ICCP(2009)14FINAL, 11 June 2010.

30. *Phillips L.* European Reporters' Unions Want EU to Back Journalism as 'Public Good' // EU Observer [Electronic resource]. URL: <http://euobserver.com/9/29899>, 20 April 2010 (accessed 21 April 2010).

31. Reporters without borders for freedom of information. [Electronic resource]. URL: <http://www.rsf.org/en-classement1003-2009.html> (accessed 23 October 2011).

32. *Staff Writer Trust in Newspaper Journalists Falls by 25 per cent Says Report* // The Drum [Electronic resource]. URL: <http://www.thedrum.co.uk/news/2011/09/21/trust-newspaper-journalists-falls-25-says-report>, 21 September 2011 (accessed 23 October 2011).

33. *Thussu D. K.* News as Entertainment: The Rise of Global Infotainment. L., 2009.

34. *Townend J.* More Than Half Australian Newspaper Content is PR-led // Says Six Month Study, Journalism.co.uk [Electronic resource]. URL: www.journalism.co.uk/2/articles/537932.php, 16 March 2010 (accessed 23 March 2010). To see the study go to: www.crikey.com.au/topic/spining-the-media/.

35. *Willis A.* MEPs Take Note of Attacks on EU Press Freedom // EU Observer.com [Electronic resource]. URL: <http://euobserver.com/?aid=31917>, 3 March 2011 (accessed 11 March 2011).

Г. Саймонс

КОНЧИНА «ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ»: СМИ И СОЗДАНИЕ НОВОСТЕЙ

Одно из главенствующих суждений, бытующих на Западе в отношении журналистики, сводится к тому, что она противостоит злоупотреблениям со стороны исполнительной и законодательной власти, а также несовершенств правовой системы. Принято считать, что СМИ являются так называемой «четвертой властью», которая обеспечивает выражение общественного интереса, предоставляя объективную информацию. И хотя само словосочетание «четвертая власть» используется повсеместно как образ, бытует мнение, что журналисты все-таки способны обеспечить законность и гражданские права своих граждан.

Журналистика между тем основывается на целом ряде обязательных и устойчивых правил. Одно из них сводится к тому, чтобы фиксировать социально значимые ситуации и проблемы в жизни общества. Однако в последние десятилетия происходило последовательное снижение этой профессиональной планки.

Кризисное состояние профессии обнаруживало себя и много раньше (о чем писал У. Липпман в своей книге «Общественное мнение» еще в 1920-е гг.), вместе с тем современные СМИ, похоже, уже окончательно перестают быть «стражами» общественных интересов.

В настоящее время существуют организации и отдельные люди, которые злоупотребляют возможностями СМИ, видя в них источники удовлетворения не общественно значимых, а в первую очередь личных интересов. Они воспринимают СМИ и как инструменты реализации определенной политики. Эту тенденцию подмечают сегодня многие исследователи массмедиа. Примером тому становятся США: официальные лица этой страны сегодня нередко «эксплуатируют» СМИ с целью проведения определенной политики, в действительности отстраненной от общественных интересов.

Можно отметить целый ряд факторов, способствовавших утрате независимости журналистики в западных странах. Один из них определяется концентрацией СМИ в руках все меньшего числа собственников. Это снижает уровень плюрализма, поскольку СМИ вынуждены отображать только те взгляды, которые не расходятся со взглядами их владельцев. Отмеченная ситуация приводит к тому, что массовая информация становится ангажированной и выражает узкополитические интересы. Потребности общества, таким образом, становятся подчиненными потребностям политической и экономической элиты.

Отсюда и сами СМИ перестают быть источниками взвешенных и объективных сообщений, что существенно меняет саму природу информационного процесса. При этом медиакорпорации сегодня озабочены извлечением прибыли, что приводит к снижению журналистских стандартов в процессе распространения массовой информации. К этому можно добавить и частое стремление современных СМИ пользоваться пресс-релизами как основными источниками для формирования своей информационной политики. Одновременно новости все чаще носят развлекательный, нежели информативный характер. В складывающихся условиях массовая информация все меньше претендует на то, чтобы быть основой для принятия обществом взвешенных решений.

В итоге СМИ перестают быть источником создания и распространения «общественного блага». Нельзя сказать, будто они совсем перестают влиять на людей, но вписанные в корпоративные интересы СМИ утрачивают свое моральное кредо — предоставлять социально ориентированную информацию и бороться за торжество истины. Правда, еще остается небольшое число интернет-СМИ, которым свойствен более взвешенный подход к раскрытию фактов и явлений жизни (такие, как Media Lens, News Unspun, PR Watch и т. д.). И это позволяет утверждать, что информационный мир, несмотря ни на что, пока остается разнообразным.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

УДК 001.2 + 001.3 + 001.5 + 101

Н. В. Бряник

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ — «ТЕНЕВОЙ КАБИНЕТ» ФИЛОСОФИИ НАУКИ?

В статье ставится проблема возможности рассмотрения феноменологии как оригинальной концепции в области философии науки. Обосновывается равноправный статус феноменологии науки в ряду других течений неклассической философии науки. Рассматривается трактовка Э. Гуссерлем кризиса науки рубежа XIX–XX вв., а также новоевропейского типа научной рациональности. Раскрывается его позиция в понимании предмета философии науки; приводятся аргументы, позволяющие ему отождествлять философию науки с феноменологически понятыми психологией и теорией познания.

Ключевые слова: философия науки, феноменология науки, концепция науки, кризис науки, науки о духе, научный тип рациональности, критерии научности, феноменологическая психология, неклассическая психология, неклассическая гносеология, натурализм/объективизм, историцизм.

Среди современных отечественных философов достаточно распространено мнение о том, что гуссерлевскую феноменологию вряд ли можно рассматривать как особую концепцию в рамках философии науки. В завершающем разделе хрестоматии «Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада», достаточно востребованной в кругу специализирующихся в области философии науки, — в разделе, который посвящен только феноменологии, во вводных замечаниях к разделу — отмечается: «Восходящая к Э. Гуссерлю феноменология до сих пор присутствовала в философии науки в виде “теневого кабинета”. Ввиду своей радикальности она указывала на весьма заманчивую перспективу строгой и высококритической философии науки. Но этой перспективе не суждено было реализоваться. Современная философия науки до сих пор испытывала воздействие феноменологии не в большей мере, чем

какого-либо другого течения гуманитарной философской мысли, во всяком случае не в более чем восходящей к Дильтею герменевтики. <...> За последние годы в отношениях между феноменологией и философией науки наметилась новая тенденция. В ряде работ стала высказываться идея феноменологической философии науки, отвечающей аутентичному прочтению идеи Э. Гуссерля о феноменологическом обосновании науки» [6, 358–359].

Оценка, на мой взгляд, осторожная и двойственная. С одной стороны, сам факт публикации одного из произведений Э. Гуссерля (1859–1938) в хрестоматии по *современной философии науки* свидетельствует о признании идей данного мыслителя в развитии философии науки (обращаю внимание на то, что текст его помещен в разделе, ориентирующем *на горизонты развития философии науки*, и на то, что из всех философов выбран только Э. Гуссерль, ведь он один представлен в данном разделе), но с другой стороны — признается, что «феноменология до сих пор присутствовала в философии науки в виде “теневого кабинета”». Эту фразу нельзя понимать иначе, как отрицание всякого реального ее влияния, а по сути и ее востребованности в философии науки до 90-х гг. XX столетия. Ведь в данном случае «теневого кабинета» понимается вовсе не в том политическом смысле данного концепта, когда остающиеся в тени структуры (наподобие «мирового теневого правительства») на самом деле вершат происходящее, а скорее в том его значении, когда подразумевается некая альтернатива доминирующей линии развития, имеющая шанс (и только!) стать реальностью.

В данной оценке выражена определенная позиция в понимании самой философии науки. Из нее следует, что философию науки представляют только те направления, которые модны и востребованы философствующей публикой в тот или иной период времени. А поскольку в философии науки долгое время господствовала (а может быть, и до сих пор господствует) позитивистская традиция, то появляется соблазн отождествить философию науки с позитивистским подходом. Что касается отечественной философии, то надо признать, что в период советской философии, особенно в 50–70-е гг., исследования науки в духе неопозитивизма позволяли философам уйти от идеологической апологетики и сознать себя на уровне *научной философии*. Не будем забывать к тому же, что переводы текстов самого Э. Гуссерля появляются достаточно поздно. (Допускаю даже, что если бы они и присутствовали в философском пространстве указанного времени, то вряд ли бы стали ходовыми из-за их сложности, терминологической и идейной.)

Отстаиваемая мною позиция заключается в том, что к философии науки мы должны относить все те концепции, которые *реально* существуют в философии, сопровождая развитие собственно самой науки, независимо от того, стали они популярными или остались незамеченными философствующей публикой. Хотя, что касается Э. Гуссерля, вряд ли кто-то посмеет заявить, что он остался незамеченной фигурой, — без преувеличения можно сказать, что XX столетие прошло под знаком Э. Гуссерля.

Итак, мы исходим из того, что Э. Гуссерль создал своеобразную концепцию науки, причем его философия науки не какая-то отдельная часть его

общефилософской конструкции, — основные положения гуссерлевской феноменологии так или иначе находят отражение в его воззрениях о науке, которые представляют собой целостную, последовательно развитую *концепцию науки*. Высказанные суждения нам и предстоит обосновать.

Веским аргументом являются сами произведения Э. Гуссерля. Наука — постоянный объект его интересов, начиная с первой работы «Философия арифметики» (1891), далее — «Логические исследования» (1909) (где, как он считает, им разработано «наукоучение», трактуемое буквально как учение о науке), «Философия как строгая наука» (1911), «Феноменология и основания наук» (третий том основополагающего труда Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии»), «Формальная и трансцендентальная логика» (1929), работы последнего десятилетия его жизни, в том числе «Кризис европейских наук и трансцендентальной феноменологии». Здесь специально выбраны издания, в названиях которых фигурирует понятие «наука» в той или иной своей представленности. Но и в тех сочинениях, в названии которых не присутствует слово «наука», она всегда в центре размышлений философа. Приведу только отдельные примеры, поскольку самые значимые для нашего исследования работы будут упомянуты в ходе наших дальнейших рассуждений. Так, в «Картезианских размышлениях» (1929) уже изначально (в первом размышлении) говорится: «Ведущей идеей наших размышлений будет... идея науки, которую следует обосновать в радикальной подлинности» [1, 57]. А если взять, на мой взгляд, один из самых общедоступных текстов Э. Гуссерля — его лекцию «Кризис европейского человечества и философия» (слова «наука» здесь нет в названии доклада), прочитанную за два года до смерти, то и здесь в центре внимания — наука.

Поэтому на вопрос, который поставлен в ранее заявленной хрестоматии: «Станет ли феноменология, трактовавшаяся в 1928 г. Р. Карнапом как ненаучная метафизика, отвергнутая в 1969 г. В. Штегмюллером как “путь в мистику” и игравшая до сих пор лишь эпизодическую роль в философии науки, одним из направлений этой области исследований?» [6, 364] — ответ может быть дан изначально (предваряя все последующие рассуждения) и однозначно: феноменология с момента своего возникновения в лице ее основателя является мощным направлением в философии науки, но при этом ее, конечно, нельзя свести к философии науки или отождествить с ней. Кстати, даже в поставленном вопросе в известном смысле ставится под сомнение оценка об изолированности феноменологической концепции науки, в нем явно зафиксировано хоть и негативное, но все же внимание оппонентов к взглядам Э. Гуссерля. Он активно вступал в полемику со своими оппонентами, отстаивая собственное понимание науки.

Надо оговорить еще один момент. Конечно, феноменологическая философия не сводится к гуссерлевской, но исследование феноменологической концепции науки с учетом ее эволюции и достаточно широкого круга ее представителей (М. Шелер, М. Хайдеггер и др.) — тема самостоятельного рассмотрения.

Итак, нет никакого сомнения в отнесении гуссерлевской позиции к философии науки. От какого лица (в данном случае я имею в виду — от лица философа или ученого) предстает феноменология науки? Мне трудно судить о соб-

ственно научных достижениях Э. Гуссерля, но он проявляет глубокие познания не только в области самих строгих и точных наук — в математике, логике и математическом естествознании, но и в психологии (ее истории и современном состоянии), науках о духе. Реже он привлекает конкретные данные из таких областей знания, как химия, биология, география, некоторых технических наук. Нет сомнения, что он блестяще знаком с философией — ее историей и ее современным состоянием. Поэтому трудно сказать, к какому разряду отнести феноменологическую концепцию науки: она одновременно вырастает и со стороны науки, и со стороны философии. Тем самым он творчеством своим продемонстрировал неразрывность философии и науки (принципиальная важность для него подобной установки еще будет предметом обсуждения).

И с самого начала представим гуссерлевское видение *современной ему науки*.

Те оценки науки, которые мы встречаем у Э. Гуссерля, выдают в нем неординарного и масштабного мыслителя. Конечно, основные его работы написаны уже в XX в., когда он достиг возраста зрелого мыслителя, но, видимо, не только этот фактор, а в первую очередь способность к глубоким размышлениям позволила ему представить науку в очень неожиданном свете. Если основной круг мыслителей при рассмотрении событий в науке конца XIX — начала XX в., как правило, сравнивают их с тем, что происходило в классический период, то Э. Гуссерль задает *контекст истории европейского человечества*. Он пытается понять, насколько те изменения, которые происходят в науке, отвечают самой «телеологии европейской истории» (это словосочетание можно истолковать как целевую устремленность — ориентацию, заданность и т. п. — европейской культуры). При подобной масштабности ему удается оставаться в условиях реальности: он учитывает дискуссии по поводу науки в современной ему философии, он чуток к умонастроению образованных кругов, которые прошли через горнило Первой мировой войны и поэтому весьма своеобразно реагируют на видимые достижения науки, он прекрасно осведомлен об отношении к философским оценкам науки и корпоративных установках в среде самой научной интеллигенции. Кроме того, не будем забывать, что по базовому образованию он математик, то есть знает о событиях в науке не понаслышке и не *глядит* на нее снизу вверх, как это нередко делают философы, а оценивает ее с полным *сознанием* дела.

Э. Гуссерль дает емкую и неоднозначную оценку событиям современной ему науки. Мыслитель отмечает: «Исходным пунктом является сдвиг, произошедший в последние столетия, во всеобщей оценке науки. Он... относится к тому значению, которое наука имеет и может иметь вообще для человеческого существования. Исключительное — таков эпитет, характеризующий, начиная со второй половины XIX в., влияние позитивных наук на мировоззрение современного человека. Это завораживающее влияние растет вместе с “благополучием”, зависящим от позитивных наук» [2, 53]. В этом патетическом утверждении тем не менее все точно: фиксируется кардинальное изменение роли науки, достигающее до трансформации ее миссии в условиях человеческого существования, что отражается в сознании людей признанием исключительности науки; при этом под наукой понимаются позитивные науки, которые имеют прямой выход

к реальности, — позитивные науки находят непосредственное практическое применение, влияющее даже на повседневную жизнь людей. К этому же кругу суждений можно отнести и следующее, лишь усиливающее и конкретизирующее отмеченное: «Математическое естествознание — это чудесная техника, ведущая к выводам такой силы, такой правдоподобности, детальности и точности, о которой прежде нельзя было и помыслить. Это достижение — триумф человеческого духа» [3, 123]. Позитивные науки произрастают на почве математического естествознания, которое в концентрированном виде являет собой строгость и точность, а только эти свойства науки и позволяют ей претворяться в реальность. Наряду с техникой, он называет науку чудом современного мира. И обозначает свое время как «время строгих наук, ставших объективно могучей силой» [5, 166]. Так происходит потому, что религиозная вера сменилась *верой* только *в реальность* (по-моему, эта вера сохраняет свое значение и в наши дни, отсюда напористое вытеснение духовности прагматизмом), а ее способна удовлетворить именно наука, поскольку она сегодня и есть самая наипрочнейшая реальность.

И все-таки здесь достаточно односторонне воспроизведена его позиция в отношении к современной ему науке. Другой круг его суждений свидетельствует *о кризисе науки*. В самом факте признания кризиса науки рубежа предыдущих веков Э. Гуссерль не оригинален; подлинный интерес вызывает то, как он трактует это состояние. В осмыслении кризиса он столь же глубок и масштабен, сколь и в объяснении мировых достижений науки. Во-первых, философ идентифицирует его с кризисом именно *европейских* наук и, во-вторых, рассматривает эту ситуацию в контексте кризиса всей современной ему европейской культуры. Знакомство с текстами философа не позволяет однозначно судить, является ли кризис негативным для науки событием.

Последуем за его аргументами. Он намеренно заостряет вопрос, формулируя его таким образом: «Действительно ли существует кризис наук при всех их постоянных достижениях?» [2, 51]. И начинает он с выяснения смысла понятия кризиса: «Кризис какой-то науки означает, что ставится... под сомнение ее подлинная научность, весь ее способ постановки задач и методология» [Там же]. Если так, то вправе ли мы рассуждать о кризисе позитивных наук, в первую очередь математического естествознания (представляющего собой стержень позитивных наук), строгость которого принимается за образец научности, а результаты не перестают восхищать своим успешным применением на практике. Ответ, казалось бы, очевиден. Подобный же вопрос правомерно поставить и в отношении так называемых наук о духе. И здесь мы, скорее всего, получим ответ об эффективном и продуктивном развитии в интересующий период комплекса гуманитарных наук, которые опираются на психологию, а она, в свою очередь, развивается с опорой на методы строгого анализа, уподобляясь позитивным наукам.

Но ответ самого Э. Гуссерля неожиданен, поскольку он переводит проблему в иную, непривычную плоскость рассуждений. Да, видимым проявлением кризиса стал подрыв новыми открытиями в области физики, математики и других наук устоявшихся теорий, но это лишь поверхностный эффект событий. Он

предлагает заглянуть вглубь происходящего — ведь нельзя измерять науку только масштабом ее практических успехов. Самое важное и существенное основание при философском рассмотрении науки — оценка ее *жизненной значимости*. Он считает, что современная ему наука утратила именно свое жизненное значение. В этом видит он суть кризиса, потрясающего сам смысл науки. Приведем одно из характерных рассуждений Э. Гуссерля, подтверждающих данную оценку: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. Как известно, молодое поколение прониклось прямо-таки враждебным отношением. Наука — и это постоянно можно слышать — ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека... а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования... Что может сказать наука о разуме или неразумии, о человеке как субъекте свободы? Физическая наука, разумеется, ничего. <...> Что же касается наук о духе... то они, как полагают, в соответствии с нормами строгой научности, требуют от исследователя исключения всех ценностных установок. <...> Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактичности мира, как физического, так и духовного. Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности?..» [2, 53].

Без некоторых пояснений оценка, данная Э. Гуссерлем, может быть воспринята не более чем красивый жест; обратимся к ним. Для него такой уникальный феномен, как наука, зарождается в истоках древнегреческой культуры. Наука появляется в *неотрывной* связи с философией: античная наука и философия — это некое слитное единство, представляющее по своей сути особое *теоретическое отношение к миру*. Научно-философское (=теоретическое) отношение к миру революционизирует жизнь древнегреческого народа и закладывает основы уникальности всей европейской культуры. Теоретическое отношение к миру позволяет критично воспринимать все происходящее, пропускать все события через жернова разума, ориентированного на надсубъектную истину. *Теоретически ориентированная наука* за счет ее близости к философии, а по сути неотделимости от нее, способна была ставить предельные вопросы бытия, связанные со смыслом человеческого существования. Эта наука являла собой *особый тип рациональности*, который оказался подорванным в условиях Нового и Новейшего времени. Теоретическая установка науки, понятая в этом смысле, оказалась излишеством, — для получения практически значимого знания достаточно эмпирически ориентированной науки, поскольку только она способна поддерживать веру в реальность. В XVII и XVIII столетиях этот тип науки набирал силу, а уже во второй половине XIX века новый тип научной рациональности дал свои пышные плоды: практическая жизнь европейского общества оказалась полностью зависимой от эмпирической (=позитивной) науки. Поэтому переосмотр одних конкретных теорий (к примеру, механики Ньютона), замена их другими (такими, как теория относительности Эйнштейна) — это все внутренние дела уже радикально изменившейся науки.

Вот чем объясняется увязка Э. Гуссерлем кризиса науки с «эмпирически ориентированными людьми» и «фактичностью мира». *Кризис науки для него — это кризис того типа научной рациональности, а вместе с ней и рациональности всей европейской культуры, который сложился в Новое время.* Конечно, «эмпирически ориентированные люди», которые изо дня в день, как муравьи, добывают факты (подобное отношение к науке Э. Гуссерль называет «научным фанатизмом»), не принимают рассуждения мыслителя как чуждые и непонятные. Люди науки, как правило, и кризис-то в ней не замечают. А поскольку Э. Гуссерль еще предъявляет им какие-то обвинения и требования, то и они не остаются в долгу — у них тоже есть свои идеологи, которые устами, например, Р. Карнапа называют философию Э. Гуссерля «ненаучной метафизикой».

Действительно, без учета сказанного почти как загадка звучит гуссерлевская мысль: «Однако предпосылкой этого понимания (понимания кризиса науки. — Н. Б.) должно стать усмотрение феномена “Европа” в его центральном, сущностном ядре» [2, 58]. Поэтому *для него* кризис науки означает не крушение европейского рационализма, а серьезный сбой одной из его разновидностей — *новоевропейской рациональности*. В образной форме свою позицию он заявляет так: «Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [Там же]. В этой фразе выражено резкое несогласие с иррационально-мистическими умонастроениями интеллигенции, ярким выразителем которых, по его мнению, является О. Шпенглер, поскольку использованы слова из названия его весьма шумевшего сочинения («Закат Европы»). Почему в возрождении европейского рационализма должна сыграть свою роль философия, тоже понятно: как мы уже упоминали, философия непосредственно связана с зарождением европейской рациональности. «Героизм разума» вполне уместен, когда речь идет о духе европейского *рационализма*. А вот в каком смысле надо понимать натурализм и почему его надо преодолевать, — об этом разговор пойдет далее.

Не будем поднимать слишком объемного вопроса о традиции, которую наследует феноменология науки. Достаточно сослаться на имена, которые приводит сам Э. Гуссерль еще в «Логических исследованиях», выясняя для себя «точки соприкосновения с великими мыслителями прошлого». Это Кант, Лейбниц, к которым надо, безусловно, добавить Декарта (здесь не все имена, которые он в той или иной связи приводит, а только наиболее известные). Их подбор позволяет вполне определенно охарактеризовать феноменологию науки как *рационалистическую версию философии науки*, против чего, наверняка, сам мыслитель не стал бы возражать, потому что весь пафос его философии направлен на поддержание и сохранение доминирующей роли Разума в человеческой жизни.

Один из необходимых уточняющих моментов, без которого нельзя раскрыть основные положения феноменологической философии науки Э. Гуссерля, связан с выяснением того, как он аргументирует *потребность науки в философии*. И одновременно с этим можно понять, в чем, по его мнению, заключается *цель философии науки*.

Он задается этими вопросами с первых своих исследований. И мы встречаемся с разными по степени сложности обоснованиями занятой им позиции, хотя суть его ответов одна и та же. Поскольку в таком случае мы имеем возможность выбора, то обратимся к одному из конкретных его разъяснений на этот счет. На последних страницах «Логических исследований» мы находим обстоятельные размышления по вопросу о том, для чего нужна философия науке. А поскольку он в ту пору еще не оторвался от «пуповины» математики, то его внутренняя беседа с самим собой предстает как воображаемый *диалог математика и философа* (чувствуется, что уже в этот период Э. Гуссерль «примеряет» на себя обе роли).

Приведем это пространное рассуждение, поскольку оно освобождает от необходимости что-то комментировать, а главное — данное рассуждение (что вовсе не характерно для данного мыслителя) весьма прозрачно по смыслу. Он пишет: «Если разработка всех подлинных теорий принадлежит к области математики, *что же тогда останется философу?* <...> Математик на самом деле не есть чистый теоретик, а лишь изобретательный техник, как бы конструктор, который, имея в виду только формальные связи, строит свою теорию как произведение технического искусства. Как практический механик конструирует машины, не нуждаясь в законченно ясном знании сущности природы и ее закономерности, так и математик конструирует теории чисел, величин, умозаключений, многообразий, не нуждаясь для этого в окончательном уразумении сущности теории вообще и сущности обуславливающих их понятий и законов. Сходно обстоит дело и во всех “специальных науках”... Наряду с изобретательной и методической работой отдельных наук... необходима постоянная “*познавательная-критическая*”, *составляющая дело одного только философа рефлексия*, которая руководится одним только чисто теоретическим интересом... *Философское исследование... ставит себе совершенно иные цели*. Оно не хочет вмешиваться в дело специалиста-исследователя, а *стремится уразуметь смысл и сущность его действий в отношении метода и вещи*. Философу недостаточно того, что мы ориентируемся в мире, что мы имеем законы как формулы, по которым мы можем предсказывать будущее течение вещей и восстанавливать прошедшее; он хочет привести в ясность, что такое... “вещи”, “события”, “законы природы” и т. п.... философ спрашивает, в чем сущность теории, что вообще делает возможной теорию и т. п. *Лишь философское исследование дополняет научные работы естествоиспытателя и математика и завершает чистое и подлинное теоретическое познание. Ars inventiva специального исследователя и познавательная критика философа суть взаимно дополняющие друг друга научные деятельности, и только через них обеих получается полное и цельное теоретическое уразумение* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Н. Б.)». [4, 350–351]. В выделенных фрагментах Э. Гуссерль как раз и раскрывает предназначение философии науки.

С его точки зрения, философия необходима науке не после того, как она (наука) уже состоялась, а ей (философии) предоставляется возможность лишь все подытожить. Во все нет. По мнению мыслителя, без философской деятельности в принципе невозможно построение научных теорий. Рефлексия философа

органично вписывается в ткань научной теории, придавая осмысленность *предмету* научного исследования и его *методу*. Только при таком положении — включении философии в науку — мы имеем на выходе не технически понятую теорию, как совокупность механически соплагаемых формул и слов, а «полное и цельное теоретическое уразумение» — теорию, созданную разумом в подлинном смысле слова.

Обратим внимание: деятельность философа названа *познавательной-критической*. И критика направлена на самые существенные составляющие теории — *предмет* и *метод*, а уже в связи с ними и на все остальное. Остановимся на этом моменте несколько подробнее, поскольку здесь, как мне представляется, заложено понимание *характера* (=содержания) гуссерлевской философии науки. Вот одно из важных и в то же время типичных его рассуждений: «Пока мы находимся в естествознании и мыслим в его направлении, остается... незаменимой... критика опыта, которая ставит под знак вопроса весь опыт вообще и в то же время опытно-научное мышление. Как опыт в качестве сознания может дать предмет... как отдельные опыты с помощью других опытов могут оправдываться... а не только субъективно укрепляться; как игра сознания может давать объективную значимость, относящуюся к вещам, которые существуют сами по себе; почему правила игры сознания не безразличны для вещей... Как известно, той дисциплиной, которая хочет ответить на них, является теория познания» [5, 138].

Отождествив проблематику философии науки с теоретико-познавательной, он конкретизирует ее (проблематику) таким образом: «Если теория познания хочет... исследовать проблемы отношения между сознанием и бытием, то она может иметь при этом в виду только бытие как коррелят сознания, как то, что нами “обмыслено” сообразно со свойствами сознания: как воспринятое, воспомнутое, ожидавшееся, образно представленное, сфантазированное, идентифицированное, различенное, взятое на веру, предположенное, оцененное и т. д.... видно, что исследование должно быть направлено на научное познание сущности сознания, на то, что “есть” сознание во всех своих различных образованиях, *само* по своему существу, и в то же время на то, что оно “означает”, равно как и на различные способы, какими оно сообразно с сущностью этих образований... мыслит “предметное” и “выявляет” его как “значимо”, “действительно существующее”» [Там же, 139].

В данном положении для оценки содержательной направленности концепции науки Э. Гуссерля можно выделить две составляющие. Одна из них связана с тем, что философия исследует предмет и метод науки через призму субъект-объектных отношений, выясняя, как *разные формы субъективности* (а опыт, на который полагается наука, неизбежно проходит через субъекта) *трансформируются* с помощью технически отлаженного механизма науки в нечто *предметное и объективно значимое*. Нет сомнения, что таким образом понятая философия науки представляет собой не что иное, как теорию познания. В различных произведениях мыслителя действительно рассматриваются вопросы о критериях научности, об идеальных объектах, о природе научной истины, научного понятия, научного метода, научной теории, об отличиях и сходстве наук по их

предмету и методу, о языке науки, о законах науки и научных предсказаниях и т. п. — все то, что относят к гносеологии.

Из этого следует вполне однозначный вывод: *по своему содержанию философия науки Э. Гуссерля гносеологична*. И, особо не уходя в историю, следует отметить, что именно в этой своей характеристике его позиция близка Канту.

Но мы не полностью раскрыли приведенное выше суждение, — вторая его половина привносит дополнительный смысл. В ней говорится о том, что философия науки должна быть направлена на познание *сущности сознания*. Это означает, что мы должны признать, что *гуссерлевская философия науки включает и психологическую составляющую*, ведь именно психология изучает различные образования сознания, способы их функционирования и в конечном счете саму сущность сознания.

Дойдя до этого признания, мы вынуждены будем обратиться к более обстоятельным пояснениям, касающимся психологии. Понятно, что речь у Э. Гуссерля идет об особом понимании психологии. Вообще, в том спектре наук, который в разных вариациях фигурирует в текстах Э. Гуссерля, психологии отводится особое место. Среди представителей философии науки неклассического периода нет другой фигуры, которая уделяла бы психологии столь огромное внимание, как он.

Почему важна психология для раскрытия содержательной характеристики философии науки Э. Гуссерля? Какое место он отводит ей среди наук, сформировавшихся к концу XIX в., и какую роль сыграла психология в тех событиях, которые были квалифицированы им как «кризис» науки?

В развитии психологии, которая приобретала самостоятельность, постепенно отделяясь от философии в эпоху Нового времени, он выделяет два этапа. Первый связан с исследованиями психических явлений с помощью естественно-научных методов — физиологических, антропологических, физических, химических и др. Естественно-научные методы позволяли достигать строгости той же степени в представлении психики, что и при изучении объектов математического естествознания. Этот тип рациональности, имевший определенные положительные результаты, господствовал в психологии до последних десятилетий XIX в. и оказывал влияние на весь цикл наук о духе. Ведь последние обретали научность, полагаясь на критерии психологии как науки. Объясняется это тем, что сфера человеческой субъективности и все, что производно от нее (а это и есть предмет психологии), воспринимались как основание гуманитарных наук.

По мнению Э. Гуссерля, к концу XIX столетия *в психологии*, так же как и в других науках, возникает *кризисная ситуация*, может быть, более трагичная, чем в науках о природе. Трагичная в силу отмеченной зависимости наук о духе от психологии, а также из-за того, что мало кто осознавал к тому времени зависимость вообще всей системы науки от понимания сущности психического. Другими словами, Э. Гуссерль приходит к пониманию, что психология играет совершенно уникальную роль в целостной системе науки, а отсутствие подлинно научных методов исследования психических явлений не позволяет, как он считал, ни философам (в их число он включал и неокантианцев), ни представителям

конкретных наук осознать данную ситуацию. А это, безусловно, усиливало кризисное состояние всей науки, поскольку не было продвижения в поиске путей выхода из него.

Э. Гуссерль уверенно заявляет, что прорыв в этой ситуации совершает именно он. Опираясь на идеи предшественников (особую роль он отводит Ф. Brentano), он приходит к выводу, что «реальность духа как якобы реального придатка к телам, его якобы пространственно-временное бытие внутри природы — бессмыслица» [3, 122].

Данное высказывание требует разъяснения. Бессмысленным называет Э. Гуссерль подход, для которого психическое — это особая реальность, зависящая от телесной реальности и обнаруживающая все признаки материально производимой реальности (пространственно-временные, причинно-следственные и прочие характеристики). Для него «*дух... существует в себе самом и для себя самого, независим, и в этой своей независимости... может изучаться истинно рационально, истинно и изначально научно*» [Там же, 125].

Уточним, что под духом здесь понимается сфера психического в той его разновидности, которая ответственна за мир культуры и человеческое творчество. Следовательно, Э. Гуссерль настаивает на самодостаточности и независимости психического от телесности, от всякой физиологии, а тем более от физических параметров мира и пр. (Не могу не упомянуть позицию В. И. Ленина на этот счет. Ведь прошедшие через горнило марксистско-ленинской философии обучались активно отстаивать принцип материалистической обусловленности сознания и человеческой психики в целом. Поскольку произведение «Материализм и эмпириокритицизм» было написано в 1909 г., то в нем, разумеется, отсутствует критика идей непосредственно самого Э. Гуссерля, но позиция Р. Авенариуса, утверждавшего независимость сознания от высшей нервной деятельности, мозга, заклеена классиком марксизма-ленинизма как «безмозглая» философия.) Для самого Э. Гуссерля *научный подход к психическому* возможен только при условии, что психическое берется само по себе, в чистом виде, в том числе и без выяснения закономерностей воздействия на него мозговых процессов.

Тогда что оно собой представляет? Мы находим такие характеристики: «психическое есть... неограниченный поток феноменов» [Там же, 150]; со своей стороны, *феномен* есть то, что приходит и уходит, при этом не оставляя после себя и следа какого-либо бытия — того, что можно было бы хоть как-то ухватить естественно-научными методами. Духовный (=психический) *акт* (здесь оказывается сомнительной уместность любого понятия, как то: «деятельность», «процесс», «событие», поскольку все они по смыслу предполагают какой-то результат, т. е. оставляют за собой некий бытийственный след) — это некое «*имманентное созерцание*», когда «мы переходим от феномена к феномену (каждый из которых есть единство в потоке и сам завлечен потоком) и никогда не приходим ни к чему, кроме феноменов» [3, 150].

Теперь понятно, почему подобная трактовка психического получает у него название *феноменологической психологии*. Он проводит четкое разграничение *объективистско-натуралистического типа рациональности* предшествующей пси-

хологии от феноменологического и считает, что только последний и представляет собой подлинный путь к научной теории разума, истинный тип научной рациональности, а значит — позволяет психологии преодолеть ситуацию кризиса.

Далее в логике его рассуждений появляется принципиально значимый момент, фиксирующий преодоление границ традиционной психологии: «Когда имманентное созерцание и вещный опыт получают словесное выражение, вступают в известное отношение находившийся в созерцании феномен и познанная в опыте вещь... Все это носит название: “сознания о” и “имеет” “смысл” и “мыслит” “предметное”» [3, 150].

Это важный момент, потому что здесь гуссерлевская психология смыкается с теорией познания, — она объясняет, как появляется предметное содержание в человеческом сознании. Предметная наполненность сознания возникает от соединения имманентного созерцания, вещного опыта (который, конечно, является прямой противоположностью имманентного созерцания) и процедуры словесного обозначения. Поэтому-то феноменологическая психология и исследует направленность сознания на предметы, приобретая название *интенциональной феноменологии*.

В человеческом познании, и в первую очередь в научном познании, мы потому способны достигать объективности знаний и обретать истину, что «созерцание созерцает *сущность*» [Там же, 152]. Что значит сущность? Приведем только один из его примеров. Он пишет: «Подобно тому как можно непосредственно слышать звук, можно созерцать “сущность”, сущность “звука”, сущность “вещного явления”, сущность “видимой вещи”, сущность “образного представления” и т. д. и, созерцая, высказывать сущностные суждения» [Там же, 154]. Феноменологическая психология как наука и ориентирована на исследование сущностей.

В связи с этим Э. Гуссерль коренным образом пересматривает отношение психологии к естественным наукам. Если формирование психологии как науки шло через подражание методам естествознания из-за признания телесной зависимости сознания («естествознание сознания»), то Э. Гуссерль, наоборот, утверждает, что природа как объект естественных наук сама есть продукт исследующего природу духа и поэтому естествознание зависит от наук о духе и должно полагаться на феноменологию как подлинную науку о духе («феноменологию сознания»). Вот один из его тезисов по поводу соотношения природы и духа: «дух здесь не в природе или возле нее, но сама она (природа. — Н. Б.) возвращается в сферу духа» [Там же, 125].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что *интенциональная феноменология* — это одновременно *неклассическая психология* и *неклассическая теория познания*. Она позволяет, с точки зрения Э. Гуссерля, преодолеть кризисную ситуацию не только в психологии, но во всей системе наук. Достигая имманентного созерцания сущностей, изучаемых естественными и гуманитарными науками, и посредством этого проникая в основания науки, интенциональная феноменология и становится философией науки. При этом гносеологическая и психологическая составляющие, которые раскрывают специфику содержания

феноменологической концепции науки, не рядоположены, а являются сторонами органически целостной позиции. И только подобный подход позволяет наружить и осмыслить новый, *неклассический, тип научной рациональности*.

Нельзя обойти и вопрос о том, кого он считает своими оппонентами в области *философии науки*. Сам Э. Гуссерль именно в такой постановке вопрос перед собой не ставит — он чаще полемизирует по проблематике философии как таковой, но мы уже определились с тем, что гуссерлевская феноменология во всем ее своеобразии одновременно предстает и как его философия науки. Но вот по сути своей сформулированный нами вопрос для него далеко не праздный. Уже при рассмотрении статуса психологии в его концепции мы убедились, что все в ней пропитано духом идейного противостояния с *объективизмом и натурализмом* в понимании этой области научного знания. Есть все основания считать, что именно натурализм и является той философией и методологией, которую Э. Гуссерль категорически не приемлет и в противовес которой он разрабатывает собственную концепцию.

В обоснование высказанной оценки приведем его собственные соображения. Завершая свой жизненный путь, осмысливая пути и предназначение европейской культуры и ее сердцевину — философии, он итожит: «Старые и новые философии были и остаются наивно объективистскими» [3, 121]. Старые и новые философии для него в данном случае вписаны в отрезок Нового и Новейшего времени. И подразумевает он под ними различные разновидности и многообразные проявления позитивистской философии, общей установкой которых является натурализм или объективизм (что для него одно и то же), характеризуя их оценочным эпитетом, который Э. Гуссерль не устает повторять, — «наивный»: *наивный натурализм, наивный объективизм*. Следовательно, позитивизм для него есть наивная философия.

Не будем входить в детальное пояснение отмеченного, назовем только две главные, с его точки зрения, разновидности объективистского подхода — «*натурализм*» и «*историцизм*». Соответственно представители первой разновидности являются идейными оппонентами мыслителя в области естественных наук, представители второй — в области наук о духе, а объединяющие их негативные моменты уже названы. Приведем гуссерлевское толкование данных позиций.

И натурализм, и историцизм возникают вместе с рождением сначала наук о природе, а затем и наук о духе: «Натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы — природы в смысле единства пространственно-временного бытия по точным законам природы. Наряду с постепенной реализацией этой идеи во все новых и новых естественных науках, обосновывающих массу строгих познаний, распространяется и натурализм. Совершенно сходным образом вырос позднее и историцизм, как следствие “открытия истории” и обоснования все новых и новых наук о духе» [5, 133]. Поскольку научности в данных областях знания достигали, полагаясь в первую очередь на упрямые факты, свидетельствующие о самой реальности, постольку научность и объективность отождествили. От лица науки это сделали философы-позитивисты, попытавшиеся и в самой философии устоять на этих же позициях — научности и объективности. Вот этой своей ориентацией на факты, на конкретику и опыт

натуралисты и историцисты и вызывают неприятие и критику Э. Гуссерля: «Натуралисты и историцисты борются за мирозозерцание; но и те и другие с различных сторон прилагают свои усилия к тому, чтобы перетолковать идеи в факты, а всю действительность, всю жизнь превратить в непонятную безыдейную смесь “фактов”. Всем им присуще суеверие фактичности» [5, 170].

Если идеи и мысли — это только какая-то комбинация (пусть даже в трансформированном и существенно обработанном виде) фактов, а разум полностью «укладывается на поверхность опыта», то из философии исчезает то, что делает ее философией, — смысл. Вот поэтому Э. Гуссерль говорит о том, что позитивисты обезглавливают философию, при этом не умаляя и того, чем наука Нового и Новейшего времени была обязана позитивизму. Но негативные оценки историцизма и натурализма явно преобладают, а в теоретическом отношении они для него являются разновидностями *релятивизма и скептицизма*, что для Э. Гуссерля верх «философского неприличия».

Нам теперь понятно, какую позицию в философии он противопоставляет наивности объективизма: «Натуралистический объективизм и любой объективизм вообще она (феноменологическая философия. — Н. В.) преодолевает единственно возможным способом, а именно: философствующий начинает от собственного Я, понимаемого чисто как производитель всех смысловых значений, по отношению к которым он становится чисто теоретическим наблюдателем. В этой установке возможно построение абсолютно независимой науки о духе в форме последовательного самопонимания и понимания мира как продукта духа» [3, 125].

В феноменологии науки фактам противопоставляются смыслы, опоре на опытно-экспериментальные основания — теоретическая позиция, объективизму — собственное Я и самопонимание, а научности законов природы, понятой как она есть сама по себе, — понимание мира как продукта духа.

---

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Там же.

4. Гуссерль Э. Логические исследования // Там же.

5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Там же.

6. Печенкин А. А. Вводные замечания // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2013 г.

УДК 159.922 + 159.98 + 398.221

Е. Л. Яковлева
Л. Ф. Гайнуллина

ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ И СОВРЕМЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Авторами анализируется специфика манипуляции сознанием с помощью мифотворчества. Раскрывается «техника» манипуляции сознанием, включающая использование мифологем, эмоциональную роль языка, элемент визуализации, пророчество, создание имиджа и обрядов, разного рода медийных спектаклей. Благодаря рационально продуманным технологиям уже-сделанные-вымышленные-образы воспринимаются субъектом как реальность и начинают диктовать свои правила в социальной среде. При этом противодействовать данному процессу на уровне массового сознания, как правило, невозможно.

Ключевые слова: манипуляция сознанием, миф, технология, «вечные сюжеты» (мифологемы), визуализация, пророчество, имидж, идолопоклонство, медийный спектакль.

В современном мире весь культурный континуум технологизируется, появляются хорошо разработанные технологии создания и распространения культурных феноменов. Не является исключением в данном ряду технологизированного сотворения феноменов и информация, расширяющая поле знания человека об окружающем мире. Но сегодня информация выступает не как гносеологическая форма, а как «то, что заставляет знать» и что «пропускается сквозь цифровую четкость знания», рождая «всеобщую галлюцинацию правдивости Зла» (Ж. Бодрийяр) [1, 73–74]. Поэтому некоторые аспекты информации и ее рассеивания в культурном пространстве посредством информационно-коммуникативных технологий имеют негативную окраску. В первую очередь здесь необходимо выделить проблему формирования искаженного/ложного знания, посредством которого осуществляются манипуляция сознанием и свое-

образное зомбирование людей. В результате принятия навязанной, заведомо ложной, но правдиво поданной информации люди теряют способность критически мыслить и возможность формировать собственное мнение по любой проблеме: будь то житейско-бытовые, культурно-досуговые или социально-политические вопросы. Необходимо подчеркнуть, что противодействовать информационно-коммуникативным технологиям манипуляции сознанием невозможно: манипулирование сегодня приобретает глобальный размах и, постоянно совершенствуясь, усложняется. Можно выделить только некоторые его составляющие, знание которых поможет разобраться в ситуации и минимизировать манипуляционное воздействие. В связи с этим целью статьи является рассмотрение ключевых параметров технологии манипуляции сознанием посредством мифотворчества.

Технология *манипуляции сознанием* известна с давних времен, но сегодня она все больше актуализируется и технологизируется. Сам термин «манипуляция» (от лат. *manus* — рука) первоначально обозначал ловкое обращение с объектами посредством рук, умелую махинацию; демонстрацию фокусов, связанную с отвлечением внимания от сокрытого. Впоследствии термин приобретает переносное значение. Если обратиться к словарям, то там можно обнаружить идею властного характера манипуляции. Так, в нью-йоркском «Современном словаре социологии» манипуляция рассматривается как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает» [3, 14]. С. Г. Кара-Мурза в своем определении акцентирует внимание на том, что манипуляция — это «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [Там же]. В целом практически все исследователи выделяют в данном феномене такие черты, связанные с управлением/манипуляцией сознанием, как *негативное и скрытое воздействие, требующее ловкости, мастерства и знаний*, благодаря чему достигается эффект массовой веры людей в подлинность содержания предмета манипуляции, которым может быть все, что угодно: парадигма, образ жизни, идея, человек и др. Заметим, что здесь возникает этическая проблема, связанная с отношением к человеку и нарушением его прав и свобод. Но сегодня практически в любой культурной сфере господствует заимствованный из политики макиавеллиевский принцип «Цель оправдывает средства», а этический аспект вообще снимается/не учитывается. В итоге люди оказываются либо марионетками, либо зрителями специально поставленного театрального зрелища, а само общество трансформируется в «общество театра»¹.

В результате манипулирования сознанием посредством информации происходит смешение реального и вымышленного, поэтому одной из оптимальных конструкций, способных вместить подобное знание, можно назвать миф. Еще

---

¹ При этом зритель в своем большинстве является пассивным, воспринимающим данный спектакль некритично, хотя встречается и активный тип зрителя, рефлексирующий над действием.

Ж. Сорель [6], первым предложивший использовать миф в качестве политического инструмента, подчеркивал, что мифы должны создаваться искусственно, чтобы воодушевлять массы. Смысл мифа — захватить пространство, подчинить его себе, скрыть знание и отвлечь от истины. Действительно, сегодня искусственно созданные, незаметно и насильно внедряемые мифы деформируют реальность, скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности и акцентируя внимание на выгодных для заказчика культурных (политических, экономических, религиозных, научных и др.) смыслах. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «в современном обществе происходят только недостоверные, маловероятные события», при этом «раньше предназначение события заключалось в том, чтобы произойти, ныне — в том, чтобы быть произведенным» [1, 62]. Миф заставляет общество поверить ему, и никакая сила аргументов не способна развенчать созданную им иллюзию. Не случайно манипулирование сознанием путем мифотворчества интенсивно используется в таких областях, как политика, экономика, наука, религия, реклама, повседневная жизнь человека, где посредством манипуляции властные структуры быстро и эффективно добиваются определенных целей.

Мифы современности представляют собой смешение противоречивых элементов — магического и технического мышления. Не случайно сегодня появляются мифотехнологи (режиссеры, имиджмейкеры, корреспонденты, репортеры, PR-технологи), умело сочетающие в себе функции человека-мага и человека-созидателя. Они тщательно, методично, продуманно и рационализированно создают разного рода мифы, являющиеся «фальшивой действительностью», преподносят любую информацию в выгодном для заказчика аспекте, подкрепляя ее эффектно поданным видеорядом. Этому способствует сегодня новая электронная инфраструктура (СМИ, телевидение, виртуальная реальность), которая трансформирует реальность в медиареальность, нередко далекую от действительности. Благодаря цифровым технологиям формируется определяемое социальным заказом общественное мнение об эпохе, событии, личности и ее достижениях.

Современные мифотехнологи с помощью СМИ и Интернета конструируют и передают «авторитетное мнение», усваиваемое огромными массами людей. В итоге люди думают, что они обладают «собственным мнением», но у них формируется «псевдомышление». По этому поводу великолепно высказался Э. Фромм в своей книге «Бегство от свободы»: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условиям и “хотят” именно того, что им приходится делать» [7, 23]. В этом высказывании обнаруживает себя идея властного характера манипулирования и незаметного внедрения в общественное сознание определенных идей/ценностей, которые подчиняют себе огромные массы людей. В связи с этим встает вопрос о том, каким образом осуществляется технология манипулирования сознанием посредством мифотворчества.

Одним из приемов технологии манипуляции сознанием является создание привлекательных мифологических текстов, способных захватить аудиторию.

Для этого, как правило, мифотехнологи обращаются к *использованию «вечных сюжетов» (мифологем)*, прошедших испытание временем и поэтому хорошо воспринимаемых людьми. Благодаря им обеспечивается «рейтинг популярности» исполнителям определенного социального заказа: политикам, ученым, общественным деятелям и медийным лицам, а также СМИ (теле- и радиоканалам, газетам и журналам). Среди распространенных «вечных сюжетов» современности можно назвать повествования о Женщине-судьбе, Золотом веке, Рае и Аде, катастрофах, мировом заговоре, борьбе за власть, трикстерах, внеземных цивилизациях и войнах между ними, супермене-одиночке, ведущем борьбу во имя Добра и Справедливости, Принце и нищем, меняющихся своими ролями, Золушке, превращающейся в принцессу. Внутри этих мифологем обычно поднимаются волнующие людей вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства, добра и зла, здоровья и болезни, любви и ненависти, дружбы и предательства. Использование подобных мифов, привлекающих к себе внимание и оказывающих большое влияние на общество, можно обнаружить в любой культурной сфере.

Другим приемом технологии манипулирования сознанием можно назвать *изменение функции языка*, точнее перенос акцента с информационной составляющей языка на эмоциональную. Подобная расстановка акцентов принципиальна: «символическая мощь слова может ниспровергнуть все сложившиеся соотношения сил» [1, 122]. Сегодня эмоциональная составляющая языка наиболее ярко проявляется в такой «единице культурной информации», как мем (по К. Р. Докинзу [2], «эгоистичный ген»), который подобно компьютерному вирусу быстро расплзается/размножается по пространству, обнаруживая себя не только в Интернете, но и в СМИ, рекламе, повседневной жизни и других сферах. Не случайно поэтому мем называют медиавирусом, обладающим высокой степенью вирулентности. Популярности мема способствует тот факт, что к нему относятся не только слова и высказывания (порой бессмысленные), но и аудиовизуальные сегменты, что легко и непринужденно воспринимаются современным «обществом театра». Более того, посредством внедрения мем-языка мифотехнологи современности привлекают внимание к «актуальной» теме большое количество респондентов.

В связи с этим обстоятельством в современном языке создается огромное количество новых слов, а некоторые старые намеренно искажаются и претерпевают изменение своего смысла, насыщаясь не только новым рационально-понятийным содержанием, но и чувством, эмоциями. Преследуя ключевую цель внедрения в массы людей определенной информации, мифотехнологи сочиняют броские, легко запоминаемые, буквально въедающиеся в память слоганы, призывающие обратить внимание на информацию и запомнить ее. Более того, в рамках мифотворчества создаются тексты, представляющие собой кружевную вязь слов, смысл которых трудно уловить, и поэтому они имеют множество интерпретаций.

Обозначенные приемы технологии манипуляции в первую очередь задействуют воображение, внимание и память субъекта. Усиливает эффективность технологии внедрения *элемент визуализации*. Дело в том, что современная эпоха — это «эпоха образа», имеющая безграничные возможности благодаря визуализации

любой культурной сферы и ее составляющих. Элемент визуализации изменяет принцип конструирования образа и его восприятия. Созданный с помощью техники видеобраз активен: его можно рассмотреть во всей полноте, со всех сторон и удержать в памяти. При этом образ одновременно похож и не похож на самого себя: в нем все подгоняется под современный/со-временный стандарт, намеренно утрируются его эстетические качества, тем самым позволяя манипулировать зрительским восприятием и преобразовывать его. Сегодня сфера образов отовсюду атакует человека. Любые информационные (политические, экономические, научные и др.) сюжеты, материалы СМИ, реклама иллюстрируются видеорядом, то есть любой мифологический текст визуализируется.

Визуальный компонент связан с использованием определенных технических приемов, усиливающих манипуляцию сознанием с помощью мифического. Так, компьютерная графика стирает грань реального и фантазийного, с помощью компьютерных «окон» можно одновременно показать несколько сюжетных линий или вариантов развития одного и того же объекта, реальный мир и воображаемый, прошлое, настоящее и будущее, юность и старость героя.

Визуализация культуры способствует возникновению особой эстетики — *эстетики полиэкрана*, благодаря которой телезритель, постоянно переключая каналы, опираясь на свой вкус и настроение, создает «собственную передачу». При этом одновременное восприятие различных сюжетов притупляет эмоциональную остроту и смысловую глубину увиденного, формируя отстраненность и безразличие телезрителя, современного человека в целом. В Интернете пользователь создает свой гипертекст, в результате чего конструируется новая мифологическая реальность, далекая от действительности, но воспринимаемая как истина (заметим, «у каждого своя»).

Кроме того, возрождена идея *пророчества*, ставшая существенным элементом технологии манипуляции сознанием посредством мифотворчества. Объясняется это тем, что современные мифотехнологи мастерски владеют искусством управления людьми, согласно которому масса легче управляется не физическими методами, а силой воображения (во-ображения, то есть превращения благодаря фантазии части реальности в образ, чаще всего мифический). Современные медийные лица, выступая в роли предсказателей, обещают либо чудесное, невероятное в виде «золотого века», либо жуткое, кровавое, эсхатологическое. Подобные прогнозы, подключая эмоциональный аспект языка, подкрепляются видеорядом, что усиливает воздействие на сознание.

Еще одним элементом технологии манипуляции сознанием посредством мифотворчества можно назвать *создание имиджа*, благодаря чему возвышается и даже сакрализуется та или иная личность. Имидж выстраивается на основе мифологем путем навязывания идеологических, эмоционально-ассоциативных клише с помощью PR-технологий. В связи с этим имидж наделяет объект дополнительными мифологическими характеристиками, стремясь выделить его из ряда других, похожих. Говоря словами А. Ф. Лосева [4, 184], объект наделяется чудесностью. Необходимо заметить, что имидж создает заданную социально-психологическую установку, но люди воспринимают объект как результат собственного видения. Именно эти свойства имиджа дают возможность использовать его как

инструмент манипулирования сознанием. Сила имиджа проявляется во всех сферах бытия: в семейном укладе, в моде, в восприятии произведений искусства, во взглядах на политику, во внешнем стиле жизни, в определении духовных ценностей, во всем человеческом облике. Например, создатели рекламы утверждают, что «женщины покупают не товар, а обещание быть красивой», «производители косметики продают не ланолин, а надежду», «человек покупает не просто автомобиль, а покупает престиж». Заметим, в России сегодня любые значимые/медийные лица тщательно продумывают и выстраивают свой имидж, ориентируясь во многом на главу государства и мировые модные тенденции.

Нередко лидеры/популярные люди современной культуры требуют поклонения себе, подобно богам древности. Для этого специально создаются разного рода *обряды*, нередко обнаруживающие в себе черты идолопоклонства, подтверждающие значимость личности. Так возникает культ поклонения герою, связанный с выполнением определенных ритуалов: вхождение в клуб фанатов, коллекционирование атрибутики и информации, впадение нередко в массовый транс при похоронах (вспомним похороны В. Высоцкого, В. Цоя, М. Джексона и др.). Сами «звезды», например, музыкального или политического Олимпа, подтверждают свою избранность составлением подробнейшего райдер-листа, в котором указывают перечень своих, отнюдь не скромных, требований к встречающим их организаторам выступлений, тем самым утверждая идею идолопоклонства себе. Сегодня черты идолопоклонства можно обнаружить в среде фанатов спортивных клубов, определенных артистов или харизматических личностей.

К существенным элементам манипуляции сознанием можно отнести *конструирование медийных спектаклей* с уже-сделанным-вымышленным-образом. Эти спектакли есть не что иное, как «тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует», что в итоге способствует «безразличию к собственному существованию» [1, 8]. Медийный спектакль представляет собой гибкую систему без детального драматургического плана, поэтому «нельзя предвидеть, по какому пути пойдет процесс», «но режиссеры готовы к тому, чтобы действовать по любому сценарию, и быстро определяют, какой из них реализуется» [3, 274]. Благодаря СМИ и Интернету медийные спектакли мгновенно становятся достоянием широких масс, активно обсуждаются, как правило, не подвергаясь никакому сомнению. Привлекательными эти спектакли делают элементы секретности, недосказанности, чудесности, непредсказуемости, что становится возможным благодаря техническим эффектам визуализации. Сформированный сегодня пассивный тип потребителя принимает все к сведению, не рефлексируя над ситуацией. Дело в том, что цифровой образ самодостаточен: он «незаметно заполняет внутренний мир и становится условием восприятия, цензором приемлемого или неприемлемого, видимого, бросающегося в глаза или ушедшего в тень, вытесненного, игнорируемого» [5, 40]. В итоге рождается новая ситуация, когда не люди думают образами, а, наоборот, образы думают/манипулируют людьми.

Подводя итоги, подчеркнем: в современности мифотворчество и мифы как вид знания/информации внедряются в различные культурные области. Миф

представляет собой специально созданную, рационально продуманную конструкцию, призванную объединять людей, воодушевлять, стимулировать и направлять их действия. Современные технологии манипуляции сознанием посредством мифотворчества включают в себя такие компоненты, как использование мифологем, эмоциональная роль языка, элемент визуализации, пророчество, создание имиджа и обрядов, разного рода медийных спектаклей. Это способствует тому, что мифотворчество является выгодным и актуальным для власти конструктом, имеющим мощное воздействие на умы и души современности.

Благодаря применению технологии манипуляции сознанием миф может быть как феноменом, показывающим себя (по М. Хайдеггеру, «себя-в-себе-самопоказывающее» [8, 28]), так и феноменом, нечто кажущим (по М. Хайдеггеру, «себя-так-само-по-себе-кажущее»). То есть миф становится формой культуры, в которой заложены как положительные, так и отрицательные импульсы. Здесь многое зависит от заказчика информации и личности мифотехнолога, создающих новую реальность и задающих ей направление развития. Если их образ будет копией главного героя романа У. Эко «Пражское кладбище» Симонино Симонини — человека, чьи способности к мифотворчеству переплетаются с суеверностью, ограниченностью, аморальностью, коварностью, меркантильностью, то на будущем будет лежать печать раздора, смут, войн, сфабрикованных фальсификаций, не имеющих исторической достоверности [9]. Реальность исчезнет, будет торжествовать симулякр, а оригинал либо обесценится, либо забудется. Ведь в результате технологичного создания и внедрения мифов в сознание огромного количества людей размывается и даже исчезает действительность: человек начинает жить в созданной мифологизированной реальности, рассматривая все через призму навязанных ему мифов, радуясь этому и не решая проблем действительности. Знание технологии современного политического мифотворчества снимает флер чудесности, возвращая человека в лоно рационального и реального восприятия окружающего мира. Благодаря этому знанию человек может провести демаркационную линию между мифом и реальностью, выдуманной и действительным. Но, к сожалению, большинство современных людей к этому не расположены, поскольку для них картезианское «Мыслю, следовательно, существую» давно потеряло свою актуальность, уступив место «Потребляю, следовательно, существую».

-
1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012.
  2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993.
  3. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2009.
  4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1990.
  5. Савчук В. В. Философия эпохи новых медиа // Вopr. философии. 2012. № 10. С. 33–42.
  6. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2013.
  7. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 1998.
  8. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003.
  9. Эко У. Пражское кладбище. М., 2012.

Рукопись поступила в редакцию 15 апреля 2013 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 351.751.5 + 929(44)“17”

Б. В. Емельянов

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Статья 1. Борьба с французским Просвещением*

Статья посвящена цензурной политике царизма по отношению к трудам французских просветителей. На основании архивных и библиографических разысканий в ней приведены примеры запрещения духовной и светской цензурой книг Вольтера, Дидро, Гольбаха и других французских просветителей.

Ключевые слова: цензура, запрещение публикаций, французские просветители, Вольтер, Дидро, Руссо.

История цензуры в России — старая исследовательская проблема, которой посвящено несколько солидных монографий [2, 10, 11, 13], не один десяток статей и научных сообщений. Несмотря на это, она все еще имеет немало лагун, не все архивные материалы опубликованы, не все факты цензурных аутодафе освещены. Нашу статью мы посвящаем истории преследования царской цензурой трудов французских просветителей. Она основана на наших библиографических и архивных поисках историко-философских источников.

***

Французское Просвещение — славная страница не только французской, европейской в целом, но и русской мысли. Для него Россия оказалась той страной, где его идеи, произведения всех (!) его идеологов были известны и публиковались так обильно, как ни в одной стране Европы. С воцарением Екатерины II, которая многие годы поддерживала дружеские отношения с Вольтером и Дидро, предприняла попытку позиционировать себя «философом на троне»,

---

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118а.

началась эпоха «официального вольтерьянства (вольтеризма)», а вольтерьянство превратилось в моду.

XVIII в. для России было временем становления государственности европейского типа со всеми ее атрибутами, в том числе цензурой. Цензура печатных изданий свою историю начала при Петре I, когда книгоиздательская деятельность перешла от церкви в руки государства. Однако церковь свою линию преследования книг, не соответствующих религиозным догматам, продолжала. Это ее стремление Петр поддерживал, издав в 1720 г. указ, запрещающий издавать книги религиозного содержания без предварительной цензуры Духовной коллегии. Позже, уже в 1743 г., он был дополнен указом «О неприводе из-за границы напечатанных в чужих краях на российском языке книг, не освидетельствованных Синодом». Наблюдал Синод и за переводами иностранной литературы, отслеживая издания не только религиозного, но и светского содержания, особенно философского, и периодически просил их запрещения. Так было с изданием в 1756 г. учеником Ломоносова профессором Московского университета Н. Н. Поповским перевода философской поэмы английского писателя А. Попа «Опыт о человеке», с публикацией перевода А. Кантемиром книги Фонтенеля «О множестве миров».

Екатерина II цензуру не отвергала и ею не пренебрегала. В 1769 г. она предприняла попытку закрыть доступ в Россию книг «соблазнительного содержания», направив в Сенат секретный рескрипт следующего содержания: «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самых и российской нации, которые во всем свете запрещены, как, например, Эмилии Руссоны, Мемории Петра III, Писмы жидовские по французскому и много подобных; а у вольных здешнего и Московского городов книгопродавцов думать надобно, что еще более есть таких книг, которые служат к преобращению нравов, по той причине, что оные лавки ни под чьим ведомством не состоят, и токо надлежит приказать накрепчайшим образом Академии наук иметь смотрение, дабы в ее книжной лавке такие непорядки не происходили, а прочим книгопродавцам приказать ежегодно реестры посылать в Академию наук и университет Московский, какие книги оны намерены выписывать, а оным местам вычернивать в тех реестрах такие книги, которые против закона доброго нрава и нас, а если после того сыщется преступник сему в продаже книг, то конфисковать всю лавку и продать на щет сиропитательного дома, впрочем дозволяется Сенату придумать, что за луче рассудится к исполнению сего» [7, 96].

Первую цензурную атаку Екатерина II повела на типографии Н. Новикова, который, будучи сам масоном, печатал масонскую литературу. Она опасалась влияния масонов на будущего императора Павла. По приказу императрицы московский архиепископ Платон просмотрел книги, изданные в типографии Новикова, и отобрал «сомнительные». Таких книг оказалось 22, и среди них «Похвала Сократу» («приписываемая похвала Сократу несовместима ни с истиною закона, ни с разумом: а по уподоблению Сократа со Христом-спасителем соблазнительно») и книга Вольтера «Человек в 40 талеров» («мало содержит полезного, а более колобродного»). Шесть из этих «сомнительных» книг

по приказу Екатерины были у Новикова изъяты и впоследствии уничтожены, остальные возвращены в книжные лавки [7, 110–112].

Более грандиозная акция по изъятию книг по всей стране по указу Екатерины прошла в 1787 г. Только у Новикова было изъято 142 000 книг 313 наименований. Просмотрев списки изъятых книг, императрица в 1788 г. приказала 14 из них «предать огню все без изъятия», остальные вернуть издателям.

В последнее семилетие царствования Екатерины началось повсеместное запрещение книг французских просветителей и литературы о Французской революции. В архиве Тайной экспедиции Екатерины II исследователи обнаружили несколько дел, посвященных запрещению книг французских просветителей. Одно из них — дело Струговщикова. В 1771 г. в Синод поступил донос, в котором сообщалось, что купец Степан Борисович Струговщиков без должного уважения «злословит Христа», считая его не Богом и не сыном Божиим, а простым человеком, а также догмат троицы многобожием, и не признает христианских таинств. В доносе подчеркивалось, что Струговщиков читает недозволенные книги, и не только печатные.

Синод передал донос в Тайную экспедицию, и та приступила к допросам. Струговщиков сознался, что многие свои мысли он мог взять «из сочинения Вольтера и из книги “Раскрытой завесы христианства” некоторые слова» [9, 261]. Подследственный сообщил, что книги («вольтеровы сочинения разны, переведенные на русский язык») ему дал знакомый Ефим Васильевич Рознотовский — секретарь дворцовой Комиссии о коммерции и депутат Уложенной комиссии, который «уговаривал его тем, что оные книги делают человека просвещенным».

Рознотовского допрашивал сам генерал-прокурор Вяземский. На допросах выяснилось, что Струговщикову он передал «четыре письменные книги, кои он по чистой совести признает и сам, что наполнены разными развращенными и дерзостными противу христианского закона словами». Это были переводы книги Гольбаха «Разоблаченное христианство», дважды, в 1768 и 1770 гг., приговоренной во Франции к сожжению; произведений Вольтера «Обед у графа де Булэнвилье», «Рассуждение по алфавиту», «Катехизис честного человека» и «Катюкамень, или Оглашенный» (принадлежит, как позже выяснилось, перу французского философа XVIII в. Шарля Борда; была напечатана вместе с «Разговором честного человека с монахом» Вольтера). Тогда же выяснилось, что Рознотовский передал Струговщикову еще одну рукописную книгу Вольтера — «Изгнание иезуитов из Китая».

Тайная экспедиция составила по делу «замечания» на восьми листах и передала их на утверждение Екатерине II, которая приказала Струговщикова и Рознотовского за чтение «развратных» книг подвергнуть духовному наказанию, а отобранные у них рукописные переводы книг французских просветителей, «дабы оные между правоверными христианами не наводили развращенно-го соблазна», сжечь в их присутствии.

Негативное отношение Екатерины к изданиям Вольтера демонстрирует дело издателя его сочинений Ивана Герасимовича Рахманинова. В 1784 г. он открыл в Петербурге «вольную» типографию, в которой напечатал собственные

переводы вольтеровских сочинений: «Аллегорические, философические и критические сочинения», «Политическое завещание Вольтера», две части собрания сочинений Вольтера. Опасаясь преследования цензуры, Рахманинов в 1791 г. переводит типографию в свое имение в селе Казинка Тамбовского наместничества. Там он приступил к изданию собрания сочинений Вольтера в 20 томах и успел до 1794 г. отпечатать четыре из них, содержащих 85 произведений французского просветителя. Козловский городничий Сердюков донес на Рахманинова, информируя Тамбовского наместника о его типографии и издании сочинений Вольтера. По его приказу специальная команда опечатала типографию и содержащиеся в ней 5205 экземпляров книг. Екатерина II потребовала срочно сообщить сведения о Рахманинове, его типографии и о том, куда разошлись изданные в ней сочинения Вольтера. После получения ответа от Тамбовского наместника она приказала «книги под названием “Полное собрание сочинений” Вольтера, переведенные на российский язык, а как оные суть вредные и развращением наполненные... в Москве конфисковать». В отношении Рахманинова последовало другое распоряжение: «Наискорее и без малейшего разглашения типографию Рахманинова запечатать и печатание запретить... книги конфисковать, а Рахманинова спросить, с какого указного позволения начал он те книги печатать, видевши в них совершенное развращение нравов» [14, 125].

Следствие продолжалось еще несколько лет, но в 1797 г. при пожаре типография и опечатанные в ней конфискованные книги сгорели. При воцарении Павла I на престол ему было доложено о «деле Рахманинова». Царь распорядился, чтобы «чинимое о сем деле следствие было скорее окончено и изыскано притом, не скражены ли некоторые из тех книг», а через три месяца, 17 августа 1800 г., приказал: «Все книги без изъятия сжечь, а губернатору, выславшему их, благоволение объявить» [Там же, 63–64].

Сменивший на престоле Екатерину Павел I развернул борьбу против издания и ввоза иностранной литературы; только за два года (1797–1799) на таможнях было конфисковано 139 изданий, а 18 апреля 1800 г. он издает указ, в котором записано: «Так как чрез ввезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия, то оные впредь до указа повелеваю запретить впуск из-за заграницы всего рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше» [8, 176–177].

Преследование книг французских просветителей продолжалось при Александре I, который 9 января 1804 г. утвердил первый в России цензурный устав. Несмотря на его достаточно либеральный характер, его положения требовали запрещения изданий возбуждающих общественное мнение, наносящих вред государству и религии. А такими, как правило, считались книги Вольтера, Дидро, Руссо и других французских просветителей. Они-то и запрещались в первую очередь. К примеру, цензор профессор Я. В. Толмачев, прочитав перевод книги Вольтера «Кандид, или Оптимизм», 17 декабря 1818 г. донес Санкт-Петербургскому цензурному комитету: «Содержание всей повести клонится к опровержению промысла, пекущегося о мире, соблазнительные же происшествия, составляющие оную, представлены в самом гнусном циническом виде; оные противны не только нравственности, но даже общим правилам благопристойности».

В решении комитета было записано: «Соглашаясь с мнением г. профессора Толмачева, комитет определил издание запретить» [5, 124]. А в 1829 г. цензором Я. В. Толмачевым была запрещена «Неизданная переписка Гримма и Дидро — собрание стихотворений и отрывков» за «гнусное кощунство насчет веры христианской» [Там же].

В преследовании книг французских просветителей правительству помогала духовная цензура, ведущая свое начало с 1799 г., когда при Синодальной контроле была создана Комиссия для свидетельства и рассмотрения сочиненных и переводных книг до церкви и учения церковного касавшихся. Эта комиссия занималась цензурованием духовных книг вплоть до 1808 г., после чего Синод функции цензуры возложил на духовные академии. Духовные цензоры часто выступали инициаторами запрещения книг французских философов. Так, в 1814 г. архиепископ Иннокентий, выступив против книги Монтескье «О существе законов», в своем отзыве писал: «Надавно отпечатана изданием четвертая часть “О существе законов” г. Монтескье. В журналах автор называется бессмертным и таким коего должен иметь всякий человек мыслящий и коего часто одна строка стоит целого тома. Но в нем между прочим находится противное евангелию, грекороссийской церкви и отечеству. Именно перевернувши несколько листов, нечаянно читаем: “Религия, повелевая прекращение труда, должна смотреть более на нужды людей, чем на величие существа, в честь которого сие делается”. Такое правило г. Монтескье предпочитает нужде богопочитания. Величие существа божия выше всяких нужд человеческих; почитание бога есть нужда вечная и необходимая для всякого человека. Следственно, религия не должна смотреть более на нужду людей, нежели на величие существа...» [10, 369].

Архимандрит Венедикт в 1831 г. не одобрил «Размышление о величестве божием» Ж. Ж. Руссо. В бумагах Московского комитета для цензуры духовных книг мной обнаружен разбор перевода книги «Обеденные беседы у барона Гольбаха». Этот комитет за подписью архиепископов Венедикта и Евлампия и профессора философии протоиерея Голубинского 3 января 1831 г. запретил ее печатание, найдя «насмешки и ругательства над верою, церковь, правительствами и народами, выставленными в сей рукописи точными словами вольнодумцев XVIII в., заимствованными из сочинений, которые не были издаваемы на российский язык, крайне грубы, подлы, неблагопристойны, дерзки, гадки и возмутительны (с. 45 и 169, 110–117 письмо Вольтеру к Дидероту и ответ последнего; с. 142–149 письмо Вольтера к Даламберу; с. 151–154 возмутительное воззвание против правительств и религий...)» [3, ф. 802, оп. 1, ед. 5567, л. 5].

О совместных усилиях министра народного просвещения А. Шишкова и митрополита Серафима по изъятию «из книгохранилищ и от всякого употребления в учебных заведениях» книг, не прошедших духовную цензуру, говорит дело «О книгах относящихся к вере, изданных без Синодального разрешения», хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации. Министр и митрополит, ссылаясь на царский указ от 17 апреля 1825 г., составили большой список «зловредных книг», приказав в учебных округах эти книги рассмотреть и изъять их из обращения. В этом списке, разделенном на четыре части (1. Книги

учебные, 2. Книги нечестивые и возмутительные, 3. Книги лжемистиков, масонов, кабалистов и проч., 4. Книги соблазнительные), названо 237 книг, среди них 110 книг французских просветителей Вольтера, Руссо, Кондильяка, Монтеня, Монтескье, Гельвеция, сборники статей из Энциклопедии. О судьбе этих книг министр в течение пяти лет вел переписку с попечителями учебных округов и Синодом, но дело так и не было окончено [З, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 76]. Рассказано об этой акции и в книге А. Котовича «Духовная цензура в России. 1799–1855» [10, 424–430].

Из переписки министра с попечителями учебных округов видно, что только попечитель Казанского учебного округа, известный «гаситель просвещения» Л. Магницкий, близко принял идею просмотра и запрещения неугодных книг. И понятно почему. За несколько лет до этой акции Министерства просвещения и Синода он по личной инициативе потребовал список книг студенческой библиотеки Казанского университета и нашел «в оном заглавия книг или безбожных, или противных правительству», среди которых «Oeuvres de Voltaire», и предложил Совету университета «взяв оные немедленно из студенческой библиотеки, заменить их другими книгами, соответствующими целям воспитания». В воспоминаниях адъюнкта Казанского университета Краузе сказано, что найденные Магницким «негодные сочинения Вольтера, сквернословия Дидерота и вообще все книги, написанные против бога и государя» университетским профессорам удалось спрятать и сохранить [6, 141]. Тот же Магницкий в 1821 г. потребовал проверить библиотеки и других учебных заведений округа. В результате в Симбирске было изъято 112 названий книг, в том числе несколько книг французских просветителей; в Тобольске изъяты «Театр Вольтера», «Философская и политическая переписка императрицы Екатерины с Вольтером» и другие книги; в Казанской гимназии истреблены 109 томов 18 наименований [Там же, 264].

Николай I относился к философии негативно и даже боялся ее. Известный тезис «польза от философии не доказана, а вред несомненен», сформулированный в годы его правления, оправдывал правительственные преследования ее. При Николае I был образован Комитет иностранной цензуры, задачей которого было определено просматривать ввозимую из-за границы печатную продукцию, в том числе книги, выписываемые учебными заведениями и частными лицами. Дела этого комитета содержат немало свидетельств о запрещении работ французских просветителей. Приведем лишь два примера таких отрицательных отзывов. В рапорте № 278 от 8 августа 1828 г. цензор о «Системе природы» Гольбаха писал: «Это сочинение было осуждено на уничтожение и сожжение постановлением Парижского парламента 18 августа 1770 г. Слишком хорошо известно, сколько шуму было из-за него в свое время. Оно состоит из 2 частей: в первой — автор исследует, что такое материя и движение, далее он трактует о человеке, о его происхождении и смерти; отсюда он переходит к вопросу о происхождении души. Эти рассуждения приводят его к постановке известных вопросов о свободе, бессмертии, о догмате загробной жизни, о неизбежности самоубийств и их целесообразности; он заканчивает оценкой обязанностей человека к себе подобным, определением происхождения общества и установлением всех прав верховной власти.

Во второй части трактуется о религии, о существовании бога, о доказательствах его бытия, о деизме и оптимизме, о значении теологии и о бесплодности обращения человека к богу. Наконец он заканчивает апологией атеизма и кратким кодексом природы.

Вот некоторые из ложных и гнусных положений, высказанных в этом ужасном сочинении: “люди, — говорит автор, — во всех странах поклонялись странным, несправедливым, кровожадным, неумолимым богам, права которых они никогда не осмеливались разбирать. Эти боги были повсюду распутными, жестокими, пристрастными. Они исходили на тех разнузданных тиранов, которые безнаказанно издеваются над своими несчастными подчиненными. Такому же отвратительному богу заставляют нас поклоняться и ныне; бог христиан, подобно богам греков и римлян, наказывает нас в этом мире и будет наказывать в загробном существовании за поступки, имеющие своим источником полученную нами от него природу. Подобно опьяненному своей властью государю, он щеголяет своим могуществом... Теология показывает нам, что люди всегда подвергались наказаниям за свои неизбежные, необходимые проступки, будучи как бы жалкими игрушками в руках этого тиранического божества...”» [1, 17]. Комитет согласился с мнением цензора и запретил эту книгу Гольбаха.

Второй пример. Цензор Дукшта-Дукшинский в 1829 г. (рапорт № 300), оценивая книгу «Неизданная переписка Гримма и Дидро и собрание писем, стихов, отрывков, запрещенных имп. цензурой в 1812 и 1813 гг.», пишет: «Мысли о политике основаны здесь на понятиях, изображенных в известной книге Жан-Жака Руссо “Общественный договор”, но мы почитаем излишним приводить оные, поелику безбожие и кощунство, наполняющие сию книгу, уж слишком достаточные к строжайшему оной запрещению на основании § 3 устава о цензуре» [Там же, 18]. В статье В. Александри «Французские просветители и царская цензура» [Там же], откуда взяты эти примеры, приведен также еще один отзыв, запрещавший французское собрание сочинений Д. Дидро, в которой цензор нашел статьи, «исполненные ужасного безбожия, соединенного с гнусным кощунством на счет веры христианской и книг ветхого и нового завета» [Там же, 18]. Позже комитет выпустил «Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенным иностранной цензурой безусловно и для публики: с 1815 по 1853 год включительно» (СПб., 1855), в котором как запрещенные отмечены книги Дидро (с. 90), Гольбаха (с. 170), Ламенне (с. 195–196).

Во второй половине XIX в. акценты в развитии русской философской мысли сместились, актуализировались социальные проблемы, популярными стали материализм и позитивизм, появились переводы марксистских работ. На них и было переключено внимание цензуры. Однако и в это время было несколько эпизодов запрещения работ французских просветителей. В 1868 г. возникло дело по поводу издания книги «Философия истории. Сочинения Фр. М. Вольтера» (СПб., 1868). Петербургский цензурный комитет арестовал тираж. Тогда издатель Поляков попросил направить книгу в комитет духовной цензуры, но и здесь было заявлено, что книга «до такой степени переполнена вредными текстами, что опровержение должно равняться по своему объему самой книге, так как характер всего сочинения саркастический, насмешливый, а действие

сарказма на читателя трудно уничтожимо опровержением, как бы оно удачно ни было». Свое представление о книге сделал министр внутренних дел А. Е. Тимашев: «Заключающиеся в этой книге возмутительно дерзкие и саркастические глумления над предметами христианских верований, над преданиями священной истории, над догматами церкви глубоко оскорбляли бы благочестивое чувство верующего и служили бы соблазном для людей легкомысленных. В вопросах веры орудия насмешки, которыми с таким губительным успехом действовал Вольтер, гораздо опаснее серьезных исследований и возражений; последние могут быть опровергнуты, тогда как насмешки и глумления даже в случае опровержения уничтожают достоинство и авторитет предметов, признаваемых священными и неприкосновенными». По решению Комитета министров книга в 1872 г. была запрещена и в количестве 775 экземпляров уничтожена [4, 66–67].

Еще одно дело возникло в 1872 г., когда тот же издатель Н. П. Поляков напечатал двухтомник «Романы и повести Д. Дидро» (СПб., 1872). Петербургский цензурный комитет арестовал 2487 экземпляров книги. Министр А. Е. Тимашев поддержал это запрещение, написав в представлении: «Означенный том романов и повестей Дидро состоит из пяти отдельных статей, из которых первые две большие по объему “Жан фаталист и его барин” и “Белая птица” отличаются особенно вредным содержанием, а из остальных, меньших статей, в двух встречаются только некоторые места, неудобные для печати... Вся книга эта, как в общем, так и в частности, по своему антирелигиозному и циническому характеру представляется в высшей степени безнравственной и безбожной; такой характер подлинника оной признан даже в самой Франции». По решению Комитета министров в 1873 г. было уничтожено 2462 экземпляра этой книги [Там же, 99–100].

Труды французских просветителей для царской цензуры до последних дней ее существования оставались объектом преследования: их она запрещала печатать, ввозить из-за границы, держать в фондах общественных и учебных заведений. И не только их трудов, но и книг о жизни и мировоззрении Вольтера, Дидро, Гольбаха и др.

-
1. *Александр В.* Французские просветители и царская цензура // Антирелигиозник. 1939. № 6.
  2. *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.
  3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
  4. *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России, 1825–1904. М., 1962.
  5. *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.
  6. *Заоскин Н. П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1906. Т. 4.
  7. *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVIII–XIX веков. Л., 1971.
  8. *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916.
  9. *Козан Ю. Я.* Из истории распространения памфлетов Вольтера // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 3. М., 1956.

10. Котович А. Духовная цензура в России. СПб., 1909.
11. Лемке М. И. Очерки по истории цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
12. Мартынов Б. Ф. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962.
13. Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры, 1700–1863. СПб., 1892.
14. Стацук Н. И. Вольная типография И. Г. Рахманинова на Тамбовщине // Вопр. истории. 1956. № 12.

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2013 г.

УДК 316.343.32 + 323.31 + 323.325

Ю. И. Мирошников

«МЫ ПОСМОТРИМ, КТО СИЛЬНЕЕ – ВЛАСТЬ ИЛИ МЫСЛЬ» (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена)

Современное российское общество утратило устойчивый вектор исторического развития. Эта ситуация делает актуальным обращение к событиям России, последовавшим за Декабрьским вооруженным восстанием 1825 г. Вместе с тем особенно востребованной сегодня оказывается такая ключевая фигура идейной и политической жизни XIX в., каким является А. И. Герцен. Время А. И. Герцена — это зеркальное отражение эпохи современной постсоветской России, отражение, где левое становится правым и наоборот. А. И. Герцен всегда сохранял свою идейную мобильность, свободу выбора, возможность критики и чужих, и своих взглядов. В борьбе за будущее своей родины А. И. Герцен придавал решающее значение свободе выражения общественного мнения. Он был уверен, что мысль, выраженная публицистическими средствами, способна повести за собой общество вопреки воле властных структур.

Ключевые слова: русское дворянство, образованный человек и ученый, западники и славянофилы, деспотизм императорской власти в России, крестьянская община — зародыш социализма, европейская идея социализма, проблема прогресса в России, стиль мышления Герцена, публицистика, гегельянство.

Европейски воспитанный человек

Герцен считал себя европейски воспитанным человеком, впитавшим «с молоком матери европейскую цивилизацию», судьбу «старой Европы» он принимал как свою [4, 209]. Таких людей, как он сам, Герцен причислял к особому социальному слою российского общества, который называл образованным меньшинством класса дворянства, стоявшим между правительством и народом. Именно в этом слое «образованного меньшинства», по его мнению, таится «зародыш и умственный центр» общественного прогресса [Там же, 215]. Петр I дал толчок для возникновения этого слоя, но дальнейшее его развитие привело к глубокому внутреннему конфликту с деспотической властью Российской Империи.

«В этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной

службы, — кипит множество страстей и сил, которые, именно вследствие отсутствия выхода, бродят, растут и часто вырываются на свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности» [4, 216]. Герцен как раз являет собой пример такой «блестящей эксцентричной личности». Он мыслил не только классово, тщательно прописывая то общее, что связывает человека с обществом, но и типологически. Одна из самых коренных его типологий — Россия и Европа, и не мудрено, что, говоря о личности, Герцен непременно противопоставлял нашу личность личности на Западе. «Развитые личности у нас редко встречаются, но они пышно, разметисто развиты, без шпалер и заборов. Совсем не так на Западе» [1, 113]. И вновь можно из этой характеристики типа русской личности почерпнуть многое в качестве самохарактеристики автора «Былое и думы». Личность Герцена вписывается в эту формулу, она действительно была развита пышно и разметисто, без шпалер и заборов, как береза в поле.

Еще хотелось бы задержаться немного на квалификации социального слоя, в котором Герцен себя вполне законно прописывает наряду с А. С. Пушкиным и декабристами. Я имею в виду спецификацию части дворянского класса, которую он называет «образованной». Такому виду дворянского рода Герцен дает специальное обоснование в работе «Дилетантизм в науке», противопоставляя «образованному» слою слой (профессиональную группу) ученых, образованному человеку — ученого. Ученый — профессия, а об образованности человека говорит не наличие у него диплома об окончании университета, а уровень, степень развития личности, высоты ее внутренней культуры. В интеллектуальном плане образованный человек — универсал, «образованный человек не имеет права быть глупым ни в чем» [2, 53]. В любой области знания он считает необходимым овладеть определенным уровнем, ученый же за границами требований профессии не чувствует обязанности в чем-либо быть компетентным. В личностном плане в отношении образованного человека предполагается совершенство его нравственных качеств, среди которых главное — свобода проявления «я». «Образованный человек мыслит по свободному побуждению, по благородству человеческой природы, и мысль его открыта, свободна; ученый мыслит по обязанности, по возложенному на себя обету, и оттого в его мысли есть что-то ремесленническое и она всегда подавторитетна» [Там же, 53].

Творчество Герцена в контексте основных оппозиций общественной мысли России XIX в.

Творчество Герцена развертывалось в середине XIX в., когда в России уже вполне обозначились основные оппозиции общественной мысли: западничество — славянофильство, секуляризм — религиозная философия, революционность — охранительство, разработка планов по социальному переустройству российского общества — поиск путей нравственного совершенствования человека. Эти оппозиции вместе с другими, здесь не выделенными, образуют духовное целое, они функционально связаны между собой, вытекая из генетически первичной, образовавшейся благодаря расщеплению общественной мысли России на западничество и славянофильство.

Герцен все эти оппозиции не только чувствовал и понимал, но исследовал философскими и публицистическими средствами. Можно сказать, что он мыслил этими оппозициями, но, по-видимому, жестко не закреплял за собой какое-то место в их структуре. Его точка зрения всегда сохраняла мобильность, свободу выбора, возможность критики и отрицания своих прежних взглядов, которые он когда-то отстаивал.

«Архивный юноша» А. И. Кошелев, друг И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, первый издатель органа славянофилов — журнала «Русская беседа», в своих записках вспоминает, что борьба между нарождавшимся «русским направлением (т. е. славянофильством. — Ю. М.) и господствовавшим тогда западничеством» возникла в беседах друзей, среди которых, кроме уже названных имен Киреевского и Хомякова, фигурируют М. П. Погодин, С. П. Шевырев и др. Причем, как отмечает Кошелев, почти единственным представителем зарождающегося славянофильства был Хомяков, «ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему», т. е. к западничеству. «Главными, самыми исключительными защитниками западной цивилизации были Грановский, Герцен, Н. Ф. Павлов и Чаадаев. Споры наши продолжались далеко за полночь, и мы расходились по большей части друг другом недовольные; но о разрыве между этими двумя направлениями еще не было и речи» [8, 78].

Полуночные споры рано или поздно должны были сделать свое дело, и они его сделали. Как замечает Герцен в своих мемуарах «Былое и думы», в формировании этой главной российской оппозиции решающую роль сыграл темпераментный Белинский. Одни присоединились к «неистовому Виссариону», другие встали к нему в непримиримую оппозицию, «он их (т. е. славянофилов. — Ю. М.) додрознил до мурмолок и зипунов» [1, 29]. Но и Герцен отмечает, что люди, составившие в конце концов два непримиримых стана противников, сформировались на *одной* совокупности понятий, как в перенасыщенном растворе из одних и тех же веществ вдруг возникают две разные кристаллические формы. У Герцена вызвало изумление, что «часть московских славян с Гегелем в руках взошли в ультраславянизм» [Там же, 38]. Вместе с тем Герцен в этой же ситуации проявил чувствительность к иронии истории. «Стоит вспомнить, — говорит Герцен, — что Белинский писал в “*Отечественных* записках”, а Киреевский начал издавать свой превосходный журнал под заглавием “*Европеец*”; эти названия всего лучше доказывают, что вначале были только оттенки, а не мнения, не партии» (курсив в цитате мой. — Ю. М.) [Там же]. Менталитет Герцена был так устроен, что в нем оппозиции порождались и соединялись как соединяются противоположности в целостном организме. Оппозиции рождались как оттенки мысли не только в голове Герцена, но и в головах его бывших друзей мысли неуклонно разрастались до мнений, которые начинали жить самостоятельно, увлекая за собой и общественное сознание. Но мыслям, готовым жить самостоятельно, предшествуют сама жизнь, перипетии личной жизни мыслителей. «Западничество и славянофильство, так несоединимые в книгах, соединяются без всякого противоречия в живой натуре человека, которая богаче, могущественнее и правдивее всякой логики» [7, 108].

Среди коллизий общественной жизни России самой значительной для Герцена (да и для всех тех мыслителей, которые оперировали понятиями славянофильства и западничества) была деятельность Петра I, противоречивое историческое наследие, доставшееся России. С точки зрения Герцена, Петр I — единственная исключительно важная фигура в русской истории. В этом мнении сходились многие философы России, хотя и с разными оттенками мысли.

Петр I дал толчок всей стране, привел наконец в движение нацию, которое с тех пор продолжается не замедляясь. «С энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим: с нравами, обычаями, законодательством, — одним словом, со всем прежним политическим организмом» [4, 207]. Однако Петр не был внутренне, духовно свободен от Запада и копировал его. «Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была в высшей степени противна духу русского народа» [Там же, 208]. Но даже не эти результаты слепого заимствования ставил Герцен в вину Петру. Главное его детище — императорская власть, воплощенная в Петербурге. «Представьте себе теперь, — пишет Герцен в статье “Россия”, — союз московского царизма с режимом немецких канцелярий, с инквизиционным процессом, заимствованным из прусского военного кодекса, и вы поймете, почему императорская власть в России оставила далеко позади деспотизм Рима и Византии» [Там же, 208–209]. Герцен считает, что безусловным злом, порожденным (и порождаемым доньяне) империей Петра, является подавление личности. «Личность человека у нас везде принесена на жертву без малейшей пощады, без всякого вознаграждения» [Там же, 199]. Продолжая эту тему с использованием художественных средств, Герцен пишет: «Помещик говорит слуге: “Молчать! Я не потерплю, чтоб ты мне отвечал!”. Начальник департамента замечает, бледнея, чиновнику, делающему возражение: “Вы забываетесь, знаете ли вы, с кем вы говорите?” Государь “за мнения” посылает в Сибирь, за стихи морит в казематах, — и все трое скорее готовы простить воровство и взятки, убийство и разбой, чем наглость человеческого достоинства и дерзость независимой речи» [Там же, 250].

Герцен, с одной стороны, не идеализирует Петра, как иные другие западники, с другой, в отличие от славянофилов, ему совершенно ясно, что личностному началу враждебен не только деспотизм императорской власти, но и крестьянская община. Последнее обстоятельство славянофилы отрицали с порога. Для Герцена самодержавие и крестьянская община дают целостное образование, поддерживают друг друга именно как институты, одинаково исключаящие существование личности в России.

Мечты о новой России

Глубокое понимание отношений между Россией и Западом приходит к Герцену в конце 40-х гг., когда он, уехав за границу на время, остается там навсегда. Европа (прежде всего Франция) поражает Герцена духом мещанства, меркантильности, и во многих зарубежных произведениях он как очевидец фактически подтверждает тезис славянофилов о «гниении Запада». Например, «гниение

Запада» — одна из любимых тем славянофила С. П. Шевырева, литературного критика, поэта и публициста, профессора Московского университета [9, 513]. Высокоинтеллектуальной, но состарившейся Европе Герцен противопоставляет молодую, энергичную, хотя еще не осознающую своих сил Россию. Начинается новая мировая эпоха, в которой Русь призвана исполнить новую, теперь уже заглавную, роль. Ей теперь предстоит не быть чужой Европе, как до Петра, не быть ее ученицей, как после него, и не быть ее врагом, как теперь.

Какую же идею способен внести этот ребенок — русский народ — в мировую историю в семье европейских народов? Россия уже сбросила кору царизма, на ней, как на быстрорастущем древе, уже и кора империализма непрочно прилегает к стволу. Россия идет навстречу социализму, мысль о возможности построения которого была выработана на Западе. Для запада социализм так и останется только надеждой, «для нас он уже действительный факт, с которого мы начинаем» [4, 204]. Как ясно видел Герцен то, чего еще на самом деле не было, но что действительно случилось в России почти семь десятилетий спустя.

Герцен признавал, что дух России не вызрел, не встал на самостоятельный путь развития. Именно поэтому русский народ так легко принял христианство, а затем через 800 лет так же безропотно стал усваивать плоды западной цивилизации (преобразования Петра). «Славянский мир похож на женщину, никогда не любившую и по этому самому, по-видимому, не принимающую никакого участия во всем происходящем вокруг нее» [5, 315]. Женское начало России впервые отмечено Герценом — тема, подхваченная впоследствии Н. А. Бердяевым.

Герцен считает, что продвижение России по пути прогресса возможно лишь при двух условиях — при условии: 1) объединения России со всеми славянскими народами; 2) согласования российской политики с революционной идеей социализма, разработанной в Европе. Имея в виду это, второе условие, Герцен утверждает: «Будущее России зависит не от нее одной. Оно связано с будущим Европы» [Там же, 334].

Двухсотлетний юбилей Герцена, который мы отметили в прошедшем 2012 г., подчеркнул актуальность круга идей автора «Былого и дум». При этом бросается в глаза одна странная особенность взаимного соответствия эпохи Герцена и эпохи современной постсоветской России. Это зеркальное соответствие, где левое отражается как правое и наоборот. Сегодня наша российская действительность в соотношении с Западом сильно напоминает эпоху Герцена, но при этом исторические векторы имеют противоположные знаки. За четверть века до начала широкой литературной деятельности Герцена в Европе, когда он решил своим публицистическим *словом* одолеть самодержавную российскую *власть*, в России произошло Декабрьское вооруженное восстание. В нынешней России четверть века назад рухнул Советский Союз.

Герцен мечтал о социализме для России, зримо видел его контуры, верил, что он непременно наступит, минуя стадию капиталистического развития российского общества. Нынешняя Россия «сходила в социализм» и вернулась из него обратно. Герцен со всей силой отпущенного ему литературного таланта обличал мещанский образ жизни Запада. Нынешняя Россия с самозабвенной

страстью окунулась в мещанство, полюбила его «всем разумением, всем сердцем своим». Герцен мыслил глобально, все время имея в виду исторический путь России, ее историческую миссию, ее мировую роль. Герценовская эпоха — время предчувствия какого-то подвига России, призванной удивить Европу. В сегодняшнем российском обществе на роль приоритетной претендует мысль из популярной песни о погоде в доме, все остальное за пределами семейного мирка — суэта. Россия утратила исторические ориентиры, миссию мирового лидера, инициативу сверхдержавы.

Становление стиля мышления Герцена: наука, философия, публицистика

Прежде всего, отметим, что взгляды Герцена на науку являются прямым следствием его взглядов на философию. Не менее важно учесть, что его представления о том, что есть подлинная наука, а не та, которая за таковую слывет, формировались вместе с развитием его понимания личности и ее роли в обществе. Критика науки как формы узкопрофессиональной деятельности основывалась у Герцена как раз на этих принципах коренного единства научного и философского познания, на представлении, что ученый, если он ученый, а не типичный представитель замкнутого цеха так называемых ученых, должен быть личностью и, следовательно, образованным человеком.

Герцен в 1829 г. поступает на физико-математический факультет Московского университета, в котором преподавание философии было приостановлено в 1826 г., кафедра философии была упразднена. Однако философия пробивала себе дорогу в университетские аудитории, минуя запрет царского правительства. «Германская философия была привита Московскому университету М. Г. Павловым... Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: “Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?..” Ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Окена...» [1, 16–17].

Знания немецкой философии, преподаваемые Павловым на лекциях вместо физики и сельского хозяйства, были всего лишь введением, которое Герцен сравнивал с пышными сениями, ведущими в скромное жилье. Но начало было положено, а дальше в интеллектуальную работу включились студенческие кружки, в них-то и вызрели первые российские знатоки Гегеля, по праву олицетворявшего вершину немецкой классической философии. Возник круг «сентиментальных немцев» во главе с рано умершим Станкевичем (1813–1840) и круг «социалистов и французов», в котором верховодили А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Сравнивая эти два сообщества молодых русских гегельянцев, Герцен пишет: «Они (т. е. “сентиментальные немцы”. — Ю. М.) чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы (т. е. “социалисты и французы”. — Ю. М.) мечтали о том, как начать в России новый союз по образу декабристов и самую науку считали средством. Правительство постаралось закрепить нас в революционных традициях наших» [Там же, 39].

Философия Гегеля не выдержала революционного энтузиазма, проявлявшегося в бурных дискуссиях членов кружка Герцена — Огарева. В частности, Герцен обнаружил в философии Гегеля два существенных изъяна. Гегелевская система лишь намекала, что дело важнее слова и этим фактически ограничивалась. Кроме того, в философии истории Гегеля вместо реальной исторической личности действовал абстрактный субъект — мировой разум.

Усвоение, пропаганда и критика немецкой философии позволили Герцену выйти на передний край развития европейской научной мысли. Об этом говорят уже его работы 40-х гг. «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». В них Герцен разрабатывает понятия науки и научной истины, проблему единства теоретического и эмпирического в научном знании, проблемы научного метода. Здесь же он развивает свое понимание связи науки с жизнью общества и подвергает критике узкий профессионализм ученых, негативные последствия специализации научной деятельности.

Герцен полагает, что наступил век науки и будущее России зависит от отношения, которое российское общество к науке выработает. Герцена заботит проблема участия науки в жизни общества: как сделать науку источником движения и прогресса. «Ей (науке. — Ю. М.) скучно и тесно в аудиториях и конференц-залах; она рвется на волю, она хочет иметь действительный голос в действительных областях жизни» [2, 44]. Герцен рассуждает о причинах недостаточного развития науки в России. Наука плохо прививается в российском обществе, потому что здесь лишь потребляют готовые плоды западной науки, но не пытаются освоить сам процесс научной деятельности. «Нам хотелось бы взять результат, поймать его, как ловят мух... Наука существует как наука, и тогда она имеет великий результат; а результат отдельно вовсе не существует...» [Там же, 10–11].

Однако, несмотря на его критическое отношение к философии Гегеля и ко всей классической немецкой философии, понимание Герценом науки все-таки оставалось в рамках традиций рационализма и в период работы над книгами «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», созданными им в России, и в других трудах, созданных уже позже, в эмиграции. В одном из последних (весьма важном) произведений «К старому товарищу» (1869), обращенному к М. А. Бакунину, Герцен о науке пишет как об интеллектуальной силе, самодвижущем начале, раскрывающем отношения вещей и их законы. Науке нет дела до употребления вещей, она касается лишь их понятий. «Если наука в руках правительства и капитала — так, как в их руках войска, суд, управление. Но это не ее вина. Механика равно служит для постройки железных дорог и всяких пушек и мониторов. Нельзя же остановить ум, основываясь на том, что большинство не понимает, а меньшинство злоупотребляет пониманием» [3, 592]. Все-таки теперь, в конце 60-х гг., Герцен видит, что в социуме силе науки (силе ума) следует считаться с другими ментальными феноменами, которые уму противостоят по своей глубинной сути.

Социальное противостояние носителей двух противоположных начал — рационального (ученые и образованные люди) и иррационального (народ) — порождает острую проблему понимания. Герцен эту проблему стал внятно осоз-

навать лишь на поздней стадии своей идейной эволюции — как проблему вовлечения в социализм народных масс («умственно дремлющих»). «Взять вдруг человека, умственно дремлющего, и огорошить его в первую минуту, спросонья, рядом мыслей, сбивающих все его нравственные понятия и к которым ему не поставлено лестницы, — вряд ли много послужит развитию! — а скорее смутит, собьет с толку оглашенного или обратным действием, оттолкнет его в свирепый консерватизм» [3, 583]. С позиции герценовского рационализма народная масса предстает как «умственно дремлющая», как воплощение глупости, т. е. в характеристиках сугубо отрицательных, казалось бы, не достойных теоретического внимания. Однако рационализм Герцена теперь уже не мешает ему уверенно убеждать своего старого товарища, что к народной массе нужно подходить осторожно, «пора с глупостью считаться как с громадной силой» [Там же, 584].

Герцен 60-х гг. считает, что в социализм, в царство «свободы в разуме» можно войти лишь постепенно, через воспитание масс. «Его (т. е. народное сознание. — Ю. М.) надобно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным, — изучая его, овладевая им и направляя его же средства — сообразно нашей цели» [Там же, 579].

Подчеркнем, что в преодолении философского рационализма, явно обозначившимся в последнем периоде творчества Герцена, огромную позитивную роль играла его публицистика — жанр, ему органически присущий (как и многим другим выдающимся русским философам) и увенчанный гениальным произведением, главным, долго лелеемым детищем его творческих усилий. Конечно, имеются в виду герценовские мемуары «Былое и думы». Именно в этом произведении прежде всего следует видеть интегральное воплощение самобытного стиля мышления русского мыслителя, соединяющего безграничную эрудицию с виртуозным владением слова, полную свободу критического анализа с любовью к России, личностное (лирическое) начало с эпическим размахом, чисто теоретический и оценочный моменты в понимании бытия. Имея в виду прежде всего «Былое и думы», следует вполне присоединиться к В. В. Зеньковскому, который писал, что «Герцену действительно чужда идея “чистого познания” — он везде в познание привносит оценочный момент, и в этом смысле Герцен является одним из предтеч того “субъективного метода”, который расцвел в построениях Н. К. Михайловского и близких ему мыслителей» [6, 82–83]. В «Былом и думам» наиболее полно проявилась многомерность мышления Герцена, в равной мере опирающегося на логику «головы» и логику «сердца». Тезис Б. Паскаля о том, что у логики сердца есть свои законы, Герцен использовал здесь сполна. Таков был стиль его мышления, таким был его духовный мир, такова была эпоха, в которой он жил: «Новый мир толкался в дверь, наши души, наши сердца растворялись ему» [1, 162].

---

1. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1964. Т. 9. М., 1956. Ч. 4. Гл. XXIX : Наши.

2. Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Там же. Т. 3. М., 1954.

3. Герцен А.И. К старому товарищу // Там же. Т. 20, кн. 2. М., 1960.
4. Герцен А. И. Россия // Там же. Т. 6. М., 1955.
5. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Там же. Т. 7. М., 1956.
6. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 1, ч. 2. Л., 1991.
7. Розанов В. В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990.
8. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1 : Записки А. И. Кошелева. М., 1991.
9. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. филос. соч. Т. 1. М., 1950. Статья 3.

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2013 г.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 101.1 + 930.1:94(470)“1150/16”

О. Б. Ионайтис

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XI–XVII вв.)

Лекция

В лекции рассматривается логика развития, основные направления и темы историко-философской проблематики в средневековой Руси (XI–XVII вв.).

Ключевые слова: русская средневековая философия истории.

Русская культура всегда отличалась своей открытостью — способностью усвоить, творчески переработать ценности, воспринятые у других народов, внести в них свой смысл. И древнерусская мудрость не являлась исключением: в эпоху господства языческого мировоззрения происходит сложный процесс синтеза мифологических систем, различных по структуре (славянской, тюркской, иранской, угрофинской, балтской, скандинавской), что явилось изначальным опытом по интеграции идей, определившим будущие тенденции в развитии идей византийской мысли. Древнерусская мудрость, выступая уникальным явлением отечественной культуры, вместе с тем предстает активным субъектом общеславянского, европейского и мирового мыслительного процесса. Этот опыт древнерусской мудрости лег в основание развития русской средневековой философии.

Говоря о византийском, а также других разносторонних влияниях, которые испытывала Русь, необходимо отметить, что у каждого народа существуют свои постоянные и любимые, повторяющиеся в течение всей истории идеи и образы, сквозные мотивы и типы поведения, устойчивые комплексы представлений, переживаний и умозаключений, которые в единстве составляют общую внеисторическую топику, построенную на культурных контактах и определяющую

характер заимствования из других традиций. Русская культура не является исключением. М. Н. Громов пишет: «С одной стороны, русская средневековая философия предстает как уникальный феномен, который отражает самобытный путь исторического развития Руси. С другой, она, подобно иконописи, тесно связана с византийскими истоками, а через них — с миром эллинской и восточной цивилизаций, а также с западной культурой. Потому, подчеркивая уникальный характер древнерусской мудрости, должно помнить, что она является неотъемлемой частью мирового философского и культурного наследия. Лишь в единстве этих двух сторон можно объективно понять ее подлинную сущность и справедливо оценить действительную значимость» [2, 10]. Действительно, изначально мы видим связь формирования и развития отечественного философствования с историческими реалиями средневековой Руси, а также с активным участием русских мыслителей в интеллектуальных процессах своего времени.

Мы можем отметить, что национальная культура заимствует те элементы других культур, к восприятию которых она подготовлена ходом собственной эволюции. Существует так называемый «горизонт ожиданий», благодаря которому и осуществляется взаимообогащение культур. Он определяет и направляет все сферы культурной деятельности. Описанный в «Повести временных лет» Нестором Летописцем выбор вер свидетельствует о том, что Русь «ожидала» от новой веры получить такие ценности, которые удовлетворили бы ее собственные назревшие культурные потребности. При этом было возможно усвоение и совершенно новых, дотоле неизвестных понятий, принципов и категорий, но при одном условии — если их значение и функции не противоречили сформировавшейся национальной психологии и традициям. Внимание русских средневековых книжников привлекли именно те темы, те концепции византийских мыслителей, которые отвечали их запросам, духовным поискам. Усвоение и активное развитие византийского наследия русскими средневековыми книжниками, на базе которого развивалась отечественная философская мысль, определялось интеллектуальными запросами русского общества.

Обращаясь к истории формирования и развития русской философии с XI по XVII в., мы можем выявить характерные для нее особенности, которые во многом явились следствием византийского влияния, но одновременно с тем и определяли его восприятие. Так, к примеру, мы можем отметить следующее: «...древнерусские мыслители не только проявляли свойственную ученикам робкую избирательность готовых формул, но и давали порой блестящие образцы творческой оригинальной проработки историософской проблематики, отталкиваясь при этом не только от канонических положений, но и от идей, не освященных авторитетом церковного предания» [10, 4].

Мы можем определить проблемное поле русской средневековой философии, центральной темой которого была тема человека и исторического процесса, при этом всюду доминировала моральная установка. Мы вполне можем согласиться с мнением В. В. Зеньковского, что «...исключительное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “рус-

ской души» [4, 16–17]. Интерес к данной проблематике проявился в различных сферах русской средневековой культуры. Даже наиболее распространенный стиль русской средневековой литературы — «монументальный историзм» (Д. С. Лихачев) — четко демонстрирует слияние в единое целое двух ведущих проблем отечественной истории и философии, через которые рассматриваются все остальные вопросы, — история и предназначение в ней человека.

Интерес к философии истории проявился как в оригинальных сочинениях русских мыслителей, так и отразился в выборе русскими книжниками византийских текстов для перевода. Абсолютно справедливо мнение, что «...исповедальный, экзистенциальный, нравственно акцентированный характер (русской философии. — *О. И.*) также способствовал превращению философии не в узкий набор профессиональных дисциплин, но в серию страстных, сменяющих друг друга, взаимно полемизирующих смысложизненных учений, где важнейшим было вопрошание о смысле человеческого существования, о судьбе Отечества и о ходе мировой истории» [3, 93].

То, что осмысление исторического процесса, событий в нем происходящих, было актуально для отечественных средневековых мыслителей, доказывает факт, что уже первый русский философ — киевский митрополит Иларион — создает свою концепцию философии истории.

Митрополит Иларион Киевский — знаковая фигура в русской истории: первый митрополит, избранный из русских, человек, стоящий у основ традиций русского монашества, принимавший активное участие в политической жизни своего времени, разработавший русское законодательство. В его «Слове о Законе и Благодати» отражается глубокое и всестороннее знание и понимание византийских традиций. Он, к примеру, неоднократно ссылается на тексты Георгия Амартола, Козьмы Пресвитера, «Жития Кирилла Философа», «Похвального Слова Кириллу и Мефодию», произведений Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Василия Великого. Иларион хорошо разбирался в дискуссиях александрийской и антиохийской школ, хотя ближе ему была первая. Иларион не просто один из ранних трансляторов достижений средневековой культуры на русскую почву. Он оригинальный мыслитель, сделавший предмет своих размышлений судьбы всего человечества и Руси в тех масштабах, в которых в то время могла вырабатываться концепция истории в целом, попытавшийся вскрыть основные тенденции и движущие силы ее развития. Его сочинения, кроме «Слова о Законе и Благодати» еще и «Молитва», оказали большое влияние на русских средневековых мыслителей и являлись проводниками византийских идей в славянском мире [11, 81–133].

В «Слове о Законе и Благодати» историческое прошлое человечества рассматривается Иларионом, с одной стороны, как две великие эпохи — Ветхого и Нового Заветов, а с другой — как вступление к русской истории с ее великими свершениями, великим назначением и великими деятелями. Это отражено в самом начале «Слова о Законе и Благодати» и является программой сочинения «О Законе Моисеем данным, и о Благодати и истине в Иисусе Христе явившихся; о том как Закон отошел, а Благодать и истина всю землю исполнили и вера на все языки простерлась, и на наш народ русский» [7, 29].

Иларион рассуждает о преемственности Византии и Руси, о причинах принятия греческой веры князем Владимиром. Он пишет: «...наслышан был он (князь Владимир. — *О. И.*) всегда о благоверной земле греческой, христоролюбивой и сильной верою, как единого Бога в Троице чтут и Ему поклоняются, как у них совершаются явления, и чудеса, и знаменья, как церкви людьми там полнятся, как все грады благоверны, все в молитвах предстоят, все пред Богом предстают. И, слыша это, возжелал он сердцем, возгорелся духом, чтоб быть ему христианином, и земле его» [7, 75]. Для усиления озвученной идеи Иларион применяет к князю Владимиру слова, обращенные в Евангелии к Фоме: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» [Там же, 83]; князь Владимир сравнивается с византийским императором Константином по силе веры и добродетелям. Иларион указывает, что как Константин с матерью своей Еленой проповедовал христианство, так и князь Владимир с бабкой своей Ольгой просвещал и крестил Русь. Касаясь добровольности крещения русских, Иларион отмечает: «Да если кто и не с любовью, то со страхом перед повелевшим крестились, ведь было благоверие его (князя Владимира. — *О. И.*) с властью сопряжено» [Там же, 79].

Прошло немного времени после принятия Русью христианства, но какие перемены можно видеть вокруг: «Узри же и город, величеством сияющий, узри церкви цветущие, узри христианство растущее. Узри город, иконами святых освященный и блистающий, и фимиамом курящийся, и хвалами, и молитвами, и песнопениями святых оглашенный» [Там же, 97]. Таким образом, по мнению Илариона Киевского, следуя традициям Византии, Русь постепенно, но в то же время довольно быстро достигает желаемого идеала.

Священная история, по мнению Илариона, продолжается: «Закон предтечей стал и слугой Благодати и истине, истина же и Благодать — слуга веку будущему, жизни нетленной. Как Закон приводил подзаконных к благодатному крещению, так крещение сынов своих впускает в вечную жизнь» [Там же, 33], где связующим звеном является уже сам князь Владимир. Русь становится местом проявления Благодати: «...зори благоверия явились... слово евангельское землю нашу осияло... церкви возводились... иконы являлись... крест грады освятил... епископы, стали перед святым алтарем, жертву бескровную вознося. Попы и дьяконы, и весь клир украсили и лепоту одели святые церкви... фимиам, Богу отпускаемый, очистил воздух, монастыри на горах встали... все люди наполнили святые церкви, восславили Его» [Там же, 79–81]. Перед нами не что иное, как первая картина Святой Руси.

В подобных рассуждениях Иларион близок к Нестору Летописцу, который также отмечает значимость Киева как места явления Благодати, что предсказано еще апостолом Андреем. Андрей Первозванный принес истинный дух христианства на русскую землю и, следовательно, первый призванный и просветил Русь — а через него и сам Иисус Христос. Легенда об апостоле Андрее Первозванном гласит: «...сказал бывшим с ним ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог многие церкви”. И взошел на горы эти, благословил их, поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы той, где после возник Киев» [9, 169]. Нестор

Летописец не сомневается, что Русь избрана среди народов для великого предназначения, которое ей предстоит осуществить в исторической перспективе.

В «Слове» Илариона Киевского впервые звучит концепция «Киев — Третий Иерусалим», что объясняется достигнутым Русью благочестием, а главное — великим будущим русского государства, предсказанным и уже осуществляющимся. Киев становится самым значимым местом на земле. Этому способствует и то, что князь Владимир и княгиня Ольга поступили подобно святому Константину и святой Елене, принеся во Второй Иерусалим — Константинополь — крест из Иерусалима и проповедовавшим веру христианскую: «...принеся крест из Иерусалима Нового — Константина града, по всей земле своей его поставив, утвердили Веру» [7, 91]. Дело Константина продолжил Владимир. И уже Киев воспевается митрополитом Иларионом как Третий Иерусалим, как святой град.

Несмотря на Благодать, явленную через Иисуса Христа, мир остается ареной столкновения добра и зла. Борьба Божественных и дьявольских сил отражается на конкретных исторических событиях, на действиях отдельных личностей и всем ходе истории. Мы можем видеть это на примере философии истории Нестора Летописца. Нестор объединил разрозненный русский летописный материал, осмыслил его с точки зрения выстроенной им цельной, логически систематизированной историософии. Констатируя, что славянский народ образовался среди потомков Иафета, сына Ноя, Нестор тем самым вводит историю своего народа в мировую историю, которая, в свою очередь, входит в церковную историю, более значимую, чем история мира. При этом изначально Нестор выражает идею богоизбранности славянского народа: вся мировая история — канва для истории народа, цель которого — воплотить Благодать. Именно с этим связан рассказ о выборе вер, о том, что определяющим фактором в выборе Православия явилась красота богослужения. Показательно и само обсуждение выбора веры. Русские искали не Закона, а именно Благодати, которая отождествлялась с красотой, совершенством и гармонией, порядком высшего свойства. Характерное для русских образно-символическое восприятие мира, максимализм, стремление сразу же достигнуть абсолюта нашло отклик в красоте византийского богослужения. Вот почему богослужение, литургия, дающие возможность мгновенного выхода за рамки окружающего мира, возможность прорыва к вечности, абсолюту, встречи с Богом лицом к лицу, заняли центральное место в религиозной и духовной жизни Руси.

Нестора больше волнует настоящее и прошлое, чем будущее. Для него антиномия «время — век» решается в пользу времени, где время — это установленная Богом перемена реального; оно разделяется на лета, дни, числа, по которым человек «чтет своя жизни конец». Дохристианская история Руси — период «невегласия», непонимания себя, а с принятием христианства Русь начинает осуществлять свое великое предназначение; при этом Нестор не сомневается в его реализации, он вообще не считает это темой для обсуждения: будущее продолжит настоящее своим чередом.

Нестор Летописец и митрополит Иларион говорят о прошлом и настоящем, но менее всего — о будущем, ведь оно так ясно, оно определяется принятием Русью

христианства. Будущее для них предсказуемо. Это соответствует историческому периоду, когда эти авторы создавали свои сочинения, и период этот еще был слишком далек от мистики эсхатологизма и апокалипсиса Московской Руси.

Какова же роль Руси в Священной истории? Этот вопрос неизбежно возник из рассуждений об истории человечества. И через этапы разрешения этого вопроса Русь постепенно движется от Киева к Москве, от века XI к веку XVII.

В сочинениях русских мыслителей начиная с авторов XI в. — Илариона Киевского и Нестора Летописца — возникает понятие «Святая Русь» («земля святорусская»), за которым не стоит национальная идея или географическое определение в современном смысле, но которое отражало определенные константы средневекового сознания. «Святая Русь» — категория едва ли не космическая. По крайней мере, в ее пределы (или, что точнее, беспредельность) вмещаются ветхозаветный Эдем и евангельская Палестина. Русь, как и Византия, понимает себя не как Восток или Запад, а как центр мира, в котором отражен весь мир. И проявляется эта тенденция уже в XI в. Особую роль в этом процессе играли церковь, ее стремление к самостоятельности. Показательно в этом отношении развитие определенных констант в русском искусстве. Например, идея «Святой Руси» иллюстрируется строительством храмов. Храм не только демонстрировал историю от Сотворения мира, но и саму Русь отделял от мира антихриста, вознося к миру горнему. Например, храм Святой Софии в Новгороде (XII в.): многократные попытки живописцев изобразить благословляющую десницу Спаса в куполе не имели успеха, так как, по преданию, всегда получалась рука, зажата в кулак. Считалось, что в руке Христа сохраняется судьба города.

Русь сама воспринималась как храм, в который должны войти человечество, ангелы и вся низшая тварь. Эта идея наилучшим образом выражена в русской форме купола — луковицы. Византийский купол над храмом изображает свод небесный, покрывший землю. Русский купол воплощает идею молитвенного горения к небесам. Это огненная вспышка, увенчанная крестом. Через это видимое снаружи горение, по представлениям русских средневековых зодчих, небо сходит на землю, проводится внутрь храма и становится здесь тем его завершением, где все земное благословляется и приводится к соборному целому: «В этой огненной вспышке весь смысл существования “Святой Руси”... это как бы предвосхищение того образа Божия, который должен изобразиться в России» [18, 68], и через это же горение все земное и Святая Русь восходят к Богу. Подобная точка зрения сочеталась с мировоззренческими установками времени: в сочинениях киевских авторов звучала мысль, что миссия России — быть носительницей и хранительницей истинного христианства.

Формирующаяся идея «Святой Руси» должна была найти стабилизирующий ее базис, то есть решить проблему соотношения власти религиозной и светской. Этот вопрос возникает уже в «Слове» митрополита Илариона. Он показывает, что наследственно-социальная основа власти на Руси предполагала определенные дополнения к византийским концепциям. Для Киевского митрополита Илариона божественность власти проявляется в озарении Владимира, крещении Руси, добрых деяниях, что дает возможность сравнивать князя с апостолами, то есть для Илариона божественность власти — божественность

деяний, что выражено в русских текстах более, чем в византийских аналогах. При этом постоянно подчеркивается, что наследственность власти является синонимом ее истинности.

Религиозная сфера деятельности Владимира трактуется Иларионом как «благоверие». Автор говорит о «подвиге благоверия», о том, что Владимир для Руси — «наставник благоверия» и, что самое главное, успех христианизации страны объясняется соединением в одно целое у Владимира благоверия и власти, власти и религиозного идеала. Не случайно Иларион обращает внимание в характеристике Византии на благоверие: князь Владимир слышит о «благоверии земли греческой», где все «грады благоверны». Вопрос о благоверии выводил русских мыслителей на проблему соотношения светской и религиозной власти.

Иларион, несомненно, разбирался в тонкостях византийской фразеологии, в частности, прослеживается его знание концепции константинопольского патриарха Фотия («правильность догматов предполагает упорядоченность государственного устройства»). Иларион стремится к объединению светской власти и христианских идеалов, что должно уравнивать светскую и церковную власти. Религиозная власть — идеал неоспоримый, ее величие и сила не вызывают сомнений и вообще не обсуждаются. Светская власть должна стать такой же, да она и не может быть иной в «Святой Руси»: должна быть преодолена грань между Богом и кесарем. Правитель не должен быть носителем антагонистической силы по отношению к власти Бога, для человека не должно быть раздвоения при выборе между ними. Следовательно, князь (правитель) должен стать также представителем Бога. Речь идет не об объединении власти в одном лице, а об их единении «по духу и сути». Отсюда и постоянно звучащие требования благочестия и чистоты веры по отношению к князю.

У Илариона вслед за византийскими мыслителями (Фотием и Агапитом) звучит идея «симфонии» («согласия») светской и духовной власти. Но в то же время наблюдается тенденция религиозного обоснования наследования власти, для чего вводится метафизическая аргументация династического правления.

Иларион обращается к обсуждению группы вопросов, связанных с выяснением сущности и употребления власти светской. Сущность государства божественна, так как в своем назначении оно реализует Божественную волю и Божественный Промысел. Носитель власти — «причастник» Небесного Царства. Происхождение власти — наследственное. Власть должна была употребляться «праведно». Этот тезис приводил Илариона к дискуссии о формах правления и методах реализации власти. Применяемая формула «единодержец своей земли» означает мнение о единодержавии как о единой и суверенной власти в пределах всей подвластной князю земли. Власть князя крепка «мужеством и смыслом», а также тем, что он «землю свою пасуще правдой». Идеалы религиозные должны быть близки князю. Главное для князя — забота о своих подданных, так как за все происходящее на его земле именно он, а не кто иной, будет отвечать перед Богом, независимо от того, знал князь о происходящем или нет. Управление должно основываться на милосердии, а не на наказании.

В сочинениях русских мыслителей указывается, что князь отвечает за вверенное ему Отечество не только перед Богом, но и перед подданными. Эта идея

отразилась в сочинениях митрополита Киприана. Подданные должны видеть в своем правителе опору и надежду, а также иметь право спросить за происходящее, так как в руках правителя — их судьбы. Подданные подчиняются правителю абсолютно, но он должен ощущать ответственность, на него возложенную.

Аналогично рассуждает и Нестор Летописец: «Бог дает власть, ему же хочется; поставляет бо цесаря и князя вышний, ему же хочется дать... аще бо кая земля управится пред Богомъ, поставляет ей кесаря или князя праведна, любяща судъ и правду» [12, 139–140].

Исторические реалии, феодальная раздробленность Руси оказали влияние на коллизии развития темы власти. Но именно преодоление этих реалий приведет к окончательному выбору в пользу концепции божественного происхождения наследственной власти в Московской Руси.

Постепенно, в связи с теми потрясениями, которые переживала Русь — феодальная раздробленность, татаро-монгольское иго, — в понимании человека все более начинают сказываться пессимистические и эсхатологические мотивы. Пример тому — сочинения епископа Серапиона Владимирского. Серапион Владимирский отражает не только последствия испытаний, пришедших на Русь, но и определенную стадию осознания христианских истин. Серапион Владимирский пишет, что его современники уже были свидетелями всех обещанных мук и событий, демонстрирующих наступление конца света (затмение, землетрясение, голод), и все это является следствием того, что Бог «...грехов наших... беззакония нашего вынести не может» [16, 441]. Бог через святых учителей (Василия Великого и Григория Богослова, Иоанна Златоуста) пытался наставить на путь истинный Своих сынов, но так как они не слушали слов Его, теперь Он учит людей «не устами, но делом». Само татаро-монгольское иго послано Богом за грехи людей, и все происходящее дополняет картину приближающегося конца: «И не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избили...» [Там же]. Страшного суда не избежать, но можно уменьшить вину свою через покаяние и тем самым уменьшить «ужас» Судного дня: «...раскаемся все мы сердечно — и Бог оставит свой гнев; отвратимся от всех злодеяний — и Господь Бог да вернется к нам... Придите и покайтесь со мной, и вместе умолим мы Бога, ибо я знаю: если покаемся мы — будем помилованы...» [Там же, 445].

В целом мы можем отметить следующее: русская средневековая философия истории развивалась в традициях креационистско-финалистического христианского понимания исторического процесса, когда магистральный ход истории понимается изначально predetermined Богом и однонаправленным процессом, начальный и итоговый моменты которого соединяются воедино в вечности. При этом наблюдается определенная двойственность: христианский провиденциализм неразрывно соединяется с нравственным учением о свободе воли, учением, в котором личный независимый выбор между добром и злом выводит на проблему воздаяния после Страшного суда. «Общая predeterminedность истории, таким образом, не распространяется на всю множественность конкретных исторических событий и личных свободно волеизъявляемых

поступков людей. История на каждом своем отрезке складывается из совокупности самовластных действий индивидов» [10, 4].

К концу XIII столетия ощущение приближающейся катастрофы еще более возрастает. И все чаще и чаще звучит тема Суда и мучений, которые ждут человека за несоблюдение заповедей Бога. Христианство на Руси уже существовало несколько столетий, восприятие его становилось все более осознанным. И что же возникало перед взорами современников? Идеал оставался идеалом, внешние же проблемы только усиливали различие между желаемым и реальностью: «...мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия...» [16, 445].

В сочинениях Серапиона Владимирского теория казней получила свое классическое оформление. Мы можем отметить и следующую закономерность: «После того как на рубеже XIV–XV вв. русские мыслители при объяснении всех событий стали руководствоваться принципом всеобщего Божественного попечительства, единственным творцом истории объявлялся Бог, который “елико хочет, ть и творить”. Согласно такой религиозно-философской концепции течение земного бытия предопределено от начала до конца во всех деталях» [10, 42]. Согласно теории казней логика истории находится в прямой зависимости от религиозно-нравственной ситуации в тот или иной период времени. Меняется нравственное состояние общества — и история меняется: наступает либо прогресс, либо упадок. Все надежды на лучшее будущее связываются с укреплением морального и нравственного состояния общества.

Падение Константинополя обострило тему преемственности русского православия от византийского. С падением империи в 1453 г. идея «византийского наследия» начинает восприниматься с новыми акцентами, что нашло свое отражение в Русском Хронографе, легенде о шапке Мономаха, сочинениях Максима Грека, теории «Москва — Третий Рим», «Повести о Белом Клобуке».

Во второй половине XV столетия оформились две внешне близкие, но, по сути, сильно отличавшиеся идеи «византийского наследия». Они различались как в оценке объекта, так и в определении субъекта наследования. Так, в сочинениях Максима Грека говорится о законном праве московского князя на трон и титул греческих царей, из чего делается вывод о его обязанности отвоевать принадлежащее ему достояние — Константинополь. Эта же идея звучит в «Повести» Нестора Искандера, в которой говорится о «русом народе», который в «Седмихолмом» граде воцарится. В текстах Максима Грека и Нестора Искандера проводится мысль, что освобождение Царьграда и воцарение в нем русского правителя, законного наследника византийских василевсов, неизбежно и закономерно.

Другая традиция изложена в «Извещении о Пасхалии» митрополита Зосимы, в котором линия преемственности проводится не между монархами, а между городами: Москва наследует мистическое значение Царьграда как земного образа Царствия Небесного, становясь «Новым градом Константина». Поэтому в рассуждениях этого автора и речи нет об освобождении Константинополя. Так, например, в Хронографе 1512 г. надежда на грядущую погибель турок не

связана с московскими князьями или с «русым народом», а плачевному положению единоверцев противопоставляется Русь, которая «Божьей милостью и молитвами пречистая Богородица и всех святых чудотворець растеть и млееть и возвышается» [6, 376–415].

Промежуточное положение между указанными традициями занимает цикл произведений о происхождении коронационных регалий владимирских князей, ставший популярным благодаря Спиридону-Савве («Сказания о князьях Владимирских») [15, 422–435]. В этих легендах преемственность между Византией и Русью устанавливается не на уровне городов или держав, а на уровне монархов. Московские великие князья провозглашаются прямыми наследниками римского императора Августа и обладателями царских инсигний византийских василевсов. Спиридон-Савва изображает русских правителей защитниками православия, борцами с ересями. В этом варианте есть и принципиальное отличие: Россия объявляется не только наследницей Византии, но и Рима. Эта идея получит наибольшее развитие в учении «Москва — Третий Рим» [14]. Нужно отметить следующее. Русские книжники, безусловно, стремились разрабатывать свои концепции в рамках традиций, определенных еще византийскими авторами. Но при этом наблюдались следующие взаимосвязанные тенденции: «Канонические рамки оставляли мало возможностей для развития самостоятельных историософских концепций. Но вместе с тем открывались большие перспективы в осмыслении исторического бытия на конкретных примерах современности. Реалии действительности при этом выполняли роль иллюстрации к тем или иным положениям вероучения... Надо отдать должное древнерусским мыслителям, проявлявшим творческий подход и находчивость в умении приспособить догматические принципы к складывающимся на Руси ситуациям» [10, 4–5].

Осмысливая исторические события, связанные с Византией, русские авторы строят и развивают грандиозное учение, поражающее своим размахом, парадоксальностью, утопизмом, а главное — последствиями в отечественной истории и культуре. Это учение «Москва — Третий Рим».

Утопизм по сути своей — это сложная духовная конструкция. Рассматривая историософские концепции русских мыслителей, мы видим примеры исторического утопизма, в основе которого лежит вера в возможность последних слов, в возможность окончательной исторической удачи. Это вера в возможность практического осуществления мечты в рамках истории. В этой системе ценностей есть своя правда: это мечта о воплощении совершенства. Ложь утопизма кроется в том, что «идеальная действительность» приравнивается к «реальной действительности», то есть нет чувства, что воплощенный идеал разрушил бы эту действительность, в принципе не мог бы быть ее частью или продолжением.

В утопически настроенном сознании идеальная жизнь воображается исключительно объективно, предметно — как особый порядок или система, которая будет охватывать человека и все общество. Этой логикой объясняется присущая утопизму вера в независимый и самодовлеющий характер социальных форм, вера в учреждения. Это определяло, к примеру, веру в Византии и Руси в четко выстроенную бюрократическую систему и ее благую роль в государстве. Все внимание сосредоточивается на организации всего и вся, так как

только правильно построенная жизнь (построенная механически и отдельными людьми, пусть даже самыми достойными — но лишь ими) гарантирует абсолютную гармонию. Также необходимо отметить, что утопической волей движет идея абсолютной рационализируемости общественной жизни: всякий существующий порядок, вся полнота общественных отношений априорно объявляются полностью «кодифицируемыми», определяемыми обобщающими формулами, в результате между жизнью и кодексом ставится знак равенства.

Примером развития указанных идей служит Россия XV в. Это была эпоха величайшего государственного торжества на Руси, что в глазах идеологов приближало ее к выполнению своей официальной исторической миссии — стать Новым Римом. Представлялось, что сама история вот-вот закончится, так как в мире, полном политической и культурной упорядоченности, не останется места для случайностей, отклонений.

Из произведений философской, исторической, политической мысли строится полная и строгая «концепция Святой Руси»: «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, определяет взаимосвязь ее со всеми аспектами жизни человека, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают выстроенную концепцию русской истории [5, 248–287], которая находит свое внутреннее выражение в «Повести о новгородском белом клобуке» — знаке незапятнанного ересями русского православия, которым удостаиваются русские наследники Первого Рима и Царьграда [13, 198–232]. Сами тексты поражают своим масштабом. Например, Великие Минеи четьи — это собрание более чем двух тысяч произведений переводной и оригинальной литературы [1]. Их составителями были митрополит Макарий, ряд других видных общественных деятелей времени и философов (Зиновий Отенский, Василий Тучков, Ермолай-Еразм), текст создавался почти четверть столетия. Авторы опирались на многочисленные и разнообразные византийские источники («Диоптра» Филиппа Пустычника, сочинения Дионисия Ареопагита, Иустина Философа, Иоанна Лествичника, Козьмы Индикоплова, Иоанна Златоуста, других). Изучение всего комплекса текстов Великих Минеи четьи должно было не только познакомить читателя со знаниями в области гуманитарных наук того времени, но и сформировать определенные константы мировоззрения.

Во всех сочинениях данного периода царит идея единства и стройности, идея «чина». Предполагается единый быт всех слоев общества, единый круг чтения, единое законодательство, единое мировоззрение. Это приводит к увеличению внимания к значительности всего того, что свершается в этом мире; земное стало важным как содержащее в себе вечное, Божественную волю. В утопически настроенном сознании происходит не только кодификация и рационализация действительности, но и указывается, что эти процессы необходимо направить в порядке целеполагания, так как возможным кажется предвосхищение в деталях строения грядущего идеального общества. При этом наблюдается стремление к детальной регламентации жизни во всех ее проявлениях.

Обряд для XVI в. — это больше, чем религиозное сознание, это восприятие мира. Упорядоченность быта оказалась почти обрядовой, даже приготовление

пищи — почти церковное таинство, послушание — почти монастырское, любовь к родному дому — настоящее религиозное служение (на понятие «дом» переносится часто другое — «рай»). Нарушение домашнего обряда — почти церковный грех.

Из указанных установок следовала трактовка идеала как имманентной цели неизменного исторического процесса, что определяло его прочность и стойкость, обеспечивало историческую победу. Отсюда это странное, поражающее своей болью и жестокостью с точки зрения современных понятий добра и зла равнодушие, с которым идеологи «рокового и непрерывного» движения к лучшему будущему относятся к реальному сегодняшнему горю и страданию, как к своему собственному, так и к чужому (это многое проясняет в сочинениях и реальных поступках Ивана Грозного).

Проводник к лучшему чувствует в себе вселенскую, сверхличную непогрешимую силу. Исторически мы наблюдаем постоянное слияние учения о «насилии благодати» с напряженностью утопических ожиданий. Главным становится воплощение идеальной Вселенной, мира, объективной гармонии космического бытия. Благодать становится естественной силой этой подлинной сферы. Детерминизм есть только одна из слагающих этого универсально-органического мировоззрения. Необходимость есть только одна из сторон объективности. Главное — овеществление нравственно-ценностного мира, сообщающее ему роковую неотразимость. Общественный идеал есть полная, завершенная объективность, равновесное состояние мира, именно состояние, факт, порядок, то есть организационная форма мира. Поэтому можно забыть личные страдания, чужие муки в грезах о «мессианском пире», ибо внимание направлено вовне. Мысль работает в категориях космических, лица и поколения воспринимаются как детали и фрагменты объемлющего их целого.

В этом одностороннем объективизме, в овеществлении нравственных ценностей, в завороченной прикованности к «конечной цели мира» проявляется самочувствие человека Московской Руси.

XVI столетие вошло в историю не только как вершина торжества русской государственности (перед наступлением периода Смуты и хаоса), но и как время создания величайшей утопии русского Средневековья — теории «Москва — Третий Рим».

На формирование концепции инок Филофея «Москва — Третий Рим» оказала влияние реальная историческая обстановка. Возвышение Москвы совпало с падением Константинополя, которое произвело большое впечатление на современников и вызывало негативную реакцию. Таким образом, Московское царство оказалось центром православного мира. Время державы императора Константина как бы вновь повторялось: на свете было только одно государственное воплощение для истинной веры, далекое от ислама, не могущее, в отличие от католических стран, встать ни в какой ряд, ни в какие отношения соподчинения с единоверными ему государствами. Таковой представлялась Русь. Указанные факты исторических реалий нашли отражение в знаменитом «Послании к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» инок Филофея: «...весь некогда великий Рим пал и болен неисцелимым неверием...

В новый Рим бежала (святая церковь), то есть в Константинополь, но и там покоя не обрела из-за соединения православных с латинянами на восьмом соборе, потому и была разрушена константинопольская церковь и унижена была, и стала она подобна хранилищу овощей. И наконец, в Третий Рим бежала — в новую и великую Русь. Это тоже была пустыня, так как не было в ней святой веры, не проповедовали там божественные апостолы, после всех воссияла там Благодать Божия спасения, с ее помощью познали мы истинного Бога. Единая ныне соборная апостольская церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится, и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову церковь и утверждает православную веру. А когда змей (дьявол) испустит из уст своих воду, как реку, желая жену в воде потопить, то увидим, что все царства потопятся неверием, а новое же русское царство будет стоять оплотом православия...» [17, 219–221].

По мнению Филофея, центром православия может стать лишь политически суверенное государство, пользующееся всеобщим уважением и обладающее достаточной силой, чтобы защитить свои святыни. Такова Московская Русь, поэтому Бог и избрал ее Третьим Римом — великим и вечным. Управлять таким царством может лишь посредник между Богом и людьми, достойнейший из достойных — русский царь.

Учение Филофея имело большое распространение среди современников и в последующие века. Москва стала часто упоминаться в официальных документах как «богохранимый преименитый царствующий град, благочестием цветущий» (например, Степенная и Царственная книги, Уложенная грамота об утверждении на Руси патриаршества, состав чина венчания Ивана IV) [8]. Политическая доктрина Филофея неоднократно представляла в различном образном воплощении. Например, десять клейм нижнего яруса программы храмовой росписи собора Смоленской Богоматери Новодевичьего монастыря. Изображение этой темы оказалось тесно связанным с мариологическими сюжетами, которые были широко распространены и утверждали единство, целостность, независимость и величие Русского государства, соотнося образ Богоматери с образом освобожденной и великой матери-Родины.

Особую роль в развитии и популяризации идей Филофея играл и географический момент. Киевская Русь, территориально большое, но все же ущемляющееся в обозримых пределах государство, могла еще ощущать себя частью европейского мира, Московская же Русь постепенно становится ареалом евразийским. Она становится сама себе миром. Речь идет не о присвоении неевропейских территорий для европейского государства, а о создании единого евразийского пространства для православной веры. И центром этого мира становится Москва.

Идея о создании на земле истинного христианского государства вела к мысли о необходимости преобразования окружающей действительности, что начало проявляться еще во времена Иоанна Грозного, но достигло небывалого масштаба при патриархе Никоне. В общем-то прав В. В. Зеньковский, пишущий, что таким образом Русь предпринимала последнюю попытку окончательного «воцарения» в мировой истории: «...политическая идеология XI и XVII вв. всецело

создавалась именно церковными кругами... во имя искания освященности исторического бытия... усвоения священного смысла царской власти, вся эта удивительная “поэма” о “Москве — Третьем Риме” — все эти цветы утопизма в плане теократическом, все это росло из страстной жажды приблизиться к воплощению Царствия Божия на земле. Это был некий удивительный миф, вырастающий из потребности сочетать небесное и земное, Божественное и человеческое в конкретной реальности. Из глубин мистического реализма церковная мысль сразу восходила к размышлениям о тайне истории, о сокровенной и священной стороне во внешней исторической реальности» [4, 41].

Несмотря на оптимизм, который выражался в периодически возникающих идеях о практическом воплощении замысла избранности русского царства, постепенно все более звучит тема о приближающихся великих испытаниях Страшного суда, и так как последнее царство уже существует, то Суд уже совсем скоро. Ожидание в конкретные даты конца света и все, что в связи с этим происходило, фактически есть последствия учения «Москва — Третий Рим», эсхатологического по сути своей. Русский народ затратил бездну душевных и физических сил на реализацию своей мечты о Царстве, о слиянии земного и небесного. И в какой-то мере разочарование в этой иллюзии и привело к окончанию Средневековья.

XVI в. был временем, как мы указывали, которое определялось идеей единства, цельности и гармонии. «Один из лейтмотивов русского менталитета — отталкивание от раздробленности, разорванности (будь то в мире или в обществе или в душе человека) и стремление к цельности, святости, единству» [20, 78], и XVI в. всеми силами стремился к искомой гармонии, не чувствуя ее несбыточность. Поэтому XVII столетие со всеми его потрясениями было закономерным.

XVII в. часто изображают «веком дореформенным», застоём, который был преодолен деятельностью Петра I. Однако его менее всего можно назвать таковым. Это век Смутного времени, социальных и экономических преобразований, целого ряда политических кризисов, религиозных реформ. Да, внешне старый обычай и обряд сохраняются, но перемены все резче вырисовываются на общем фоне, и старину приходится уже восстанавливать, закреплять, заучивать, заставлять ей следовать. Этим отчасти и объясняется требование обряда, церемонии, но уже не как порыва души (как это было раньше), а как болезненной необходимости. Как известно, о нерушимости устоев всегда начинают беспокоиться тогда, когда они рушатся, ощущение же приближающихся перемен не покидает русские тексты уже с начала XVII столетия. В этой упорной защите старины чувствуется запоздалая самозащита. «Это был век потерянного равновесия... век небывалых и неслыханных событий... Век драматический, век резких характеров и ярких лиц» [19, 58], век, который закончился апокалиптическим испугом. «Вдруг показалось: а не стал ли уже и Третий Рим царством дьявольским, в свой черед... В этом сомнении и догадке исход и тупик Московского царства» [Там же], и на этой точке заканчивается русское Средневековье.

Раскол XVII в. — в мировоззренческих константах — есть конец русского Средневековья. Раскол — мечта о неосуществленной иллюзии под названием

«Святая Русь». Он порожден разочарованием, а сам призывает к побегу из реальности, созданию нового мифа. Раскол весь в воспоминаниях о том, чего никогда не было, но что ожидалось почти семь столетий, — в воспоминаниях о «Святой Руси». Опираясь на то или иное понимание «Святой Руси», отечественная средневековая мысль пыталась построить философию истории, а когда стало ясно, что это невозможно, нашелся выход: раскол сам «вышел» из истории: «Раскол есть... исход из истории» — очень точное определение [Там же, 67]. Поэтому наиболее близким к мировоззренческим установкам раскола оказался образ Китежа.

Раскол вполне можно назвать глобальной русской социально-апокалиптической утопией. И без византийских источников здесь не обошлось. Возрастающие интереса к сочинениям Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского, Стефана Зизания с их пророчествами, возникновение на их основе таких русских сочинений, как «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Плачь о пленении и конечном разорении Московского государства», «Трактат о Царствии Небесном», подвели русское сознание к расколу раньше, чем реформы Никона достигли своего размаха.

Мечта раскола — построение земного Града. Это была теократическая утопия, в основе которой — надежда на то, что мечта осуществилась: Московская Русь и московский царь — залог ее реальности. Но ожидание было обмануто. Этим-то и объясняется, что «отступление» Никона взволновало идеологов раскольников меньше, чем «отступление» царя, единственного «истинного» и «православного». Это означало конец Третьего Рима и конец священной истории, так как Четвертому Риму — не бывать. В настоящем времени, как казалось протопопу Аввакуму и его сподвижникам, происходит то, что история и мир остаются без попечения Бога. В подобной исторической ситуации человек остается наедине с самим собой. И на этом фоне возникают совершенно иные рассуждения о судьбе человека в мире: он перестает быть частью мира и становится его центром. Как писал Д. С. Лихачев, из этой логики рассуждений вырастают индивидуализм Нового времени в русской литературе, философской мысли и протопоп Аввакум, яркий представитель новой эпохи, идущей на смену Средневековью.

Идея конца исторического процесса была ярко озвучена в «Житии протопопы Аввакума, им самим написанном». Автор делает вывод: из мира нужно уходить, ибо история мира окончилась. Окончание истории ведет к бессмысленности рассуждений о ней. Так пессимистически оканчиваются историософские рассуждения отечественных мыслителей XVII столетия, тем самым подводя итог и всему Средневековью.

В заключение мы можем сказать следующее: русские книжники активно осваивали византийские традиции понимания исторического процесса, логика, характер и направленность которого вызывали живой интерес. Но освоение это не было простым копированием на базе воспринятых философских и богословских традиций, — они выстраивали свои оригинальные концепции, активно используя собственный исторический опыт и применяя теоретические конструкции к оценке современной реальности. «Соотношение оригиналь-

ного и заимствованного символически можно представить следующим образом. Переводные сочинения несли с собой сумму идей, которую можно сравнить с партитурой. Но в специфически русских условиях партитура эта “проигрывалась” авторски, или, другими словами, занесенные на русскую почву идеи приобретали оригинальные оттенки, а порой даже новое (так сказать, авторское) звучание» [10, 145]. На характер освоения византийского наследия и на логику развития историософских концепций повлияло и то понимание философии, которое было характерно для средневековой Руси. Философия понималась как жизнестроительное учение, которое должно оценить прошлое, объяснить настоящее и указать путь к будущему. Философия понималась как знание, которое должно быть связано с жизнью, ее насущными вопросами, и которое должно давать практические ответы на эти вопросы.

1. Великие Минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1897–1899.
2. Громов М. Н. Структура и типология русской средневековой философии. М., 1997.
3. Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1.
5. Из «Степенной книги» // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985.
6. Из «Хронографа 1512 года» // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
7. Иларион. Слово о Законе и Благодати // Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994 (далее — «Слово»).
8. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995.
9. Как была крещена Русь. М., 1990.
10. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997.
11. Петровский М. П. Иларион, митрополит Киевский и Доментинан, иеромонах Хиландарский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. М., 1908. Т. 13, кн. 4.
12. Повесть временных лет. М. ; Л., 1952. Ч. 1.
13. Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985.
14. Симицына Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
15. Сказание о князьях Владимирских // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
16. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981.
17. Сокровища древнерусской литературы. Красноречие Древней Руси. М., 1987.
18. Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи // Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М., 1991.
19. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.
20. Хоружий С. С. Неопатристический синтез и русская философия // Вопр. философии. 1994. № 5.

Рукопись поступила в редакцию 8 апреля 2013 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 1(091) + 929(100)

И. В. Пьянков

О КНИГЕ МАКРОБИЯ «САТУРНАЛИИ»

Макробий. Сатурналии / пер. с лат. и греч., примеч. и слов. В. Т. Звиревича. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 372 с.

Макробий Феодосий. Сатурналии / пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича; общ. ред., сост., вступ. ст. М. С. Петровой; примеч. и указ. М. С. Петровой, В. Т. Звиревича; прил. М. С. Петровой. — М. : Круг, 2013. — lxx + 810 с. (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах [Т. 4]; изд. с 2010 г. / отв. ред. серии М. С. Петрова).

Профессор В. Т. Звиревич, автор нескольких книг по истории античной философии, который занимается также и переводами античных сочинений, недавно выступил с переводом «Сатурналий» — произведения древнего автора Макробия. Сначала, в 2009 г., этот перевод был опубликован в Екатеринбурге, в издательстве Уральского университета, затем, в 2013 г., в Москве, в издательстве «Круг», в серии «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах» (Т. 4) (Институт всеобщей истории РАН и Институт философии РАН). В этом последнем издании перевод сопровождается ценными исследованиями М. С. Петровой о Макробии и его сочинении.

«Сатурналии» состоят из семи книг и являются сочинением, достаточно объемным даже по нашим современным меркам. Автор сочинения, Макробий, был греком, но в силу своего положения хорошо знал латинский (хотя и извинялся перед читателем за недостаточное его знание) и писал на латинском языке. Но сочинение его усыпано цитатами из греческих авторов, отдельными греческими словами и выражениями. Поэтому от переводчика требовалось знание обоих древних языков. В итоге можно сказать, что переводчик проделал колоссальный труд, проявив достаточное мастерство перевода.

И перевод «Сатурналий» вполне стоил такого труда, тем более что на русский язык ранее это сочинение не переводилось. «Сатурналии» — чрезвычайно интересное произведение, так как находится на грани двух эпох: античной и христианской.

Сам автор, Макробий, еще всецело принадлежит античному языческому миру, хотя время его жизни — почти весь V в. — и жизни основных героев «Сатурналий», участников симпозиа (в большинстве своем реальных исторических лиц), — вторая половина IV — начало V в. — относятся уже к эпохе агонии античной цивилизации, предпринимающей последние попытки вернуть себе былое лидерство (императоры Юлиан, Евгений), знаком чего явилась борьба за пребывание алтаря Победы в здании сената. В этой борьбе за сохранение алтаря в сенате принимали активное участие и реальные прототипы участников симпозиа «Сатурналий». И вскоре после того как Виктория покинула пределы сената, последовала гибель Рима в результате ряда нашествий варваров в V в.

Однако Макробий и его герои как бы не замечают всего этого. Они по-прежнему живут в мире классической античности. Никаких признаков острой идеологической борьбы, прямых выпадов против христианства в «Сатурналиях» нет. Можно отметить лишь один отголосок такой борьбы — это образ (повидимому, собирательный) единственного среди участников симпозиа отрицательного персонажа: он явно несимпатичен другим участникам симпозиа и самому автору, он груб, насмешлив, настроен определенно нигилистически по отношению к дорогим для его собеседников традициям и ценностям. Но и он не назван прямо христианином, хотя имя — Евангел — выдает его.

В целом «Сатурналии» Макробия — это огромный компендиум сведений о самых разных областях жизни поздней античности, бесценный источник для изучения переломной эпохи в истории человечества. А разобраться в этом сложном источнике помогают умело составленные доктором исторических наук М. С. Петровой «Введение» к книге и ряд приложений.

Хочется выразить благодарность В. Т. Звиревичу и М. С. Петровой за то, что они сделали доступным для русскоязычного читателя одно из выдающихся произведений античности.

УДК 141.32 + 141.8 + 929(430)

С. Е. Вершинин

НЕПОНЯТЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Dietschy B., Zeilinger D., Zimmermann R. E. (Hrsg.) Bloch-Wörterbuch. Leitbegriffe der Philosophie Ernst Blochs = Словарь Блоха. Основные понятия философии Эрнста Блоха. — В. ; Boston : De Gruyter, 2012. — 744 S.

Философия немецкого философа Эрнста Блоха (1885–1977), ставшего в немецкой и европейской культуре классиком анализа утопического сознания, написавшего известный трехтомный труд «Принцип надежды» (1954–1959), до сих пор остается непонятой в силу ряда исторических и биографических обстоятельств. С одной стороны, Блоха постоянно приписывают к марксизму — со знаком плюс или минус — и часто ограничивают поле его философствования только лишь политическим контекстом. Так, философ Ю. Хабермас назвал Блоха «марксистским Шеллингом», социолог Х. Шельски — «марксистским экзистенциальным философом» молодежного движения, а Х. Йонас противопоставил «Принципу надежды» так называемый «Принцип ответственности». С другой стороны, сами марксисты дистанцируются, раньше и теперь, от его творчества. Отстранение Блоха от активной научной и общественной жизни в ГДР после 1957 г. повлияло на его биографию: переехав из США в Восточную Германию в 1948 г., Блох после начала строительства Берлинской стены в 1961 г. остался в ФРГ. Следствием такого шага стала негативная оценка и замалчивание его творчества на протяжении многих десятилетий со стороны официальных марксистов и в ГДР, и в СССР.

Последняя тенденция парадоксальным образом воспроизводилась в России в 1990 — начале 2000-х гг., когда термин «утопия» имел исключительно негативные коннотации. Как ни странно, такая ситуация сохраняется до сих пор: многие отечественные исследователи, пишущие на тему утопии и утопического сознания, избегают обращаться к творчеству Блоха, и он до сих пор остается неизученным и непонятым научной российской общественностью¹.

Выход в 2012 г. «Словаря Блоха», подготовленного членами международной «Ассоциации Эрнста Блоха»² (существующей с 1985 г.), позволяет снять многие стереотипы, имеющиеся в отношении этого мыслителя как в Европе, так и в России, и составить целостное представление о его философском наследии. На наш взгляд, составителям словаря это удалось, так как упор делается не на политических, а на онтологических, гносеологических, антропологических, этических, эстетических, футурологических аспектах философии Э. Блоха.

¹ Исключение составляют немногие отечественные авторы, среди которых следует назвать И. А. Болдырева с его работой «Время утопии. Проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха» (М. : Гос. ун-т — Высш. шк. экономики, 2012).

² Инициаторами создания словаря являются Дорис Цайлингер — исполнительный секретарь Ассоциации Эрнста Блоха (Нюрнберг), Райнер Циммерман — профессор философии (Мюнхен), Беат Дичи — управляющий делами благотворительной организации «Хлеб для всех» (Берн).

При этом следует обратить внимание на то, что авторам удалось обобщить все написанное до сих пор о Блохе и создать уникальный словарь одного философа. А ведь это достаточно редкий жанр, аналоги которого отсутствуют в современной философской культуре России. Словарь состоит из 46 обширных статей, в которых анализируются основные идеи и понятия этой философии.

При всем многообразии анализируемых тем следует обратить внимание на несколько сквозных сюжетов, проходящих красной нитью через весь словарь.

Во-первых, это подчеркивание динамизма блоховской философии. «S еще не P», этой формулой выражен один из основных смыслов данной философии. Философия Блоха — открытая система, которая оперирует не столько готовыми понятиями, сколько доказывает: сам мир еще не готов, он находится в становлении и потому сами понятия не должны браться как ставшие, а скорее как становящиеся отображения становящихся сущностей. Онтология у Блоха — это онтология «Еще-не», «Еще-не-Бытия» (статья «Noch-Nicht»), которая конкретизируется через понятия устремленной вперед материи («Materie nach vorwaerts») и гуманизации природы, ее альянса с человеком («Naturallianz»). Примечательно, что в статьях, посвященных природе, идеи Блоха, в частности идея субъектности природы или более широко — натурфилософия, помещаются в контекст современных дискуссий о синергетике и экологии. При этом авторы статей не ставят своей целью апологию творческого наследия мыслителя, а скрупулезно отмечают как актуальные, так и устаревшие положения его философии.

Во-вторых, это демонстрация вписанности Блоха в западноевропейские философские традиции и в то же время наличия у него оригинальных философских идей. С одной стороны, Блох продолжает линию философствования, идущую от греческих стоиков, Аристотеля, через Спинозу и Шеллинга, и движется параллельно Ж. П. Сартру. С другой стороны, он встает в решительную оппозицию к некоторым классикам европейской философии, прежде всего к Платону. Совершенно иной, чем у З. Фрейда и К. Юнга, оказывается и трактовка такого феномена, как мечта. Если Фрейд опирался на анализ «ночных мечтаний» («Nachttraum») (что в русском переводе дается очень усеченно как «сновидение»), то Блох активно использует понятие «дневная мечта» («Tagtraum») и указывает на осознанность и социальный характер этих «экспериментов совершенства в фантазии». Другое понятие — «темнота проживаемого мгновения» (статья «Dunkel des gelebten Augenblicks»), которое по своему содержанию противоположно понятию «естественной установки» известного феноменологического социолога А. Шюца. На наш взгляд, понятие «темнота проживаемого мгновения» может использоваться не только при анализе жанров искусства (например, детектива), но и при популярном сегодня анализе различных феноменов повседневности — вместе с категориями «Фронт», «Следы», «Латенция (Latenz)», каждой из которых посвящена отдельная статья.

В-третьих, это методологический анализ обширного понятийного аппарата, связанного с проектированием будущего. Как известно, Блох в своих произведениях собрал целую энциклопедию социальных, архитектурных, медицинских, технических, географических и прочих утопий. В данном же словаре, в статьях

«Возможность» «Новум», «Ультимум», «Тенденция», «Объективная фантазия», «Надежда», делается акцент на выявлении методологических оснований блоховской интерпретации феномена утопизирования.

В статье «Утопия» подчеркивается, что у Блоха речь всегда идет о «конкретной утопии», имеющей множество оттенков: она выступает как свойство материи, как модус реальности, как неотъемлемое свойство человека. При этом акцент делается на один из важнейших вопросов в данной теме: как и насколько утопия может быть опосредована реальностью? Ведь именно в этом пункте обнаруживается слабость конструкций таких известных теоретиков, как, например, К. Маннгейм или П. Тиллих. Второй обсуждаемый вопрос: можно ли разорвать связь утопии и насилия, проявляющуюся как в самих утопических учениях, так и подчеркивающуюся в критике утопистов, например Х. Фрайером или К. Поппером? Авторы этой и других статей демонстрируют стремление Блоха противопоставить этой трактовке онтолого-антропологическую укорененность утопического в самом окружающем мире.

Особо следует сказать о понятии «неодновременность» (статья «Неодновременность, одновременность, сверходновременность»). Это понятие помогло Блоху в 1930-х гг. дать свою оригинальную интерпретацию феномена германского нацизма. В современных условиях эвристический потенциал этого понятия оказывается востребован: как можно без него анализировать процессы трансформации бывших советских обществ и России, ведь последнюю можно рассматривать, перефразируя выражение Блоха, как «классическую страну неодновременности»? Как изучать развитие глобального конфликта различных светских и религиозных обществ, не вводя экономические, политические, культурные параметры неодновременности?

Примечательной является и статья «Родина», в которой подчеркивается активистский характер Родины. В этой теме Блох снова идет на обострение отношений с массовым сознанием и историческими традициями, — согласно его позиции, Родина создается самими людьми и помещается в будущее, а не в прошлое. Эта незавершенная мыслительная модель, содержащая в себе черты совершенства, дает возможность противостоять нарастающему отчуждению и критиковать существующее положение дел.

Наконец, следует успокоить обеспокоенных читателей-марксистов: практически во всех статьях так или иначе присутствует анализ отношения Блоха к К. Марксу — наряду со специальной статьей «Марксизм». Специфику же этого отношения легче понять через введенное Блохом разделение марксизма на холодное и горячее течение как в теории, так и на практике (статья «Kältestrom — Wärmestrom»). Холодное течение означало критику идеологии, анализ исторических и экономических ситуаций, а теплое течение — обращение к моральным ценностям, объективной фантазии, предвосхищению будущего.

В заключение подчеркнем еще раз важность введения основных идей философии Э. Блоха в отечественную философию и общественное сознание. Современное социальное положение России — с ее нарастающим комом экономических, социальных, культурных проблем — не оставляет места историческому оптимизму. Напротив, Э. Блох призывает к широкому и целостному взгляду на

мир, опирающемуся не только на прошлое, но и на будущее. Блоховская критика платонизма оказывается очень актуальной для России, поскольку сосредоточение на прошлом и на припоминании приводит к мировоззренческому и теоретическому консерватизму и препятствует тематизации будущего. Понятие «конкретная утопия» позволяет не только критически учесть исторические уроки реального социализма, но и включить в социально-политические проекты мобилизующий ресурс предвосхищения. Эти моменты могут оказаться полезными при выработке позитивной национальной идеи будущего России.

НЕКРОЛОГ

Редакция с прискорбием извещает, что 5 июня после тяжелой болезни ушла из жизни член редколлегии нашего журнала Лариса Григорьевна Попова, директор департамента психологии Института социальных и политических наук УрФУ, заведующая кафедрой психологии развития и педагогической психологии, доцент, кандидат педагогических наук. Мы выражаем самые глубокие соболезнования родным и близким покойной и будем помнить Ларису Григорьевну не только как замечательного товарища по издательской работе, не только как прекрасного организатора учебного процесса, яркого лектора и талантливого педагога, но и как человека редкой доброты и отзывчивости.

АВТОРЫ НОМЕРА

БАРАНОВ Николай Алексеевич — профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» (Санкт-Петербург), доктор политических наук. E-mail: nicbar@mail.ru

БРЯНИК Надежда Васильевна — профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: vastas07@mail.ru

ВЕРШИНИН Сергей Евгеньевич — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: sergejwerschinin@mail.ru

ГАЙНУЛЛИНА Лилиана Файберговна — доцент кафедры философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук. E-mail: lianagai@ya.ru

ГУТОРОВ Владимир Александрович — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: gut-50@mail.ru

ДБЯКОВА Елена Григорьевна — ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор политических наук. E-mail: gf_urfo@bk.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: philosophy7@mail.ru

ИВАШОВ Леонид Григорьевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем. E-mail: geopolis@mail.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Ionaitis@yandex.ru

КЕРИМОВ Александр Алиевич — заведующий кафедрой теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КОМЛЕВА Наталья Александровна — профессор кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор политических наук. E-mail: Komleva1@yandex.ru

МАЙТДИНОВА Гузель Майтдиновна — профессор кафедры международных отношений факультета истории и международных отношений Российско-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе), директор Центра геополитических исследований этого же университета, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения. E-mail: Guzel_maitdinova@mail.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович — заместитель декана факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

МИРОШНИКОВ Юрий Иванович — заведующий кафедрой философии Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор, доктор философских наук. E-mail: miroshnikov1941@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НАРОНСКАЯ Анна Гегамовна — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: naronsk.an@mail.ru

ПОПОВА Ольга Валентиновна — заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, кандидат социологических наук. E-mail: pov_64@mail.ru

ПЬЯНКОВ Игорь Васильевич — профессор кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор исторических наук. E-mail: pyankov_iv@mail.ru

РАДИКОВ Иван Владимирович — профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук. E-mail: radikov_ii@mail.ru

РУСАКОВА Ольга Фредовна — заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, профессор кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор политических наук. Создатель и руководитель Уральской школы дискурсологии, президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ), член Российской ассоциации политической науки (РАПН). Сфера научных интересов — современная политическая философия, дискурсология, теория PR-коммуникаций и медиадискурса. Является автором 235 научных и учебно-методических публикаций. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

САЙМОНС Грегори Джон — профессор Университета г. Упсала (Швеция). E-mail: gregmons@yahoo.com

ТРАХТЕНБЕРГ Анна Давидовна — старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат политических наук. E-mail: gf_urfo@bk.ru

ФАТКУЛИН Булат Гилимдарович — доцент кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук. E-mail: bfatkulin@gmail.com

ЯКОВЛЕВА Елена Людвиговна — доцент кафедры философии Института экономики, управления и права (Казань), доктор философских наук, кандидат культурологии. E-mail: mifoigra@mail.ru

SUMMARY

TRENDS OF THE MODERN POLITICAL PROCESS

- Ivashov L. G.* The Current State of the International Security System 6
The author examines the modern geopolitical world and assesses the threats to Russia's security. These threats are demonstrated to be hitched to the goals of the US National Strategy and, in particular, to the US plans on deployment of anti-ballistic missile system. The author argues that in this situation the mainstay of Russia's foreign policy should become "security through cooperation."
Key words: international security, anti-ballistic missile, preemptive war, geopolitical centers, UN Security Council
- Komleva N. A.* Post-Westphalian World Order and Threats to National Security of Modern States 19
The author outlines the main principles that are regulative in the modern world political order. These principles include priority of human rights in world politics, "soft" state sovereignty, legitimacy of humanitarian intervention, "creative arrest." The author argues that these principles as well as an unchecked possibility of the US military intervention as the only superpower in the modern world generate the systemic threats to national security of the modern states. Another principle that is operative in undermining national security is the division of states into advanced states and failed states. Failed states are viewed as legitimately open to the intrusion by the advanced states. The author concludes that the post-Westphalian world order creates insecurities with which modern states have to cope and that the development of new world order is underway.
Key words: Post-Westphalian world order, national security, threats to national security
- Manoilov A. V.* Managing the Color Revolutions of the Arab Spring 30
The author analyses the western states' conflict management techniques, which were applied to steering ("controlled chaos") color revolutions in the Middle East and North Africa. The evidence is provided to demonstrate that the revolutionary events in Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Bahrain, and other Arab states were not spontaneous and were orchestrated by the external political power. The consequences of the Arab spring revolutions are assessed and the reconfiguration of the Middle Eastern politics is discussed.
Key words: color revolution, Arab Spring, conflict management, political modernization, psychological operations, information policy
- Maitdinova G. M.* Geopolitical Dynamics in Post-Soviet Central Eurasia in the early 2010s. 36
The author analyses the geopolitical dynamics of post-Soviet Eurasia in the beginning of the second decade of the 21st century. During the last ten years Central Eurasia grew into one of the

centers of world politics and economy, therefore, the emergent geopolitical trends that affect the region are discussed. The author focuses on the problems of regional security, in which the major factor is Afghanistan.

Key words: geopolitical dynamics, buffer states, Iranian world, Central Eurasia.

- Fatkulin B. G.* Language Policies in Central Asian States in the Context of Civilizational Heterogeneity 46
- The author explores multilingualism as it developed in Central Asian states after they had gained their independence. The impact of classical languages (Arabic, Persian) on the formation of terminology is analysed. The role of Russian language in Eurasian integration is assessed. The civilizational evolution that can be observed now, needs to be taken into account when ideological underpinnings for the integration in Central Eurasia are constructed. The author argues that the study of historical roots of Central Asian civilization by its partners is necessary if fair relationships with Central Asian states and mutual respect are to be achieved.
- Key words: Eurasian integration, civilizational heterogeneity, multilingualism, language policy, Russian language in Central Asia.
- Rusakova O. F.* Soft power as Strategic Resource and Tool for Developing the National Brand: the Case of Asian Countries 52
- The author examines the notion of “soft power” as a political science concept that helps to analyse the government’s particular means to compete on the global scale. The main element of “soft power” is the attractive image of the country. “Soft power” is the government’s ability to attract others by demonstrating values and achievements in different areas. The antithesis to “soft power” is “hard power” that implies military and economic pressure. The correlative use of “soft” and “hard power” in the government strategy is designated as “smart power.” The author focuses on Chinese, Japanese and Indian national models of “soft power,” because these countries are engaged in developing new brands and images of their nations; in particular, the soft power strategies that create the Chinese national brand, «Cool Japan» brand and «Springing India» brand are described.
- Key words: soft power, hard power, smart power, national model of soft power, state brand, Chinese soft power strategy, “Cool Japan” brand, Indian soft power.
- Muhametov R. S.* Ukraine between the EU and Russia: A Geopolitical Analysis 62
- The author analyses major interests of Russia and of the European Union in Ukraine. The author demonstrates that Brussels’ interest in Ukraine is to contain Russian influence. As Ukraine is vital transit channel of Russian energy to the EU, Russia and the EU compete over controlling Ukrainian gas infrastructure. The military presence of Russia in Ukraine, which is of great importance to Russian national interests, is another controversial issue. The author argues that Brussels and Moscow are interested not simply in what direction Ukraine’s foreign policy will take, but also seek to have sway over the internal affairs and political system of Ukraine.
- Key words: EU-Ukraine relations, Russia-Ukraine relations, NATO-Ukraine relations, Black Sea Fleet, Customs Union, Nord Stream.
- Baranov N. A.* New Institutional Rules in Russian Politics 70
- The author analyses new trends in Russian politics and focuses on the change of institutional rules, which ensued in political and public life of the country after the electoral cycle of 2011–2012. The authoritarian and democratic trends in political life are discussed. The author highlights the factors that may facilitate democratization.
- Key words: authoritarianism, civil society, democracy, parliamentarism, political institutes.
- Radikov I. V.* Citizens’ Political Participation and Political Stability in Russia: New Tendencies 80
- The author starts from the premise that citizens’ political participation is a norm for a democratic society; it is a legitimate method of organized pressure on political regime. The author claims

that Russian citizens' "impulsive" political activity is an outcome of hybrid political culture in Russia. The citizens' political activity is subject to political authorities' efforts to minimize and to control it, and it is further limited by low level of political institutionalization and the majority's disenchantment with democracy. The author highlights new tendencies in observable civil activity and concludes that combination of autonomous, rational, independent citizens' activity with mobilized citizens' activity would be optimal.

Key words: civic participation, political participation, political stability, political institutionalization.

Dyakova E. G. Transfer Area: E-Government in the National Context 94

The author demonstrates that the main indicators, which the national bureaucracies are obliged to target in the e-government development, are constituted through the system of international rankings. However, owing to the interpretive flexibility of the concept of e-government, every public administration sets its own objectives and selects means to achieve them in a way that reflects the national administrative culture. To confirm this thesis, the author analyses in a comparative way the transition to e-government in the United States and in China.

Key words: e-government, administrative culture, administrative reform.

Trakhtenberg A. D. E-government: Incentives to Transformation or Institutional Myth? 101

In the article, the concept of e-government is demonstrated to be an institutional myth, that is, an administrative ideology that provides the existing system of public administration with rational legitimation. The e-government theory includes the myth of the "Electric Sublime" and "Californian Ideology," which has formed around this myth, as well as it comprises the theory of "new public management" whose central component is the idea of "public services." This ideology has a high level of stability in spite of the chronic failures of public administration computerization. The author focuses on a particular instance of how the struggle for the operationalization of the e-government ideology takes place.

Key words: E-government, institutional myth, rational legitimacy, Electric Sublime, new public management.

Naronskaya A. G. Neo-Institutionalist Method in the Studies of Political Elite 109

The author explores the theoretical and methodological problems of the study of political elite and argues that neo-institutionalist methodology provides means both to analyse the essential features of political elite and to determine the trends of elite's institutional development.

Key words: neo-institutionalist methodology, political elite.

Popova O. V. Systemic Constraints on Regional Government Officials' Professional Activities: Interviewing Administrative Elite in 2012 115

The article is based on the discourse analysis of non-formalized interviews. The author explores regional political and administrative elite's views on the main problems in their activities and identifies the systemic contradictions, which are caused by the recent local changes (new governor of the region, corruption, etc.). The author highlights psychological discomfort that regional officials experience at the moment.

Key words: regional political elite, administrative elite, systemic constraints.

Kerimov A. A. Parliamentary Development in Post-Socialist Societies. 123

The post-socialist societies faced the challenge of choosing the form of government and ensuring its implementation. The author discusses the advantages of parliamentary system of government and highlights the factors that may obstruct its development.

Key words: democracy, parliamentarism, representative government

Gutorov V. A. Mass Media as Actor in Political Process: Evolution of the Western Approaches since the 1950s. (Part 1) 130

The author analyses evolution of western political science's approaches to mass media and mass

media's role in political process in liberal democracies. The author focuses on theories of "Minimal Effect," "Mediocracy," "Effects Research," "Text Analysis," "Use and Gratification Approach." The author discusses A. Giddens's structuration theory as the most elaborate approach to interpreting the role of mass media in the western political and social science.

Key words: mass and political communications, political analysis, mass media

Simons G. The Death of the Fourth Estate: Corporate Media and News Production 145

The notion of the fourth estate is the ideological foundation of journalism in the West. It implies that journalism is something that fulfils and supports the public interest, and acts as an independent check and balance against the excesses of the state. However, changes in the news production cycle and process and ownership have seen the destruction of the fourth estate in practice. This paper accounts for some of the reasons why the fourth estate cannot be considered today as being a properly functioning mechanism.

Key words: fourth estate, journalism, news, Western media, corporate media, public relations, decline of journalism

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Bryanik N. V. Is Phenomenology the "Shadow Cabinet" In Philosophy of Science? 158

The author examines whether phenomenology may provide us with an original approach to philosophy of science. Phenomenological approach in philosophy of science is compared with other currents of non-classical philosophy of science. E. Husserl's views on the crisis of science at the turn of the 20th century and on modern European scientific rationality are discussed. The author recounts Husserl's concept of philosophy of science and focuses on those arguments that Husserl offers to introduce his phenomenological psychology and epistemology as viable philosophy of science.

Key words: philosophy of science, phenomenology of science, phenomenological psychology, non-classical psychology, non-classical epistemology

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Yakovleva E. L., Gaynullina L. F. Consciousness Manipulation Technologies and Myth Creation 172

The authors analyse manipulation of consciousness with respect to myth creation. Manipulation techniques rest on mythologems, language's emotional impact, visualization, prophecy, image-making, ritual and ceremonies, mass spectacles, etc. The imagined reality constituted with these techniques is perceived as genuine reality and determines the rules of the social world. The authors claim that it is impossible to counteract this process at the level of mass consciousness.

Key words: manipulation of consciousness, myth, mythologems

HISTORY OF PHILOSOPHY

Emelyanov B. V. Banning Enlightenment in Tsarist Russia: History of Censorship 179

The author discusses Tsarist policy of censoring the works of the champions of French Enlightenment. The author uses archival and bibliographical material to shed light on prohibiting Voltaire's, Diderot's, Rousseau's, D'Holbach's books by secular and spiritual authorities.

Key words: censorship, publication ban, the French Enlightenment, Voltaire, Diderot, Rousseau

Miroshnikov Y. I. "We Shall See Who Is Stronger: Authorities or Reason": Alexander Herzen's 200th Anniversary 187

The author claims that modern Russian society has lost its historical path. In this situation, the events that followed the Decembrists revolt in 1825 regain their significance. A key figure in ideological and political life of the nineteenth century – Alexander Herzen – is of special interest. Herzen's age is a mirror image of modern post-soviet Russia, in this mirror image the left becomes the right and vice versa. A. Herzen always retained his ideological flexibility, guarded his freedom of choice and right to criticize both his own and others' views. In his struggle for the future of his country, A. Herzen emphasized the priority of the freedom of expression and public opinion. Herzen believed that if expressed in publicist way, the thought could guide the masses of society in spite of the authorities' oppression.

Key words: Russian nobility, westerners and slavophiles, Russian despotism, peasant community, peasant socialism, Hegelianism

UNIVERSITY LECTURE

Ionaitis O. B. Philosophy of History in Medieval Russia 196

The lecture traces the evolution, delineates the major trends and topics of Russian philosophy of history from the eleventh to the seventeenth century.

Key words: Russian medieval philosophy of history.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Pyankov I. V. On Macrobius' Saturnalia 212

Vershinin S. E. Unappreciated Thinker 214

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013. № 3 (118)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор   *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка   *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 27.08.2013. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 18,11. Усл. печ. л. 18,80. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 2062.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета»
Серия 3. Общественные науки!»*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской университетской научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru), по почте или лично автором предоставляется текст статьи (в 2-х экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи (см. ниже).

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

- а) Шрифт – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5. Поля – все по 2 см;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Рекомендации к составлению аннотаций статей, представляемых для публикации в журнале «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru